

Наталия Кочелаева Когда глаза привыкнут к темноте

Разве мы можем знать или догадываться о том, что каждое явление нашей жизни имеет свое продолжение и оборотную, теневую сторону? Как в книге судеб, все переплелось в роковой узел.

Женщины рода Ковалевых, Шапур Бахтияр, вельможа из Ирана, пластический хирург Тимур Вагаев... Кто-то из них уже сыграл свою роль на сцене жизни, а кому-то лишь предстояло стать важным звеном в цепи событий.

Однажды в Петербурге, в семье балерины Мариинского театра, стали происходить не совсем обычные события...

Ее внучка Анастасия решила изменить внешность в клинике и неожиданно пропала. Для пластического хирурга Тимура дар видеть невидимое становится болью и страданием. Теперь только от него зависит, как им распорядиться...

Часть первая ЕЛЕНА

ГЛАВА 1

Из какого-то прискорбного, не свойственного мне ранее кокетства я отказалась позировать для фотосъемки и дала журналисту свою старую фотографию. На ней я молода и прекрасна. Толстая темно-русая коса переброшена через правое плечо. Гладко зачесанные

назад волосы – никаких челок, крендельков и начесов! – подчеркивают строгую красоту лица. Огромные глаза глядят насмешливо, нежный рот сжат, в повороте головы видна недюжинная воля. Тонкие руки с непростыми перстнями на длинных пальцах скромно сложены на коленях. Черное платье облегает стройный стан. Я молода и прекрасна. На этой фотографии мне пятьдесят шесть лет.

Я родилась в одна тысяча девятьсот... Не будет ли с меня и этих двух чисел? Последние выветрились из памяти, и даже паспорт мой беззастенчиво лжет. Я родилась в неподходящий для этого год, в год, когда Россия только вздохнула после одной революции и с веселым ужасом предчувствовала вторую. Не только год, но и день был выбран мною неудачно. Тридцать первое декабря, последний день уходящего года. Бедная мама родила меня в канун Нового года. Удался праздник в семейном кругу!

Собственно, никакого семейного круга и не было. Они заключили брак меньше года назад и нанимали две меблированные комнаты в семейном доме. Родители мои были из «новых людей», вместо Библии читали «Что делать?» Чернышевского и между собой толковали все про «народов идеал, свободу золотую», «разумный эгоизм» да «эстетические отношения искусства к действительности». Их брак, разумеется, тоже относился к действительности чисто эстетически – они собирались «пойти рука об руку в светлое будущее, трудясь на благо...» и так далее, все в духе той эпохи. Все проходили в школе роман Чернышевского «Что делать?». Туманно-возвышенные принципы не помешали, однако, моим родителям выполнять супружеские обязанности со всем пылом молодости. Они ведь были так юны, так яростно влюблены друг в друга, так невинно простодушны!

Матушка моя, Арина Касьяновна, происходила из духовного звания. Поповна рано осиротела, осталась за хозяйку у остывающего домашнего очага. Отец Касьян Воздвиженский был огромный, рыжий, кривой поп, пил горькую и отнюдь не избегал общества кухарки Матрешки. Отчасти такие его пристрастия и были причиной того, что дочь Ариша сбежала в Петербург, поступила на курсы и вышла замуж, обойдясь без отцовского профессионального благословения. Впрочем, эта партия могла бы считаться блестящей и для более знатной барышни. Отец мой происходил из «хорошего» рода, но с семьей своей, как и матушка, отношений не поддерживал, раз и навсегда разойдясь взглядами с авторитарным дедом. Портреты этого моего прадеда я не раз видела в последнее десятилетие по телевизору. Бывают такие программы, которые выбрасывают на публику царственные обеды былого величия России. Как правило, за кадром их еще комментирует такой бесполой голос, интонации которого странным образом превращают любой поступок героев передачи в значительный и бессмертный жест. Ну да бог с ними, с комедиантами новых времен, пусть кривляются и завывают. Мне нет до них дела, я хочу еще поговорить о своих родителях. Странно думать, что память о них умрет вместе со мной...

Итак, мой отец, отпрыск древнего дворянского рода, был также студентом-медиком, жил по-студенчески бедно и даже давал уроки в мещанских домах, готовил к поступлению в гимназию великовозрастных оболтусов и получал за это ничтожную плату. Жизнь тогда была дешева, мать с отцом имели возможность не только снимать жилье, питаться и одеваться, но даже приглашать гостей. Угощением служила чайная колбаса и французские булочки, гости пили пиво и говорили о Льве Толстом. Хозяин квартиры, учитель словесности в отставке, порой заглядывал на огонек к квартирантам и принимал участие в горячей дискуссии. Так, вероятно, проводили время гости родителей и в предновогодний вечер, когда моя матушка почувствовала первые схватки. Она отошла в спальню и позвала к себе отца. На удивление студент-медик совершенно потерял голову, узнав, что вот-вот станет отцом. Впопыхах он стал одеваться, искал шапку, калоши, ронял вещи, вскрикивал и чертыхался. Матушка моя следила за ним с абсолютным спокойствием и курила папироску, стряхивая пепел на хозяйский вытертый ковер. Когда папенька наконец привел акушерку – надо думать, хмельную и недовольную, – матушка уже благополучно разрешилась от бремени. Акушерка оказала ей кое-какие необходимые услуги и ушла, получив мзду, а мама получила возможность взглянуть на меня. То, что она увидела, ее испугало. Левая щека младенца

женского пола – моя щека! – была обезображена розово-багровым родимым пятном. Пятно затрагивало даже шею и висок. Прибежавший на ее вскрик отец успокоил роженицу выпренными фразами о том, что смазливая мордашка – не главное в женщине, что душевные качества и ум, которые во мне разовьются под благотворным влиянием родителей, помогут компенсировать изъяны внешности, упомянул «новых людей» и эмансипацию. Краснобайство его было насквозь фальшиво – сам-то он женился на женщине замечательной красоты, хоть и несколько простонародного толка. На моей маме то есть. Не умея успокоить жену пустыми фразами, он заверил ее, что в скором времени медицина начнет справляться с подобного рода неприятностями – с помощью электричества. Как мы видим, тут он был не так уж и не прав.

Но родимое пятно осталось при мне на всю жизнь. Его предлагали убрать много раз, но я не соглашалась. Чудодеи-врачи из швейцарской клиники подтягивали мне веки, щеки, шею – я умоляла их не трогать пятна. Оно только чуть передвинулось к уху. Всей кожи, что с меня срезали, хватило бы на новую обивку моего кабинетного дивана, это уж точно.

Итак, познакомившись со мною и поздравив супругу, мой отец вернулся к гостям, которые и не думали расходиться, а спокойно ждали развития событий. Они вновь принялись за колбасу и Льва Толстого, а мы с матерью заснули, обе страшно утомленные.

Наша жизнь так и пошла дальше. Со свершением чуда материнства Арину Касьяновну перестали интересовать «вопросы», Лев Толстой и русская революция, отец начал с ней скучать и пропадать из дому надолго. Я почти не помню его. Остался в памяти блеск очков в тонкой золотой оправе, мягкие движения холеных, холодных рук в крахмальных манжетах. Он чаще появлялся, когда я болела, – быть может, только тогда он ощущал свою необходимость? Его образ причудливо вплетался в скарлатинный, дифтеритный, коревый бред. Семейные противоречия разрешились в духе той эпохи. Отца призвали на фронт в качестве военного врача. Через год он погиб в Галиции, там же и был похоронен. Мама показала мне Галицию на карте, и я удивилась:

где там было лечь моему большому, высокому отцу, если вся Галиция с ноготок? Потом, рассматривая старинные фотографии, я поняла, что отец был худощав и, скорее, маленького роста. Так что клочок земли для него нашелся.

Не помню, чтобы мы как-то особенно бедствовали. Потом я читала в мемуарах – был голод, на свои карточки люди порой ничего не могли получить, падали замертво на улицах... Конечно, еды было не вдосталь, куда-то исчезла даже докторская колбаса, даже колбаса из конины. Но каждый день пыхтела у нас на примусе каша, или селедочный суп, или поджаривались оладьи из ржаной муки. Как сейчас помню пронзительно-сладкий вкус сахарина – сейчас его ни за какие деньги не достать, а с каким наслаждением лизнула бы я жгучую крупинку! Бывало порой и молоко, и яйца... Мама все же не зря училась на своих акушерских курсах. Когда они только начинались, казались модным аксессуаром «новой женщины», практическая польза обнаружилась впоследствии. В то время, несмотря на разруху, на нехватку самого необходимого, на смятение и ужас перед завтрашним днем, детей родилось много, особенно мальчиков. Вспомнив деревенскую примету, качала головой моя Арина Касьяновна: «Быть войне». Она была права. Торопливо и щедро метала жизнь семена, и бойко прорастала молодая, здоровая поросль – та самая, которой суждено будет почти сплошь полечь в покос Второй мировой.

Вообще же после гибели отца мать как-то опростилась и стала похожа на ту, кем и была в действительности, – на деревенскую, красивую и разбитную бабенку в самом соку. Румяные чары бывшей курсистки прельстили не кого-нибудь – чекиста! Где подцепила его моя Арина Касьяновна? Торопясь от пациентки, грузно скользила она по обледеневшей мостовой. Страшно, страшно тогда было вечерами на питерских улицах! Того гляди – налетит, посвистывая, лихая шайка, или споткнешься о падаль, и не думай лучше – звериная ли, человечья! Остановился автомобиль, оттуда вышел человек в кожанке и сказал что-то вроде: «Негоже одной по улицам ходить, лихих людей много, обидеть могут». Довез до дому, немногословно напросился в гости – «завтра к вам загляну». Принес с собой

невиданные лакомства – твердозамороженную головку сыра, бутылку кагора, берестяной коробок шоколадной халвы. Последняя предназначалась «девочке». То есть мне. Заботливый – заметила, верно, моя бедная мама.

Он был обтянут телячьей кожей, голодноглазый, поджарый, как борзая собака. Не знаю, любила ли его мать – скорее, боялась. Или жалела? Они быстро поженились, и мать взяла его фамилию, я же осталась при отцовской.

Вскоре мы из своей каморки перебрались в роскошную квартиру, принадлежавшую «ликвидированному элементу», как пояснил следователь Чрезвычайки Афанасьев, мой новоиспеченный отчим. Он вообще не стеснялся в формулировках, не стеснялся своей палаческой работенки, но всеми силами темной души стремился к «просвещению». Первым этапом его окультуривания стал маникюр. Английский кожаный несессер, обнаруженный в той же квартире, впервые служил таким корявым, залубеневшим лапам, и раз-два в месяц я имела счастье наблюдать, как мама обрабатывает ногти своему мужу, специальной лопаточкой удаляет из-под них засохшую кровь «элементов».

Про себя я звала отчима Прохвост. Это было слишком мягкое прозвище для убийцы, для добровольного палача, но именно оно подходило скользко-увертливому Афанасьеву. Иногда к нему приходили друзья, такие же чекисты. Не знаю, впрочем, существовало ли в их кругу понятие дружбы... Во всяком случае, они вместе пили – то вонючий самогон, то изысканное реквизированное вино, порою нюхали кокаин, говорили о своих делах намеками, но никогда не пели, не веселились, словно на их душах лежало какое-то неизбывное бремя. Самым же страшным из них был плечистый латыш с такими светлыми глазами, что они казались почти белыми на фоне очень бледного, отечного лица. Его партийная кличка была Слепой.

К тому моменту я оставила 14-ю нормальную совместную школу. Толку в ней все равно не было никакого. Занятия проводились с пятого на десятое, не было ни учебников, ни учителей, ни методики. В «группе», как тогда называли класс, процветала анархия. В конце концов, это стало уже опасным, и я решила учиться самостоятельно. Бывший хозяин квартиры, видный врач-психиатр, сгинул, оставив в мое распоряжение огромную библиотеку, руководством мне служила программа для мужской гимназии. С раннего утра я забивалась в кабинет и сидела над книгами. Гости отчима собирались в столовой, смежной с кабинетом, и нужно было вовремя прекратить занятия, чтобы прошмыгнуть и запереться в своей комнате, пока они не начали свой невеселый дебош. Часто книга затягивала меня, и я с ужасом слышала сквозь стенку голоса...

Они по-деловому спокойно, без страсти и запала обсуждали свои кровавые дела. Как-то раз из обрывков разговора я узнала о «блестящей акции красного террора». Дело в том, что многие из офицеров командного состава Балтийского флота не эмигрировали, не скрылись, не переправились ни к Юденичу, ни к Колчаку, ни к Деникину. Все они служили новой власти и, очевидно, проявляли недюжинную лояльность, ибо за годы большевизма ни разу не были арестованы. Мой отчим со товарищи придумали для них перерегистрацию. Для людей военных, привыкших подчиняться, это была штука достаточно обычная и не первый раз практикующаяся. Каждый из них, в чем был, со службы заскочил перерегистрироваться. В тот день было задержано около трехсот человек.

– И никто не дернулся? – спрашивал одного палача другой, по служебным обстоятельствам не принимавший участия в этой чудовищной лжи.

– Ни один! Говоришь ему: посидите тут, в комнате, до выяснения обстоятельств... Сидит, голубчик, день, сидит два. А на третий видим – амба, никто больше не придет, все дураки собрамши. Собрали конвой посерьезней, повели на вокзал, усадили в теплушки и повезли по разным направлениям!

– Ничего не говоря?

– Да что с ними говорить, – рубил все тот же голос. – Контра, гниды! Думаешь, их куда-нибудь довезут?

Я сидела в кресле, затаив дыхание, рассудок мой отказывался верить в услышанное.

Сейчас я порой думаю: может быть, именно в тот предвечерний час, когда на город опускались тихие синие сумерки, я сошла с ума от ужаса и вся моя жизнь была только игрой безумного воображения?..

Особенно страшно было, если я знала, что мамы дома нет, и во всей огромной квартире я одна с этими палачами, и если мне понадобится выйти – придется лавировать между их стульями, ощущать вибрацию свинцовых голосов, сутулить плечи под похабненькими взглядами... Так что порой для личных нужд приходилось использовать фикус, привольно разросшийся в огромном горшке.

Но мне не удалось избежать внимания Слепого – слишком часто я думала о нем, с неослабевающим напряжением и страхом, так что это не могло не передаться ему! Как-то увидев меня в прихожей, он, не понижая тона, спросил отчима:

– Это ваша приемная дочь, товарищ Афанасьев? Красавица. Как зовут? Учится? Служит?

Я в тот момент действительно искала службу, но Прохвост никогда со мной не разговаривал и об этом знать не мог, потому отделался невразумительным мычанием. Что-то из него латыш, видно, понял, потому что продолжил, уже обращаясь ко мне:

– Стенографировать можете? М-да... А на машинке? Отлично. Приходите ко мне завтра, придумаем что-нибудь.

Я не была склонна к обморокам, но тогда, помню, у меня зазвенело в ушах и время стало ощутимым, липко-тягучим, как патока. Через несколько бесконечных мгновений я услышала свой удивительно спокойный и твердый голос:

– Спасибо, товарищ. Я приду.

О, как органично и естественно этот чужой голос выговорил слово «товарищ» – и выговорил, очевидно, с верной интонацией, потому что латыш приподнял белые щеточки бровей и усмехнулся, как человек.

Белоглазый и белобрысый оказался тем самым страшным Лагнисом, председателем ЧК. Он принял меня в ярком, залитом бешеным весенним солнцем кабинете и показался мне вдруг совсем нормальным.

– Елена Николаевна, придумали мы для вас заделье. Будете состоять при архиве, вести алфавит всех оконченных дел. Архив нужно привести в порядок, мы на вас надеемся.

В его кабинет ввели серолицего, шатающегося господина в приличном костюме, и Слепой, оборвав разговор, тычком указал мне на дверь:

– Вас введут в курс дела, в добрый час.

Так я стала работать на большевиков. Сначала мне в этом виделись одни только плюсы. Обязанности мои были несложны, я получала жалованье, и еще мне полагался неплохой паек. К тому же отчим стал относиться ко мне с заметно возросшим уважением и, обращаясь ко мне, говорил «товарищ Елена». Мою мать он называл «жена». Будни Чрезвычайки оказались не страшнее, чем в обычном учреждении. Та же бюрократия, проволочки с документами, бумажная возня – так мне виделось из своего архива. Самые страшные допросы, пытки, убийства происходили в глубине подвала, куда мне не было доступа, откуда не долетало ни звука. Но в картотеке за сентябрь–ноябрь насчитывалось двести карточек. Я узнала и о судьбе тех офицеров, что отправили по этапу, пригласив предварительно на перерегистрацию... Все они, или почти все, были отправлены в холмогорский концентрационный лагерь, который даже в почти официальных документах цинично именовался санаторием смерти. Впоследствии этот фокус будут успешно использовать фашисты. Население ведет себя более спокойно, когда полагает, что его ведут на «регистрацию», «дезинфекцию» или, допустим, «сатисфакцию», а не в газовые печи.

Комендант лагеря, старый политкаторжанин Кедров, не имел возможности принять новую партию арестованных – санаторий и без того был переполнен. Он остроумно вышел из положения, этот большевик: собрал вновь прибывших на баржу и открыл по ним огонь из пулеметов... Быть может, это зверство в данном случае было даже гуманно, потому что о холмогорских лагерях ходили самые жуткие слухи. В здешней ЧК тоже не хотели отстать и

отправили на барже ни много ни мало – шестьсот заключенных из различных петроградских тюрем в Кронштадт. На глубоком месте, между Петроградом и Кронштадтом, баржа неизвестно почему затонула.

Помимо «алфавитной возни» я добровольно обязалась подавать главному инициатору всех этих казней, товарищу Лагнису, крепко заваренный чай, в который он неизменно добавлял столовую ложку спирта. Председатель ЧК по-прежнему внушал мне страх, как все необъяснимое и непостижимое. Я никогда не видела, чтобы он обедал – хотя порой приезжал Лагнис на службу к восьми часам утра, а уезжал в десять – в половине одиннадцатого вечера. Выражение его лица не менялось никогда. Пару раз к нему на службу заезжала супруга – полная, холеная латышка с лицом как холодная телячья котлета, в соболях, но, даже глядя на нее, я не могла представить Лагниса в бытовой обстановке, не могла вообразить, как он целует жену или делает что-то по хозяйству. Даже Прохвост, в котором недавно проявилась умильная склонность к столярному мастерству (выпил на досуге полочку в кухню), на его фоне выглядел почти человеком.

В Чрезвычайке приняты были ночные дежурства. Мой черед пришел через месяц. Я не боялась, зная, что у входа стоит патруль, дремлет в своей камере под лестницей истопник Архипыч, что у меня есть книга стихов Блока и бутерброд с ливерной колбасой... Но за окном промчались фары, вскрикнули тормоза, и мышиная суматоха подсказала мне – приехало начальство. Это был Лагнис. Он вызвал меня звонком, попросил принести какое-то дело, подошел ближе, словно задумавшись, и вдруг ловко повалил на пол перед печью, на толстый темно-красный ковер. Бывает, во сне – хочешь закричать и не можешь, вот и я только раскрывала рот, а рвался оттуда сиплый писк.

– Нэ кас нэбус, нэ кас нэбус¹, – шептал он мне, обдавая лицо горячим запахом табака, а короткопалая пятерня быстро заминала юбку в шотландскую клетку.

Но он ошибся – это выяснилось через два месяца после того, как признаки моей невинности остались невидимыми на темно-красном ковре. Знания, почерпнутые из маминих книг, и темный женский инстинкт позволили мне установить наступление беременности. С изумлением я смотрела в зеркало, не узнавая себя. Сутулая, бледненькая дурнушка исчезла, появилась молодая особа с бело-розовой кожей налившейся грудью, уверенным взглядом серо-голубых глаз. Даже родимое пятно, уродовавшее левую щеку, изменилось. Когда оно стало таким? Пятно походило на розу, можно было различить даже отогнувшийся лепесток и вообразить шипы на тонком стебле, спускавшемся на шею, под кружевной воротничок блузки. От восторга и удивления я забылась. Мне представилось, что Лагнис тут же оставит свою жену (к слову сказать, они были бездетны), женится на мне, уведет из уже ненавистного дома. Пусть он Слепой, пусть он палач, но жену станет любить и баловать, накинёт на мои узкие плечи соболью шубу, погрузит в пахнущее бензином нутро автомобиля... Я даже не рассказала маме о своем положении, хотя она-то могла, могла бы мне помочь, вычеркнуть из меня красным карандашом случайную запятую зародыша...

Но когда я стояла перед Лагнисом, выложив ему все обстоятельства дела, когда в первый раз спокойно взглянула в его белые глаза – мне вдруг стало очень страшно, страшно по-настоящему.

– Это все надо обдумать, товарищ Елена. Вы уже говорили с родителями?

Чудовищная угроза показалась мне в этом вопросе, и я, торопясь, заикаясь, объяснила ему, что нет, ни с кем я еще не говорила. Конец беседы был как-то скомкан, кто-то позвонил, принесли телеграмму... Я ушла из кабинета. Вечером же, когда я возвращалась домой, осторожно ступая по обледеневшей улице, ко мне подскочили двое. В одно мгновение я лишилась пальто, сумочки и беличьей муфты, но не поверила и никогда на поверю, чтобы это были грабители! Зачем грабителям было бить меня, испуганную до немоты? Да еще так рассчитанно-точно – в живот, в бока, в поясницу, но не по лицу, не по голове?

¹ Ничего не будет (лат.).

Через месяц, когда мне уже разрешено было встать с постели, пришел отчим и сказал:

– Елена, председатель просил передать тебе, что твое место осталось за тобой. Ты можешь вернуться, как только почувствуешь себя в состоянии. Такое уважение от старого большевика, это нужно ценить...

И пошел, и пошел заливаться, как на митинге. Я смотрела на него, выключив слух, и вдруг вся его жизнь предстала передо мной как на ладони. Он не родился вот так, вместе с кожаной курткой и высокими зашнурованными сапогами! Он тоже был маленьким. Он был деревенским мальчишкой. В детстве играл в лапту и в бабки, лазал по деревьям за чужими яблоками, совершал набеги на бахчи, единственный из всех пацанов переплывал речку Проню – туда, а потом обратно. В четырнадцать лет его отправили на завод, там научили пить водку, играть на бильярде и петь под хриплую гармошку: «Вставай, подымайся...» Он организовал в своем городке революционный комитет, говорил зажигательные речи и стал комиссаром труда. А потом выдохся молодой запал, и он обнаружил себя здесь, в Чрезвычайке, на полуфиктивной должности следователя. И теперь ему скучно и страшно, он боится своих товарищей, боится себя, боится Божьей кары, в которую не потерял веры еще с тех пор, как ходил к обедне с мамашей – в новой чистой рубашке, с примазанными деревянным маслом волосами, но босой. Больше всего на свете хотелось бы ему снова вернуться в деревню, воровать с баштана незрелые арбузы и высвистывать щеглов на старом кладбище, расставив силки среди могильных плит. И лучше бы снова стать мальчонкой, потому что жена – красивая, домовитая, но холодная баба, а к падчерице и вовсе не знаешь, с какого боку подойти. Они образованные, а ты-то кто? И вот у девчонки какие-то дела с председателем, но лучше об этом не знать, не думать! Слепому лучше не становиться поперек дороги, не прекословить, как бы ей это объяснить?

Прохвост никогда не говорил мне о своем детстве, вообще никогда со мной не говорил. Это знание пришло изнутри, и я не удивилась ему. Я читала много книг, я успела узнать о жизни многое, чтобы начать понимать ее. Мне стало жаль отчима.

– Прол Иваныч, не беспокойтесь. Я выйду на службу через неделю. Передайте мою искреннюю благодарность товарищу Лагнису. Передайте ему также, что я собираюсь вступить в комсомол и очень рассчитываю, что он, как старый большевик, даст мне рекомендацию.

Он обрадовался, он просиял. «Радуйся, радуйся, дурак! – подумала я. – Недолго тебе радоваться».

В архиве повсюду лежал пушистый слой пыли, только несколько папок на столе выглядели свежими – их принесли недавно. Слепой поздоровался равнодушно-приветливо, сказал, что будет рад дать мне рекомендацию немедленно. Меня успели принять в комсомол, когда в груди папок я нашла дело Павла Лежнева.

– Лежнев, Лежнев, где ж я слышала это имя? Что-то с этим связано, какая-то простенькая радость, то ли звон пасхальный, то ли пирог именинный...

И я вспомнила. В третьем классе, еще в гимназии, училась со мной Лидочка Лежнева, дочка чудовищно богатого купца. Толстая, сонная, малоумная девочка, у нее не было подруг. Училась она плохо, на уроках все жевала что-то, и над ней все смеялись. Но и меня дразнили гадкие девчонки, конечно, из-за родимого пятна. Как-то мы с ней оказались за одной партой, и волей-неволей нам пришлось дружить. В дружбе этой оказалась своя сладость – за Лидочкой присылали в гимназию автомобиль, и она подвозила меня домой; в ее корзиночке для завтраков лежали изысканные лакомства, и она охотно делилась ими...

– Ты придешь ко мне на елку? – спросила она перед Рождеством.

– Приду. А кого ты еще позвала?

– Никого. Еще брат пригласит товарищей. Будет весело: танцы, подарки, ужин... Ах, как я плясать люблю, ей-богу, уйду в актрисы!

Я сомневалась, чтоб толстую Лидочку взяли в актрисы, но приглашение приняла с удовольствием. Мне даже сшили к празднику платье у портнихи Солодкиной, в те времена она гремела в Петербурге, одевала детей богатых родителей. Воздушное, розовое, почти

декольтированное платье, атласные башмачки с серебряными пряжками, мамины лазуритовые бусы... Я казалась себе очень взрослой и очень красивой – особенно когда поворачивалась к зеркалу правой, незапятнанной щекой.

Как не похоже ни на кого жили Лежневы! Какой у них был каменный дом, лестница с ковром и бронзовыми фигурами!

– Просим, барышня, уж заждались-с, – фамильярно-ласково шепнула мне пышнотелая горничная, помогая снять беличью шубку.

И тут же с хохотом в прихожую выбежала сама Лида, совершенно непохожая на себя в голубом пышном платье, с длинными завитыми локонами, с кисейным бантом! В гимназии это была вялая, скучная, неповоротливая девочка – дома, в окружении зеркал, хрусталя, бронзы, картин и безделушек, она выглядела принцессой, и это было мне неприятно. Ее мать – маленькая, худенькая, как девочка, – совсем не походила на купчиху и приняла меня так ласково!

– А это мой брат Павел.

К нам подошел высокий гимназист с очень серьезным лицом. Он церемонно мне поклонился, но глаза его смеялись.

– Ангажирую вас на тур вальса, мадемуазель. У нас явный недостаток дам, так что простите мне мою поспешность...

Я, кажется, покраснела и тут же влюбилась в Павла Лежнева на всю оставшуюся жизнь. Мы танцевали вальсы и мазурки, играли в фанты и шарады и не отходили друг от друга. Но перед ужином разобрали елку, и огромная кукла с полным сундуком приданого заменила в моем сердце серьезного гимназиста, а рябчики и шоколадный торт за ужином заставили меня и вовсе забыть о своей любви.

Высокий гимназист в ладном мундирчике сидел уже четвертый месяц. Дело было проще мазурки: приятель по гимназии (не было ли его на той елке?), бывший офицер, не то бандит, не то агент, заночевал у него. По старой памяти. При аресте бессовестно сдал одноклассника, Лежнева взяли. Офицера вывели в расход, вот и справочка. Так и написано: «рас». Милое сокращенье. Поперек листа: «Дело прекращено». А чья же это подпись? Брехлов. Брехлова перевели в Москву, я тогда всего неделю как служила. Значит, забыл. Дело лежит, Павел сидит. Ничего, милый друг, в память о первой любви я тебя освобожу!

Эта мысль была как удар молнии. И сразу же за ней еще одна вспышка, еще одно озарение. Я спрятала папку поглубже, похоронила ее в глубинах стола – и в тот же вечер отправилась к Лежневым.

Нет, перед этим пришлось все же похлопотать. Мне не хотелось быть узнанной, а внешность моя, за счет особой приметы, слишком памятна. В ящике маминого трюмо нашелся тюбик. Крем «Симон», французский, с прежних времен. Коробочка рисовой пудры. Родимое пятно было замазано, запудрено и исчезло совсем, слой крема был сам по себе слишком заметен, но густая вуаль скрыла погрешности конспирации. В прорезиненном мамином макинтоше, в шляпке с вуалью я подошла к дому Лежневых. Он осел, как-то нахохлился, заколочен был досками парадный вход. Над подъездом черного хода (бегали тут когда-то горничные, возвращалась с базара кухарка, отягощенная припасами, а вечерами заходил к той же кухарке пожарный, видный ухажер) висела табличка с номерами и фамилиями. Все ясно, Лежневых крепко уплотнили. В одиннадцатом номере, на втором этаже.

– Кто там? – Женский испуганный голос.

– Я пришла по делу. Это касается вашего сына, Павла Федотовича Лежнева.

Дверь скрипнула, но не распахнулась, ее удержала цепочка. Какая сухенькая старушка выглядывает в щелку. Это мать Лежнева. Неужели она могла так измениться!

– Что-то случилось с Пашей?

Она не узнала меня. На лестнице полумрак, это хорошо.

– Вашему сыну грозит опасность.

Тяжелый вздох.

– Это уж мы знаем... Какой месяц как забрали, и вестей нет, и передач не берут, говорят – не велено...

– Может, вы меня впустите?

Она еще раз вздохнула и откинула-таки цепочку. В большом холодном зале спущены шторы, все загромождено мебелью, так и смят поставленными картинами, в углу задвинуты толстые свитки ковров, бокастые напольные вазы. Ах, не в этом ли зале стояла-сияла елка, не по этому ли паркету скользили в мазурке гимназист с гимназисткой? Как тут все переменялось! Пахнет черносливом и селедкой. Лежнева в каком-то полосатом салопчике похожа на галку, косит испуганным глазом.

– Федот Захарыч вернется скоро, – прошелестела летучим говорком. – У вас ведь до него дело? Только скажите мне, что слышно о Павлуше? Жив ли он? Здоров ли?

– Да-да, он жив и здоров. Его могут даже освободить. Но... Нужно похлопотать, понимаете? Я его старая знакомая, мне стало известно...

– Милая вы моя, – всколыхнулась купчиха. – Давайте-ка я вас чайком напою, голубушка!

Заметалась, притащила откуда-то кипяток в чайнике, застелила дубовый стол нечистой скатертью. Раскидала угощение, гордясь. Куда там рябчикам, куда шоколадному торту! Лукуллов пир – домашнее печенье из белой муки, толсто нарезанный хлеб, масло в хрустальной масленке, засахарившееся вишневое варенье! Чтобы глотнуть чаю, мне нужно было поднять вуаль, но затрудняться не пришлось. На лестнице зазвучали шаги. Хозяин пришел. После кратких приветствий и пояснений повел себя по-деловому:

– Хабару нужно дать, так?

Словечко было мне незнакомо, но его значение я поняла.

– Сколько? Кому? Когда?

– Кому – это уж мое дело. Когда – чем быстрее, тем лучше. Пятнадцать фунтов золота. Я передам вам документ об освобождении, на следующий день увидите сына.

– Это очень много, – задумался коммерсант. Очевидно, несмотря на ужас потерять единственного наследника, он почувствовал себя в родной стихии и собрался, по прежней привычке, поторговаться. – Нам нелегко будет собрать такую сумму.

Я молча поднялась.

– Захарыч, голубчик, отдай им все! – заголосила вдруг Лежнева. – Жизни моей осталось самая малость, ноги пухнут, к сердцу подступает, так хоть Павлушу повидать бы напоследок! Сын-то дороже золота!

От этого простонародного вопля что-то раскололось у меня в сердце, я чуть было не убежала прочь, но громадным усилием воли заставила себя сесть. Я не сделаю этим людям вреда. К ним вернется сын. Мой замысел направлен против их врагов...

Но я знала, скрывая это знание даже от самой себя, что Павел не вернется. Скорее в этот холодный и душный зал войдет тот серьезный мальчик в мундирчике, чем одышливый, лысеющий мужчина, в которого он сейчас превратился. И пока не затрубит в золотую трубу архангел, родители не встретят своего сына. Что это за гул? Ах, это часы. Это быют часы – солидно, звонко, с оттягом, размахивая солнечным зайчиком маятника.

– Хорошо, – говорит Лежнев, трясая седой, неопрятной головой. – Мы соберем... Куда нам принести золото?

– Я сама к вам приду.

– Не взыщите уж, коли недобор какой будет... Почти все реквизировали по мандату Комфина, ничего не оставили на старость...

Пожалуй что и не все. Не все – если в голодный и холодный год не пожгли в печке дубовую мебель и картины, если не ушли на обменный рынок ковры и вазы, если не сменяли у стремящихся к барской роскоши селян эти часы с боем на полфунта муки! И не голодают старики Лежневы, судя по масленке на столе, по аппетитным изюмно-черносливовым ароматам.

Как из застенка я вырвалась из старого, горбатого дома, а на улице была весна,

яростное солнце полоскалось в темной воде каналов. Торопясь и подворачивая каблуки, я добежала до дома. Мне удалось проскользнуть незамеченной, смыть с лица грим и переодеться. Вот теперь пора и на службу.

– Товарищ Лагнис, тут я нашла... Резолюция Брехлова о прекращении дела стоит, но Лежнев все еще не отпущен.

– Давайте посмотрим... Да, действительно. Непорядок. У меня дрожали руки, когда я положила перед ним папку. И Слепой, как бы ни был слеп, заметил это. Поднял на меня глаза, опущенные пороссячи– ветлыми ресницами, усмехнулся криво, углом рта и прикрыл мои пальцы своей лопатообразной ладонью. Какая тупость, какая самоуверенность – он принял мою дрожь и волнение за сумятицу любовной лихорадки! Мне стало противно, но я улыбнулась ему в ответ, и, вероятно, непонятное ему торжество было в этой улыбке, потому что он, будто испугавшись, руку мою отпустил и, обмакнув перо, жирно написал поперек листа: «Дело Лежнева прекратить».

– Ордер возьмете у Шаповалова.

Ранним утром следующего дня я принесла Лежневым ордер на освобождение Павла. Легкий листочек грелся и трепетал у меня за пазухой, пока старики раскрывали буфет, доставали оттуда тяжелый мешочек – и вздрогнуло мое сердце, вздрогнуло, листочек ордера приподняв, когда на темную столешницу чайного столика высыпалась груда золота. Как много это, пятнадцать фунтов! Тяжелые гладкие браслеты, безнадежная путаница цепочек, пугающая немота луковичных часов, тусклые обручальные кольца и перстни с камнями, серьги... И толстенькие кругляши монет, монет было больше всего.

Ордер я отдала Лежневым, но копия ордера, подписанная корявой лапой Слепого, перекочевала в тот же вечер в нагрудный карман Прохвостова кителя. А мешочек с золотом оказался в кабинете Лагниса, в самом темном углу, под краем ковра. Доблестный следователь Афанасьев, раскрывший в Чрезвычайке взяточника, шантажиста и врага советской власти, сам стал председателем. Лагнис был расстрелян через неделю – за ним водились и раньше кое-какие грешки, так что последний инцидент просто переполнил чашу терпения товарищей. Говорили, что он умер героически, согласившись с приговором, осознав свои преступления перед партией. Скорпионы, заключенные в революционную банку, с аппетитом поедали друг друга и самих себя.

Но, как ни пытались у Слепого, не открыл он имени дамочки под черной вуалью, что была его сообщницей.

Лежнева, разумеется, никто не выпустил. Расстреляли и его – якобы за участие в заговоре, и его родителей – за сокрытие золотого запаса. До сих пор не понимаю, почему Лагнис подписал ордер на освобождение Павла? Опьянел и отупел от кровавой бойни? Хотел угодить мне? Или хотел меня подвести под монастырь? На память об этой истории, о своем спасении, искуплении и победе, я оставила себе кое-какие сувениры из купеческой мошны. Золота в них было немного, пропажа их не отразилась на весе мешочка, а поименно вещей старик Лежнев не помнил и на допросе показать не смог. И сейчас, когда я пишу эти мемуары, в мочках ушей у меня, глубоко утопленные в золотую оправу, мерцают темно-красные гранаты – кабашоны, обрамленные сиянием крошечных алмазов, – лежневские серьги. Ах да, мемуары. Давно собиралась, но все полагала – успеется, успею... Не волнуйтесь. Я знаю наперед, что успею. Потому что я все и всегда знаю наперед. Я не совершаю ошибок.

ГЛАВА 2

...Через два года отчима перевели служить в Москву. Мать уехала за ним. Через много лет, стороной я узнала, что его арестовали в 1934 году и быстренько, «не отходя от кассы», присудили двадцать лет дальних лагерей. За что? Почему? Никто не знал, и спрашивать было глупо. Не знаю, собиралась ли моя мать, по обычаю декабристских жен, отправиться за ним. Ее, как члена семьи врага народа, выслали в Казахстан. Не сомневаюсь, что с ее

специальностью она и там не пропала. Наша переписка оборвалась за несколько месяцев до ареста старого чекиста Афанасьева. Полагаю, что моя Арина Касьяновна чувствовала надвигавшуюся беду и хотела оградить меня от вполне ожидаемой участи. Я не писала ей оттого, что точно знала о близости катастрофы и не собиралась привлекать к себе внимания. Не написала она мне об аресте отчима, не написала о том, что ее высылают... Я догадалась, в чем дело, тогда это было легко. Я не стала вести поиски, тогда это было естественно. Я постаралась забыть тебя, мама, я забыла тебя. Мама, если ты есть где-то, прости меня. Но тебя нет на этом свете, а в тот я не верю.

Последняя весточка от матери догнала меня много лет спустя, в Москве. К слову, я никогда не любила столицу. Разбухшая от самодовольства и сытости, взращенная на крови и унижении русских городов, громкоголосая, дурнопахнущая, не мать она России, а нерадивая нянька. В грязный платок, в уголок, заворачивает она соску из нажеванного черного хлеба и забивает нам рты. Причастившись культурных радостей Большого театра и Третьяковской галереи, я приступила к делам. Мне нужно было встретить на вокзале человека, который... Но это дела минувших дней, мои маленькие коммерческие операции, тогда почти незаконные, сейчас одобряемые и поощряемые государством.

Павелецкий вокзал – маленькая провинция в столице, государство в государстве, как Рим в Италии. Поезд опаздывал, я чувствовала себя неудобно, жалела, что не осталась сидеть в автомобиле, а вышла к перрону. Но возвращаться было поздно, и я ждала. Подошел поезд, но не тот, что был мне нужен, и мимо меня повалила толпа «гостей города-героя» – хищная, плохо одетая банда мародеров. Внезапно я почувствовала болезненный толчок, словно кто-то точно и сильно ударил меня в грудь, но не снаружи, а изнутри.

Солидно покачиваясь в плотном человеческом потоке, на меня надвигался высокий пожилой мужчина, с монголоидным типом лица. Рядом с ним, взявшись за рукав его куртки из облупленного кожзаменителя, семенила женщина, уже откровенная казашка, а за ними плелся нога за ногу молодой долговязый мужик, по виду слабоумный. Но все это я вспомнила уже потом, а тогда стояла, впав в подобие медиумического транса, так что мужчина, проходя мимо, даже задел меня огромной сумкой и что-то буркнул про себя.

Я узнала его. Несмотря на доминирование чужих, смуглых, скуластых черт, на запущенность его облика, вопреки своему желанию, я узнала в нем брата. Душа нашей общей матери, нелепая, жизнерадостная, так и не понятая мной душа рязанской поповны, выглянула из его узких глаз и весело подмигнула мне. Был секундный порыв – бежать за ним, ухватить за локоть, свободный от неопрятной казашки-жены, и сказать ему: «Здравствуй, брат. Как мама? Жива? Здорова?»

Но вряд ли она была жива и здорова к тому моменту, вряд ли мой порыв нашел бы понимание, а слава городской сумасшедшей мне ни к чему.

Но я отвлеклась.

Итак, я осталась полновластной хозяйкой – себе и своей жизни. Служебную жилплощадь отчима пришлось освободить, но он перед отъездом сумел выбить для бедной своей падчерицы – не знаю как, женщине не пристало интересоваться такими подробностями – большую комнату в коммунальной квартире. Чтобы компенсировать «потерю в жилищных условиях», Прохвост позволил мне взять из старой квартиры любую обстановку. Неслыханная щедрость, если учесть, что обстановка принадлежала ЧК (к тому времени уже сменившей вывеску на какие-то другие буквы, значения которых я так и не смогла понять), а до этого – безвестному «элементу», вознесенному на небеса либо вынесенному в эмиграцию широким размахом «колыбели революции». Выказав благодарность – отчим иронии не понял и милостиво кивал, – я забрала самые любимые книги (вместе со стеллажами), шахматный столик (черное дерево, мозаика, цены ему нет), старинный шкаф, трюмо, посудную горку (и посуду!), кожаный диван, пару креслец. Ну и так, по мелочи.

– Нэ влизэ, – покачал головой Афанасьев, намекая на непристойный украинский анекдот.

– У меня такая крошечная комнатка? Уж не собачья ли конура?

Он покрутил носом, промолчал. Разумеется, все влезло. Правда, для меня самой почти не осталось места. Зато соседи сразу поняли, какое место я займу в их квартире.

– Сразу видно, порядочная девушка, – сладко пела старая моль с подкрашенными синькой седыми локончиками. – А то въедет комсомолка, всех вещей у нее матрац да радио, а на деле одно свинство.

– Контрреволюционные вещи говорите, Софья Валентиновна, – замечал абсолютно лысый мужчина, похожий на бухгалтера, – даже в пижаме он выглядел так, словно на нем сатиновые нарукавники.

– Что ж так? – удивлялась контрреволюционная моль.

– Наша новая соседка – комсомолка, – встревала молоденькая, пухлая блондинка, вся утыканная гребешками и кружевцами. – Я у нее спрашивала, я знаю.

– Служить у нас в издательстве будет?

– М-да-с, и книг много. Интеллигентная особа!

Все это мои новые соседи излагали в полный голос, выйдя из своих конур в коридор и стоя прямо напротив двери в мою комнату. Дверь была открыта, грузчики, смачно переругиваясь, затаскивали боком посудную горку. Меня заинтересовала только одна фраза. Что значит «служить у нас будет»?

Интересующее меня обстоятельство выяснилось на следующий же день. Несмотря на бесцеремонность и неумное желание совать нос в дела своих ближних, соседи оказались очень милыми. Они освободили место на кухне для еще одного столика и даже устроили небольшое чаепитие в честь моего вселения. Я в свою очередь выставила бутылку сладкого вина, завязалась приятная беседа. Тут и выяснилось, что дом ведомственный, что живут в нем сотрудники крупного издательства. В столовой большой старорежимной квартиры жил лысый бухгалтер с женой, незаметной и бесцветной особой, в детской, что оклеена веселыми обоями со слонами, обитала пухлая секретарша Зоя, спальня принадлежала контре Софье Валентиновне, корректору, а гостиная досталась мне. Это была светлая и просторная комната с балконом. На балконе-то, вдыхая всей грудью воздух своей свободы, я и решилась расстаться с пыльным, заскорузлым от крови чекистским архивом, благо соседи уверили меня, что вакансий в издательстве сколько угодно!

Меня отпустили без возражений, чего я, признаться, побаивалась, и через три дня я уже служила в издательстве. Правда, пока только машинисткой – одной из двадцати, на окладе в двести советских рублей.

Это были самые тихие, самые спокойные времена в моей жизни, которые я потом вспоминала с затаенной радостью. Тяжело было рано вставать – особенно когда осень перешла в колючую, сырую питерскую зиму, когда электрический свет цвета спитого чая – Настасьино чая, помните, как у Достоевского?! – надолго заменил солнце. Тяжело было трястись в зябком, грохочущем трамвае, неуютно от чувства единения с сумрачной, воняющей мокрой псиной толпой. Под конец рабочего дня у меня болела голова от непрерывного стрекота машинок, ломило хребет, а хуже всего оказался волапюк² новых советских бытописателей. Эти зоя и гюго щебетали, чирикали, в лучшем случае кукарекали о боях, тракторах и за водах невыносимо косноязычно, их не то что читать, а и перепечатывать было несносно.

Как-то раз, не сдержавшись, я поверила свои переживания старшей машинистке с говорящим прозвищем Суматоха. Мечтательная пожилая еврейка оказалась на деле усердной доносицей, и вечером того же дня меня вызвали к председателю месткома.

– Значит, вас, Алена Никаноровна, не устраивает качество нашей новой литературы? – строго спросил он с места в карьер, отчаянно переврав мое имя-отчество.

Я знала, чем может кончиться такая беседа. На общих собраниях работников издательства уже пару раз разбирались дела «о вредительстве на издательском фронте»,

² В о л а п ю к – искусственный, здесь безграмотный язык. (Здесь и далее примеч. ред.)

осужденных увольняли, исключали из партии и комсомола, а те сотрудники, что «не просигнализировали вовремя», плаксиво отмежевывались. Суматоха капнула, но мне тоже пальца в рот не клади. Воистину – «бывали хуже времена, но не было подлей», а я к тому моменту уже научилась подвывать в унисон волкам, потому, глядя прямо в глаза председателю, встала и закатила речь в худших традициях комсомольских собраний. Я говорила о тех, кому доверено высочайшей милостью рисовать новый образ молодой страны, вставшей на развалинах самодержавия, о том, что недостаток образования порой мешает им верно отражать доблестные трудовые будни этой страны, о готовности комсомола поддержать старших товарищей и всей суммой знаний служить литературе и просвещению, а кто воспрепятствует этому стремлению, задушит инициативу... Отвратительная была речь, исполненная канцеляризмами и холуйством, но в конце прозвучала явная угроза, и это председатель понял. Его табачного цвета глаза, испачканные по углам желтой слизью, жалко заморгали, он заерзал, побледнел и стал мне так отвратителен, что я не выдержала и покинула кабинет досрочно, не насладившись вполне результатами своего спича. Из ловца душ председатель превратился в уловленного. Через неделю после этого разговора на доске объявлений в коридоре появился приказ о переводе Новиковой Елены Николаевны на должность младшего редактора в отдел художественной прозы. Жалованье в соответствии со штатным расписанием.

– Головокружительная карьера! – подлизывался бухгалтер-сосед. – Как вам, Еленочка, это удалось?

Без нового доноса я вполне обошлась бы, потому повторила «на бис» свою тронную речь и приняла поздравления. Новая должность не спасла меня от лиходейства прозаиков, но дала власть над ними. Крохотную, сиюминутную, неверную – но когда она была иной? Во все времена власть неверная подруга, но тогда особенно много людей имели шанс проверить это утверждение на собственной шкуре. Сегодня ты на коне – завтра в тюремной камере, сегодня властитель дум – завтра презируемый изгнанник, сегодня грозный судья – завтра нераскаившийся преступник... Но оставим философию, вернемся к нашим баранам. Гомеры нового времени красок не жалели:

«Пуля ударила в стену, которая в ней и застряла».

«Ее рука сама потянулась к телефону и сказала».

«Убийцы должны быть покараны! – воскликнул Евсюков. – Людям есть у кого ждать помощь!»

Вооружившись толстым карандашом и тонкой иронией, я правила рукописи и общалась с писателями. Писатели были кротки, как старорежимные ангелы. Они называли меня Ленусей и Люлю, приносили в дар шоколад и печенье Бабаевской фабрики, нежно жали руку и звали в кино. Но мелодия их любовного воркования была столь же косноязычна и смехотворна, как язык их повестей:

– Красота глаз у вас на высоком уровне.

– Позвольте вам быть проводимой мною...

– Жена моя мешанка, а я тоскую по жизненной красоте. Могу, кстати, достать боны в Торгсин.

– Отшить изволите?

Да, я, выражаясь по-советски, отшивала всех, в скором времени заслужив в издательстве репутацию серьезной девушки, которая не о глупостях думает, а об общественной нагрузке. Встретила я понимание и у соседей.

– У девушки должна быть гордость! – торжественно объявляла контра Софья Валентиновна. – Девичья честь... Не то что у некоторых!

«Некоторая» Зоя поводила аппетитным плечиком и мурлыкала с чужого голоса:

– Дело тут не в гордости, удовлетворение полового влечения есть такое же естественное отправление, как утоление голода или жажды...

Эта новая идеология мало помогала ей самой, – к собственным быстротекущим романам Зоя никак не могла относиться как к «естественным отправлениям» и то и дело

влипала в более или менее драматические истории. Однажды, покинутая очередным сердцеедом, она даже пыталась покончить с собой. Налепила катышков из крысиного яда, написала трогательную прощальную записку и проглотила отраву, да еще запила рябиновой настоечкой. Но то ли яд оказался слабоват, то ли доза маловата, то ли действие настойки нейтрализовало токсины... Бедную Зоечку всю ночь рвало, всю ночь по квартире разносились соответствующие звуки, прерываемые водопадом спускаемой воды. Соседи толклись под дверью уборной, давали полезные советы и то и дело покушались вызвать карету скорой помощи. От вмешательства медицины жертва любви отказывалась наотрез, опасаясь (и не без оснований), что ее поступок будет иметь нежелательные последствия. Заметим, что советский донжуан, которому Зоечка перед дегустацией крысиного яда послала трогательную телеграмму, даже не соизволил явиться, хотя жил, кажется, на соседней улице. Сочувствие окружающих пошло на спад, когда наступило утро, пришла пора собираться на службу, а совмещенный санузел по-прежнему был занят страдальцей. А потом еще Зоечкино поведение обсуждали на комсомольском собрании, строго осуждали за упаднические настроения и буржуазные пережитки и вкатили даже выговор.

– И правильно сделали, да! – уверяла меня Зоя в приватной беседе. – Дура я была, ох дура! Если из-за всякой шпаны на себя руки накладывать, кто ж пятилетку выполнять станет? Вот ты, Ленка, поумней меня будешь, да! Нечего их подпускать, жеребцов несытых, с ними разговор один – сначала в ЗАГС, потом уже сюси-пуси! И записываться не абы с кем, а то и записывалки не хватит, а только если человек серьезный, положительный, на руководящей работе.

Постулаты своей жизненной позиции Зоя оглашала, крутясь перед крошечным зеркалом в темно-красном газовом платье, – собиралась на свидание с новым блестящим кавалером. Я улыбалась про себя, я знала – мое время еще не пришло. Насилие, совершенное надо мной в юности, заморозило ледяным дыханием первые робкие завязи, теперь ни душа, ни тело мое не были готовы распахнуться навстречу первому же теплему весеннему деньку. Чтобы отогреться, мне нужно было чувство, огромное и жаркое, властное и опаляющее, как солнце.

ГЛАВА 3

...То было майское утро, яркое и влажное, как переводная картинка. Помните это вечное чудо, происходившее только в детстве? Намоченный в блюде с теплой водой квадратик накладываешь (косо, опять косо, теперь порядок) на обертку тетради, на пенал, на крышку ранца и указательным пальцем осторожно-осторожно скатываешь мокрые струпья бумаги. И вот, сначала мутно, потом все ярче и ярче разгораются карамельные, пасхальные цвета – букет, или ангел, или резвящийся с клубком котенок. А как упоительно они пахли – клеем? Краской? Я никогда не почувствую больше этого аромата. И как странно знать, что и они тоже, чудесные мои картинки, смяты и выброшены двадцать первым веком в выгребную яму истории. Современные дети не клеят картинок, их тетради и без того слишком красочны. Заметки для своих мемуаров я делаю в школьной тетрадке, внутри которой вполне привычные линейки и поля, а снаружи, на ярко-красном фоне, изображены скудно одетые, нагло красивые девахи. Вся роскошь сверху присыпана разноцветными блестками, которые остаются на пальцах и одежде. Может быть, так и было задумано. Сама б я сроду не купила такое убожество, тетрадь притащила в дом моя домоправительница Любаша, с которой мне скоро придется расстаться. Пора ей на заслуженный отдых...

Тпр-ру, горемычная! Куда меня занесло? Вертай назад, не вспоминай больше про переводные картинки, про волшебный фонарь, про стеклянные шары с метелью внутри, не предавайся реминисценциям короткого детства, возвращайся в молодость! Итак, утро после дождя, когда всего за одну ночь буйно зазеленели деревья и даже у меня на балконе из незаметных щелей полезла молоденькая травка. Я надела белое платье – слишком легкое для первого теплого дня – и по дороге до трамвая продрогла, в трамвае у меня зуб на зуб не

попадал... Люди, одетые в драповые пальто, смотрели на меня с ужасом и насмешкой. Вырядилась, фря, распустила хвост! Выбравшись из трамвая, я приготовилась к марш-броску в сторону издательства. Но тут почувствовала, как кто-то прикоснулся к моей руке, и тут же на плечи мне легла теплая, тяжелая ткань. Я так ооченела, что сначала судорожно закуталась в чужой пиджак, а потом только бросила взгляд на его владельца.

Он был некрасив – не высокий, а длинный, изможденно-худой, с костистым лицом. Бледные волосы гладко зачесаны назад, одна волнистая прядь, упавшая наискось, прилипла к влажному лбу. Хороши у него были только глаза – большие, темно-синие, полуприкрытые крупными, блестящими веками. И дивно был одет незнакомец, выделялся своим обликом среди толпы. Петербуржцы тогда одевались в серое, будто стараясь скрыться от злобного глаза Большого Брата, слиться с серым асфальтом, серыми гранитными стенами, серым небом. Ткани все были тяжелые, колючие, неласковые. Женщины или почти не пользовались косметикой, или злоупотребляли ею, предоставляя миру любоваться густо обсыпанным пудрой лицом и накрашенными до фиолетового лоска губами. Мужчины или скоблили подбородки дома, щеголяя то недельной щетиной, то ужасными кровотокащими ранами, или брились в парикмахерских, а там франтов ароматизировали одним и тем же одеколоном – «Персидской сиренью». Чем так угодила сирень криворуким брадобреям? Обернувшись на этот густой и грубоватый, но такой весенний запах, я натыкалась на свежесбриту мужскую физиономию, которая немедленно начинала сально кривляться и подмигивать.

Пиджак, что накинуд мне на плечи незнакомец, сшитый из мягкой темно-синей шерсти, был не только дивно хорош – он еще и благоухал тонкими, горькими духами. Рубашка и свитер на нем тоже были прекрасные, заграничные, превосходного качества, и брюки мягкой волной наплывали на сияющие ботинки.

– Если вы меня уже рассмотрели, мы можем идти, – объявил незнакомец и демонстративно-галантно согнул в локте правую руку. – Прошу!

– Куда идти?

В самые ответственные моменты жизни у меня немеют губы и речь становится невнятной. Странная нервная реакция, досадная и неловкая. У меня получилось что-то вроде «уа-ии?».

– О, вы иностранка! – покивал незнакомец. – Моя первая жена была француженка. Ее звали Эстелла. Правда красиво? Я знаю много иностранных слов, например... Обезвельолпал!

«Ну вот, нарвалась на сумасшедшего, – сообразила я. – Должно быть, буйный. Интересно, есть тут поблизости милиционер?»

– Ну вот, вы уже высматриваете стража порядка, – усмехнулся безумец. – Успокойтесь. Я не сумасшедший. Я Арсений Дандан, слышали о таком? А вы работаете в издательстве, я вас там видел. Нам по пути, так что пиджак можете пока не возвращать. Идемте уже, а то опоздаете на службу, и вас поставят к стенке. Пиф-паф.

Я, вконец испуганная, уцепила его под руку, и мы пошли к издательству церемонно, как к алтарю.

– У вас на щеке роза, – сказал, наклонясь ко мне, мой странный спутник. – Это метафизический знак, данный мне стихиями. Я понял их намек.

Я не нашлась что ответить, и отрезок пути мы прошли молча. В холле Дандан, не глядя на меня, отвлекшись, очевидно, на другие какие-то мысли, сухо сказал:

– Пиджачок позволите? – и исчез, как испарился. День пролетел очень быстро. Кажется, я пропустила кучу глупостей в рукописи, пришедшей мне на редактирование, и что хуже – сама наделала еще больше глупостей. Сделала комплимент особо бездарному, скучному автору, отчего он расцвел и пригласил меня в ресторан; старшую машинистку в глаза назвала Суматой Моисеевной; зачем-то пошла курить с Зоечкой. Курила я первый раз в жизни, сначала зажгла папироску не с того конца, у нее оказался отвратительный едкий вкус, потом у меня закружилась голова... Сколько мучений – только для того, чтобы поторчать на лестнице подольше, в надежде увидеть его еще раз...

Я знала, что напрасно торчу на сквозняке с чадающей папиросой, знала, что увижу, непременно увижу Арсения снова – может быть, даже сегодня. Я знала, что понравилась ему и что он понравился мне. Я знала, что он может меня погубить... Потому что со мной был мой чудесный дар, потому что я знала и другое – кто такой этот Арсений Дандан.

Он был редактором детского журнала «Капризуля» и самым большим чудаком на свете. Он менял псевдонимы и маски, выдумывал свою биографию, неумоимо мистифицировал друзей и знакомых; играл на валторне и фисгармонии, пел, чудесно бил чечетку, рисовал, артистически читал свои и чужие стихи, непревзойденно играл на бильярде. Он ходил на руках по перилам балкона на последнем этаже Дома книги и по Невскому – в наряде фантасмагорического бродяги. Он писал стихи и прозу, изобретал игры, философские концепции и комедийные репризы для цирка. Изображал муху в раздумье и собственного несуществующего брата, приват-доцента Петербургского университета, сноба и брюзгу. Он читал стихи с эстрады, напялив на голову колпак для чайника, вставив в глазницу монокль в виде огромного выпученного глаза... В его квартире, исписанной с пола до потолка стихами и афоризмами, проходили самые известные литературно-музыкальные вечера.

Дандан был изыскан, непосредствен и свеж, как артишок на деревенском огороде. Он любил хорошую одежду, душистый табак, красивых женщин. А над ним сгущались тучи, в критике его именовали «реакционным жонглером». Но его книги каким-то чудом продолжали издаваться. Его уже раз арестовывали – и всю редакцию его журнала, за компанию! Но донос признали ложным, и всех выпустили. Это тоже было чудо. Рассказывали, что его жена, пока он был арестован, успела разойтись с ним, выйти замуж и уехать с новым мужем в другой город. Он очень смеялся, узнав об этом...

Арсению Дандану суждено было полюбить меня, мне – полюбить и погубить его, чтобы не погибнуть самой.

В пять часов пополудни, когда я аккуратной стопочкой сложила рукописи, прибрала свой стол и, вздохнув, уставилась в окно, соображая, как бы мне поскорее добраться до дома, в дверь тихонько постучали. Меня это насторожило, церемонии не были приняты в издательстве, если дверь не заперта, входили без стука. И потом, этот дробный, но уверенный цокоток, эта загадочная физиономия двери – знаю, мол, да не скажу...

– Оите! – крикнула я ватными губами.

Конечно, это был он, Дандан. Моя судьба пожаловала за мной. В темно-синем своем костюме, перекинув через локоть, судьба несла нежно-голубой плащ.

– Я за вами. Не думали же вы, что я оставляю ваш юный организм на жестокое замерзание? Пожалуйста одевайтесь. Вот плащ.

Вздрагивая, как от холода, я надела плащ, подошедший мне по размеру, оказавшийся по виду и на ощупь очень дорогой вещью.

– Откуда? – прошептала я, затягивая пояс.

– Из самого Парижа, – важно кивнул Дандан. – Протелефонировал утром нашему дипломату, сказал ваш номер, просил подобрать стоящую вещь. Вот только что сбросили с аэроплана. Представьте, плащик чуть было не свалился в Неву! Быть бы тогда международному скандалу.

– Неужели? – бормотала я, краснея, как гимназистка.

– Да вот вам масонский знак! – И Арсений покрутил рукой у виска.

В тот вечер он привез меня к себе. Народная молва вралась – не красовались на стенах афоризмы и стихи, но обставлена квартира была и в самом деле причудливо. Разнокалиберная мебель, собранная с бору по сосенке, – дубовый стол красного дерева соседствовал с деревянным канцелярским диванчиком, над мещанской семейкой слонов, неизвестно как приблудившихся к дому поэта, висели на стене серебряные часы луковичкой, а под ними прищиплена была к обоям рукописная табличка: «Эти часы имеют особое сверхлогическое значение». Но какое именно – этого Арсений объяснить не смог. Мы выпили чаю с какими-то фигурными пряниками, каких отродясь не водилось в Петербурге.

– А я нашел, – хвастался Дандан. – В одном киоске, у меня продавщица знакомая есть. Вот петух, вот котейко, вот барыня, медведя оседлала, на блядки поехала. А вот и кавалер в шляпе, при сапогах, бруки-галифе пузырем, усы враслопырку...

Я смеялась как никогда в жизни; конфузилась его непристойных словечек и пугалась прозрачных намеков...

В тот вечер я стала его женой.

– Это всегда так – хочешь девку соблазнить, корми ее медовыми пряниками, мятными жамками. В другой раз еще подсолнушков жареных принесу, будешь лужгать в минуты страсти упоенной...

Его легкие, точные прикосновения, небрежные ласки и экстравагантные комплименты доводили меня до нежной горячки. С ним я узнала любовь, узнала страсть, узнала – что может сделать мужчина для женщины, в какую бездну уронить ее, на какие вершины вознести. О безднах я уже знала кое-что, но ослепительно сияющую вершину увидела впервые...

Он ни разу не сказал, что любит меня, что я дорога ему. Но брал меня повсюду и всегда, водил в гости к своим друзьям-чудакам, баюкал на руках в полночь и любил расчесывать мне волосы, украшать их бумажными цветами, бусами, какими-то разноцветными перьями. Такой чепухи много хранилось у него в огромной шкатулке, вперемежку с действительно ценными вещами: старинное гранатовое ожерелье, золотая солонка фабрики Сазикова, облепленный какой-то пылью перстенок... Когда я стерла с него липкую грязь, острый лучик уколол мне зрачок. Простая, даже грубоватая оправка держала маленький, чистейшей воды бриллиант.

– Это будет твое обручальное кольцо. Если ты хочешь.

Я хотела, хотела этого больше всего на свете, даже невзирая на то, что предупреждала ведь меня, затащив в темный угол между ванной и кухней, всеведущая Софья Валентиновна:

– Он очень мил. И так фантастичен... Так что я понимаю вас, моя дорогая. Мой покойный супруг Иван Иванович тоже был весьма эксцентричным субъектом... Но это чересчур, это прямой вызов. У него печатаются книги, у него хороший оклад, он главный редактор. Но не прельщайтесь, не прельщайтесь, деточка моя! Такая яркая жизнь не доводит до добра! Вот мой покойный Иван Иванович...

Иван Иванович, насколько я знала, был полнокровным, тишайшим фармацевтом и ухитрился в бурное время удостоиться «кончины мирной, непостыдная» – умер от сердечного приступа прямо на ступенях своей аптеки. Как бы то ни было, предупреждения благонамеренной соседки не оказали на меня действия. Я расписалась с Арсением и переехала к нему. В ЗАГСе на банальный вопрос бойкой регистраторши он ответил, смиренно потупясь:

– Видите ли, дитя мое, я вам так отвечу. Когда я раньше заглядывал к себе в сердце, я там видел только всякий хлам и мышинное кало. Теперь там живет эта женщина, поселилась, представьте, без ордера, и живет, сидит с ногами на диване, жрет мармелад. А я в свое сердце вынужден входить со стуком: «Вы позволите?» А она мне: «Пожалста-пожалста, только калоши снимите!» Должен же я как-то эту ситуацию разрешить? Женюсь, куда деваться!

«Дитя», на удивление кротко выслушав бредовую исповедь жениха, кивнула и расписала нас.

В нашем счастье было третье лицо. В кухне отдельной двухкомнатной квартиры Арсения жила Вава. Таким старорежимным прозвищем именовалась сухая, сморщенная, как черносливина, старушка. Кем она приходилась Дандану, я уяснить никак не могла. Была ли она его нянькой, или принятой когда-то на службу и зажившейся кухаркой, или приходилась ему родственницей? Несмотря на свою внешнюю дряхлость, Вава бойко вела домашнее хозяйство, что было очень кстати, – несмотря на высокий статус «редакторской жены», я не хотела оставлять службу в издательстве. Незаметно, как истинный домовой, она скользила по комнатам, смахивала пыль, мыла полы, стряпала, подавала, относилась белье в прачечную.

Впрочем, на улицу выходить не любила, предпочитала сидеть в кухне на своем топчанчике и, шустро побрякивая спицами, вязать толстый шерстяной носок. Выработывала она их очень быстро, но, кажется, больше ничего вязать не умела. У Арсения скопился целый склад этих незатейливых предметов туалета, он дарил их друзьям, хранил в них старинные елочные игрушки и затыкал щели в оконных рамах, но это не спасало, продукция продолжала прибывать.

Насколько я могла судить, Арсений и Вава обожали друг друга. Он первой читал ей новые стихи. Слушая заушь, которая даже у бывалых читателей вызывала оторопь, старуха вздыхала, крестилась и время от времени роняла слезу. Арсений подшучивал над Вавой в своем стиле. Бывало, привязывал тесемки ее фартука к кухонной двери, пока она чистила картофель, и старушка не могла понять: что там хлопает и не пускает ее за спиной? Однажды Арсений заявил Ваве, что, согласно последнему правительственному постановлению, готовить следует не на воде, а на чернилах, и в доказательство приволок в кухню трехлитровую бутылку этого продукта. Упрямица, правда, шутки не поддержала и не сварила подопечному синего борща, а заявила, что лучше пойдет в Сибирь, чем подчинится такой чепухе. В общем, гармония в этом доме царила полная, и я опасалась, что мое появление внесет определенный диссонанс. Но нет, Вава приняла меня с восторгом. Впоследствии я узнала, что она на дух не переносила бывшую жену Арсения, красавицу Эстеллу, и очень боялась, что они сойдутся вновь.

Эстелла, конечно, не была француженкой, как заявил мне Дандан при первой встрече. Она просто любила говорить на плохом французском, носила только парижские платья от Пакэна³, шикарно грассировала и курила папиросы с золотым ярлыком.

– Дворняжку под пуделя обрили и на выставку послали, а когда ей там не дали медаль – очень обиделись и даже в амбицию впали, – так пояснила мне свое отношение к экс-хозяйке Вава, и я с удивлением понял, что не так проста эта старушка, как кажется. Мне пришлось в этом убедиться еще раз, когда я перевезла свою мебель. Ни с одним из предметов я не готова была расстаться, они представляли для меня ценность большую, чем просто стол, шкаф, кресло. Арсений с потрясающим знанием дела предложил мне прикрутить лишние вещи болтами к потолку.

– Тогда они не займут лишнего места, не будут подвержены повреждениям и поломаниям, усушке и утруске, а станут радовать твой взор круглосуточно, о роза души моей! Сегодня же приглашу мастера!

Он демонически захохотал, закурил изогнутую трубку и ушел на службу. А я осталась посреди столпившегося мебельного стада, и тут из кухоньки тихой мышью выбралась Вава.

– Найдем, найдем куда поставить, – шепнула она мне ласково. – Таких вещей не найти сейчас, все из фанеры, а это работа мастера, с прежнего времени. Поди-ка за мной...

Первая комната служила нам гостиной и столовой, вторая была спальней, кабинетом, библиотекой... Одну из стен целиком занимал стеллаж с книгами, огромный, тяжелый стеллаж, который невозможно было пошатнуть, не то что сдвинуть с места, он был, казалось, вырублен из целого куска дерева и намертво врос в пол, в стену, в потолок.

– Задвинь штору, дружок, – попросила меня Вава, и я, дивясь причудам старухи, запахнула тяжелый занавес цвета молодой травы. – А теперь...

У нее в пальцах – в пальцах, обтянутых складками сухой, пергаментной кожи, оказался затейливый ключ с фигурной бородкой. Им она ткнула в невидное отверстие, куда-то в тень стеллажа, повернула с некоторым усилием... И все волшебным образом пришло в движение, все изменилось. Послышался тихий, вездливый скрип, и холодок пробежал у меня вдоль позвоночника, корни волос стали болезненно чувствительны. Так могло бы стонать привидение, так жаловалась бы на свою участь заблудшая душа... Срединная часть

³ П а к э н И с и д о р – французский модельер, глава известной парижской фирмы дамских мод. (Здесь и далее примеч. ред.)

стеллажа, выглядевшая такой непоколебимой, такой монолитной, плавно выдвинулась навстречу мне и мягко отъехала вправо, открывая моему изумлению низкую дверцу в стене.

Легкая, как сухой осенний лист, рука Вавы подтолкнула меня в спину. Я сделала шаг, потянула на себя потайную дверцу... За ней было очень темно, тянуло холодом.

– Темно, – прошептала я.

– Сию секунду, – ответила Вава и с неестественной для ее возраста прытью принесла мне свечу в бронзовом подсвечнике. Подсвечник, украшенной какой-то вакхической женской фигурой, до сих пор скромно жил в кухне, но теперь он имел заговорщицкий вид, и разнузданная полуголая девица, казалось, подмигивала мне. Быть может, ей уже приходилось освещать путь в некую тайную комнату?

Комната оказалась узкой и длинной, как пенал, каменные стены были увешаны старыми, вытертыми коврами и кусками ковров.

– Что это? – обернулась я к Ваве. Она следовала за мной. В дрожащем свете свечи ее лицо изменилось так, что я вздрогнула. Оно помолодело, стало мягче, разгладились глубокие морщины на щеках, и младенчески-голубые, мутные глазки старухи просияли новым цветом, новым блеском. – Это что, кладовая?

– Милая моя, какая же это кладовая? Кто ж строит кладовую в библиотеке? Сроду она здесь была, предназначалась для инкунабул... Для книг старинных, бесценных, поняла? Дом дед мой строил, снаружи невозможно понять, что здесь есть помещение. Много секретов тут хранили, но главного не сберечь по тайникам, не схоронить в камне...

– Ваш дед?

– Наш, – с улыбкой передразнила меня старуха. – И дом был мой, не две комнаты с кухней, а весь дом. Не напрягай головушку. Графиня Бекетова, рада знакомству...

Кажется, я огляделась, чтобы увидеть рядом графиню – тонкую, в кринолине, с веером из страусовых перьев. Вава засмеялась, хрипло, как закаркала.

– Это я. Варвара Дмитриевна Бекетова. Графиня Бекетова. Фрейлина императрицы.

– Да, но как же... – только и смогла прошептать я, не оглядывая, но восстанавливая в памяти заляпанный жиром передник Вавы, тонкую седую косичку, завязанную грязной ленточкой, ее растоптанные туфли и делано-простонародный выговор.

И, присев на кресло в виду разверстой тайной двери, она рассказала мне свою историю, невероятную и обычную, столько же соответствующую не то что духу, а самому дыханию эпохи, сколь и моя собственная, столь же, как и моя, похожую на сказку.

Графиня Варвара Дмитриевна рано осиротела, выросла под строгим надзором тетки – матушки-настоятельницы женского монастыря, но, вопреки данному воспитанию, характер приобрела независимый и свободолюбивый. Замуж выходить отказалась наотрез, искателей руки спроваживала со смехом, в свете блистала многочисленными талантами. Она состояла полноправным членом историко-философского общества, она пела, умела подчинить своей воле капризную плаксу-акварель, за право напечатать новые стихи графини ссорились редакторы литературных журналов в Москве и в Петербурге. Кроме ума и таланта, Всевышний наградил Бекетову добрым сердцем, равнодушным к страданиям. Она много тратила на благотворительность – тратила с легкостью, ибо состояние ее было огромно. Ну, не только, конечно, поэтому... Особенно равнодушна Вава была к бедным художникам. Молва связывала ее имя с молодым живописцем, впоследствии знаменитым, даже великим. Поговаривали, что мастер кисти охотно пользуется благосклонностью графини во всех возможных смыслах, в том числе и в финансовом. Произошел скандал, ей пришлось оставить почетную должность фрейлины и провести год в подмосковной деревеньке, дабы заставить умолкнуть злые языки. Но все это – забавы молодости. В последние годы перед революцией стареющая графиня жила тихо, уединенно, почти не выезжала и никого не принимала у себя. У Варвары Дмитриевны появилась компаньонка. Неизвестно откуда взялась эта худенькая, скромная девушка, но всякий любопытный мог бы усмотреть разительное сходство между Наденькой (так звали компаньонку) и портретом, висевшим в столовой, портретом, изображавшим саму Варвару Дмитриевну в юности. Она по-прежнему

находила особый смысл в творении великодушных благ, но теперь простирала свою доброту исключительно на свое окружение. Вся прислуга, когда-либо служившая у Бекетовой, молилась на нее. Графиня давала горничным приданое, крестила их детей, помогала обзавестись собственным делом дворецким и кучерам, на свои деньги кормила, лечила и учила всех чад и домочадцев своих слуг. В антресолях ее дома жила в праздности и сытости ее бывшая экономка. Крестьянка Тверской губернии, вдова, она была ровесницей и тезкой Варвары Бекетовой, по фамилии Симакова. Три года назад она упала с подоконника, сломала обе ноги и теперь не могла работать, да и вообще почти не двигалась.

В 1905 году Наденька познакомилась со студентом Данчковским и вышла за него замуж. Молодые остались жить у Бекетовой.

– Некрасивый он был, длинный, тощий такой... А Надя его сильно любила. Бывало, придет он домой, а она кинется ему на шею и так и замрет вся... Он любил ее – и жалел сильно. Меня так никто не любил. Да он всех жалел, добрый был. Бывало, до смешного доходило – идет он по улице, а за ним штук пять собак рысят, деловитые такие, словно министры на приеме у государя. Он в кармане шинели всегда колбасу таскал, подкармливал дворняг бродячих. А погиб ни за что, как заяц. Казак разрубил его шашкой от плеча до пояса, когда первую революцию разгоняли. От горя Надя раньше времени родила. Арсения мы выходили, а Надюша умерла. Уже вставать начала, по комнатам ходить, сына сама кормила. Только была как бы не в себе, все за голову держалась. Однажды утром она просто не проснулась. Врач сказал, что какой-то сосуд лопнул у нее в голове, что она умерла во сне. И остались мы с Арсением... Он уже в реальном училище Петершуле⁴ был, когда заварилась эта большевистская каша.

– Почему же вы не уехали? – спросила я. – Многие ведь уезжали!

– Чтоб у тебя муж был, вот почему, – сварливо ответила Вава. – Куда нам было ехать? Старуха и мальчишка, на чужой стороне... Деньги пропали в первый же год, банкир оказался сообразительней и сбежал со всеми сундуками не то в Париж, не то в Берлин. Было с чем ехать, врать не буду, но всего я забрать не могла. Набережную эту гранитную, волну невскую, мутную, стены своего дома, платочек серого неба, что из окна моей спальни виден... Но я понимала, если останусь – конец мне, сгинем вместе с Арсюшей. Тут как раз Варвара-экономка померла, не стала ждать, как мы эту кашу расхлебаем. Горничная меня и надоумила: возьмите, мол, Варвара Дмитриевна, ее паспорт, прикнитесь простой старухой, авось пронесет, а уж мы не выдадим. И не выдала ведь! Только сбежала да все бриллианты прихватила, одно вот твое колечко и осталось. – Она кивнула на чистый, умытый бриллиант, сверкавший у меня на пальце.

– Так это ваше колечко? Я отдам... Возьмите...

– Мне не надо, деточка. На пальцы-то мои посмотри, ровно сучья кривые! Носи на здоровье, помни графиню Бекетову. Не снимай, я тебе сказала! Вот так... Все добришко графское реквизировали и растащили, дом пролетарьятом уплотнили... Но прожили кое-как. Арсюша детскосельскую школу закончил, потом электротехникум. Потом вот с пути сбился, стихи писать стал. Сейчас-то я уж не вхожу ни во что, гаснет мой разум... А ведь какой ясный был! Только и смотрю за собой, как бы не проговориться, не проболтаться в очереди. А мыслей у меня одна: похоронили графиню Бекетову, девицу, скоро и крестьянки Симаковой, вдовы, не станет. Прошла жизнь, и слава Богу. Да что это у тебя – слезки? Не плачь, не надо, дурнеют от этого. Давай-ка потихоньку перетаскаем твои вещички, пусть тут стоят, ничего им не делается...

ГЛАВА 4

Я была очень счастлива в те годы, хотя жили мы, скорее, бедно. Арсений был

⁴ Петершуле – немецкое училище при церкви Святого Петра в Санкт-Петербурге, основано в 1710 г.

потрясающе равнодушен к деньгам, гонорары его, на которые мы могли бы жить, тратились моментально и бессмысленно – на цветы, на конфеты, на экзотичные, непригодные в быту вещи, вроде толстой белесой ящерицы в круглом аквариуме. Несчастный гад простудился и подох в первые же осенние заморозки, несмотря на то что квартиру неплохо отапливали. Дандан устроил своему питомцу пышное погребение, и я подпрыгивала на холмике мерзлой земли, слушая скорбные речи приглашенных ерников, в уме подсчитывая – сколько теплых вещей можно было купить на деньги, потраченные на самого гада, на его прокорм и на эти идиотские поминки с икрой и водкой! Но густое, медовое счастье моей первой любви согревало своим светом серые будни, серый город с незнакомым именем Ленинград был весь залит янтарным его светом. Какое чудо были наши музыкальные вечера! Нервы мои, к сожалению, устроены так, что я не могу переносить музыку, мне хочется скулить и подвывать, как, бывает, подывают звукам скрипки капризные собачонки. Арсений знал это. Репетировал он, только когда я уходила из дому – в гости к приятельнице или за покупками. Но как я гордилась им, когда он играл вторую фугетту Генделя, а гости слушали внимательно, проникновенно! У нас бывал известный музыковед Сотинский, органист Брауль, замечательный камерный певец Дуво и оперный певец Чесночников. Наше любовное гнездышко оведали мелодии Баха и Генделя, писатели и поэты увивали его посвящениями, и порой я чувствовала себя владычицей морскою. У той золотая рыбка должна была служить на посылках, а у меня в домоправительницах ходила графиня! Вавочка стала моим лучшим и любимым другом, она заменила мне мать, она в конечном счете сделала для меня больше. Долгими вечерами, в неспешных беседах она передавала мне неизъяснимую прелесть дам прошлого века, учила изящным манерам, внушала хороший вкус.

А за стенами нашего дома выла, клубилась, пожирала жизни темная эпоха, и ходили, шаркали, крались в ночи страшные слухи. Многие из наших знакомых были арестованы, многие сгинули без вести, и их родные высылались неведомо куда. Я знала то, чего не знали многие, – знала, к примеру, что в машинах с надписями «Хлеб», которых необыкновенное множество появилось в Ленинграде, развозят не свежую выпечку, а заключенных. Это было страшно, но страх существовал вне моей души, потому что я знала и то, что наше время еще не пришло, мы можем продолжать свой пир во время чумы. Дандан же вообще вел себя так, словно жил при дворе какого-нибудь «короля-солнце», в беспечную эпоху смягчения нравов. Арсений был насмешливо-нежен, галантен, неутомим в любви и неиссякаем в нежности.

– Что тебе снилось? – спрашивал он меня каждое утро. – Вот я видел, что мы летим с тобой на воздушном шаре через безбрежную пустыню... Под нами – бесконечные горы песка, над нами – белесое, выцветшее от солнца небо, а нам весело. У нас с тобой есть вода и еда. Ты готовишь бутерброды с ливерной колбасой, а я трубку курю и тебе под юбку лезу.

Сны его бывали еще более фантастичны, и я завидовала ему, потому что мне почти никогда ничего не снилось. Говорю «почти», потому что один сон все же был в библиотеке моих грез. Но снился мне просто холм, покрытый яркой, изумрудной травой, а в траве было много одуванчиков – не желтых, а белых, готовых улететь с первым ветерком. Снилось мне, что кто-то, чье лицо я не вижу, срывает один из одуванчиков и дует на него, разлетаются легкие парашютики, и мне становится так легко, так хорошо на душе... Словно я уже умерла и, как одна из этих пушинок, лечу к небу, все выше, выше, выше...

– Неужели только этот холм? – дивился Арсений.

– Только этот.

– И ты никогда не видела его на самом деле?

– Откуда? Я всю жизнь прожила в Петербурге, даже за город на пикник не выезжала.

– Бедное дитя! Надо будет попасть тебя где-нибудь на солнышке. Вот издадут книгу...

Богиня писательской удачи повернулась к нам лицом: у Дандана вышла долгожданная книга и мы смогли поехать на лето в дом отдыха Ленинградского литфонда, в Коктебель. Путевки, разумеется, Дандану могли предоставить и раньше, совершенно бесплатно (и предлагали неоднократно), но приехать туда и не щегольнуть туалетами перед писательскими женами? Это было бы глупо. Портниха сшила мне несколько платьев, содрав

бешеные деньги за срочность заказа, и через несколько дней, в вечерний час, я уже увидела из окна поезда огромную лужу черничного желе – это и было море.

Потом я узнала, что все отдыхающие и туристы делятся на две группы. Активная группа бежит по музеям и развалинам, осматривает базары и дегустирует на свой страх и риск блюда местной кухни, примеряет экзотические наряды и скупает сувениры. Пассивная группа валяется на пляже, пьет слабенькое местное вино, играет в преферанс и волейбол, зато активно флиртует, не утруждая себя, впрочем, походами дальше гостиничного ресторана. Так вот, в Коктебеле это разделение выглядело более резко, чем где бы то ни было. Ситуация обострилась не исчезнувшим духом Серебряного века, притягательного для нервных натур, и непосредственной близостью дома Максимилиана Волошина. Усилиями восторженных курортников дом его был превращен в подобие языческого капища, где заправляла главная жрица – вдова поэта Мария Степановна. Она была очень дурна собой и в то же время необыкновенно привлекательна. Ее татарские глаза, медленная речь, даже ее черные усики таили в себе такую бездну печального обаяния, что она втягивала в водоворот своей могучей ауры и молодых, и старых. Мария Степановна была большой оригиналкой, ходила ночевать на могилу мужа, курила крепкие папиросы, голодала зачем-то до обмороков, и гости старались ей подражать, соперничая друг с другом в степени экзальтации. Среди них я увидела и выделила необыкновенную тройцу.

Главой ее была молодая московская поэтесса, которую в доме называли насмешливо Тифозный херувим. Она в самом деле походила на ангела Джотто – мягким, правильным лицом, ясностью огромных голубых глаз, и только тонкие, выющиеся ее волосы были очень коротко острижены. Поэтесса приехала в Коктебель со своим будущим мужем, тоже московским поэтом, но поэтом состоявшимся и признанным. В первый же день приезда супруги столкнулись на пляже с бывшим мужем поэтессы, который освободил эту почетную должность всего полгода назад. Бывший муж – для разнообразия – был драматургом, его революционные («революционные и по содержанию, и по форме»), как он любил уточнять) пьесы шли во всех театрах страны. Вопреки злорадным ожиданиям отдыхающих, никакого скандала за этой встречей не последовало. Напротив – экстравагантная тройца спаялась так крепко, что оказалась заключенной как бы в сверкающую капсулу собственной взаимной нежности. Нежность образовывала внутренний слой капсулы, а внешний состоял из ревнивой зависти окружающих дам и жадного внимания мужчин. Пожилой, но по-мальчишески стройный драматург, серо-волосый и серолицый, каждый день дарил ей розы, которые по его заказу привозили из ботанического сада в Евпатории. Высокий, полнеющий, холеный поэт носил ее на руках по берегу и однажды исполнил под ее балконом настоящую серенаду, после чего, ловко подтянувшись на руках, забрался в номер и получил, вероятно, заслуженную награду. У этого жениховствующего увальня, кстати, оказался превосходный баритон.

Мне удалось подавить в себе и зависть, и ревность. Я любовалась поэтессой, восхищалась ее анемичной красотой, серебряным полынным веночком на выгоревших волосах, ее запыленными узкими ступнями в античных сандалиях, ее манерой купаться на рассвете голышом и, конечно, ее мужчинами. Они не усложняли, а украшали ее жизнь. Сам воздух ночного Коктебеля, напоенный смолистым ароматом кипарисов и дыханием моря, пронизанный светом громадной луны и озвученный незримыми цикадами, казалось, располагал к романам, интригам и шашням. Дочерна загорелые амурсы патрулировали пляж, каждое утро из пены волн возрождалась древняя богиня любви. С каждого почти балкона выглядывала вдохновенная физиономия, слагающая стихи либо прозу.

За мной начал ухаживать москвич, загорелый атлет, прекрасный, как греческий бог, интересный как раз тем что не был ни писателем, ни поэтом. Так, чиновник от литературы – но какой популярностью пользовалась его смуглая красота у писательских дам! Его ухаживание мне льстило, я принимала мелкие знаки внимания и весело смеялась над островами Арсения. Тот любил изображать в лицах придуманную сцену объяснения между мной и чиновником, прозванным молодым Вертером, мистифицировать меня, уверяя, что

прошлым вечером неистовый поклонник утопился в море от неразделенной любви, и очень серьезно уверял, что готов на развод, все имущество же, и, главное, Ваву, оставит мне. Я хохотала до колик, но коктебельский яд бродил в моей крови. Прошло две недели, Дандану нужно было возвращаться в Ленинград, а я должна была остаться и поваляться на пляже еще две недели. Из поезда он корчил мне плаксивые гримасы и приставлял к своему лбу купленные в дорогу рогастики. Я опять смеялась, а вернувшись в санаторий, почувствовала, что натиск ухаживаний явно усилился. Отъезд мужа вдохновил пылкого воздыхателя на решительную атаку. Вертер был так напорист и нежен, что на следующий день я согласилась прогуляться с ним в горы.

– Мы пойдем с вами вдвоем по горной тропинке, будем утолять жажду из серебристого ледяного ручейка, обедать свежим лавашем и инжиром, любоваться бесподобными видами...

Смысл прогулки состоял в паломничестве к могиле Грина, провожатый мой, несомненно, надеялся на жгучие объятия где-нибудь в тени чинары, а я... Я рассчитывала на что угодно, кроме того, что произошло на самом деле!

Мы вышли очень рано, нас никто не видел, и мы никому не сказали о своей горной авантюре. Сначала все было чудесно. От сладостной утренней прохлады меня защищала уютная вязаная кофточка, тропинка вилась между скал, и так легко было шагать по ней в легоньких парусиновых тапочках! Удовольствия хватило чуть больше чем на два часа. Для начала я поняла, что оделась не слишком удачно. Длинная юбка белого, легкого платья непрестанно цеплялась за кусты и камни. В кофточке мне стало жарко, я сняла ее и повязала вокруг поясицы, тогда она, не теряя времени даром, тоже стала цепляться за камни и кусты. Огромная соломенная шляпа сползала на нос. Потом я почувствовала, что парусиновые тапочки тоже были ошибкой. Вертеру хорошо, он надел в горы ботинки на толстой, твердой подошве, а я чувствовала ступнями все мельчайшие камушки на тропе! Впрочем, это неудобство показалось несущественным, когда через полчаса новенькие тапочки стали натирать. Я намозолила обе пятки до кровавых волдырей. Дальше продолжать паломничество не представлялось возможным. Усевшись на разогретый камень, я обратилась с воззванием к своему спутнику, предложив ему отправиться обратно.

– Вы ведь тоже устали, – неосторожно заметила я.

Вертер позеленел сквозь свой золотистый загар. Впрочем, он давно выглядел бледновато. К тому же в животе у него громко и переливчато журчало, он пару раз уже отлучался с извинениями. Несомненно, бедняжка страдал сильным расстройством желудка и страшно стеснялся этого. Страх показаться слабаком победил. Он принялся убеждать меня двигаться дальше, предложил даже нести меня на руках, но, протащив пять метров в гору, запыхался, и мне пришлось слезть. Слово за слово – между нами завязалась самая безобразная перепалка.

– Вы можете возвращаться, да! Мещанка! – заорал он наконец, и я облегченно вздохнула.

– Да мне только этого и надо, пожалуйста!

Поднявшись с очередного камня, я начала спускаться по тропинке вниз, в долину, стараясь при этом, чтобы моя спина выглядела как можно более гордо и презрительно.

За мной раздалось сопение и шорох мелких камушков. Молодой Вертер полез в гору, верно, быть может, рассчитав, что расстройством желудка удобнее страдать в одиночестве, чем в обществе дамы сердца – пусть и бывшей.

Расставание с упрямым кавалером скрасило мою жизнь ненадолго. По-прежнему натирали тапочки, цеплялась юбка, съезжала на нос шляпа. Увлечшись своими страданиями, я здорово сбилась с пути. Опустила голову – и не узнала тропинки под ногами. Огляделась по сторонам – и не узнала местности. Я не запаниковала, нет. Я находилась в двух часах ходьбы от санатория, здесь часто гуляют люди, скоро я наткнусь на кого-нибудь и, быть может, со смехом расскажу об этом происшествии. Но все равно рассиживаться не стоит, тут повсюду жилье, куда-нибудь да выйду.

Я скинула тапочки. Я нашла, посплюнявила и приложила к бедным, горящим пяточкам

по листку подорожника, сделала еще несколько шагов, и вдруг горы расступились у меня под ногами, мир стремительно завертелся, земля и небо поменялись местами, и кто-то неведомый, жестокий стал больно тыкать меня кулаками в ребра, в спину, в живот... Перед глазами стало темно, и из этой темноты выступило лицо Лагнаиса – слепое, страшное, окровавленное лицо с темным пулевым отверстием прямо в середине лба. Чтобы не видеть его, я потеряла сознание...

Я очнулась, открыла глаза и прежде всего заметила, что смотрю на мир сквозь какую-то мелкую золотистую ячею. Ага, это моя соломенная шляпа! Шляпка накрыла мне лицо. Лоб саднит, по шее течет теплый ручеек крови. Все тело болит, но вполне терпимо. Руки и ноги не сломаны, насколько я понимаю. А вот в боку слева вспыхивает очаг боли. Вероятно, я повредила ребро. Или два...

Что же случилось? Задумавшись о своей нелегкой доле, я не заметила трещину в скале. Быть может, ее трудно было заметить, даже внимательно следя за тропинкой – узкую, поросшую розоватым тамариском, потаенно-усмехающуюся провалом узкогубого рта. В нее я и провалилась, но отделалась ушибами и легким испугом. А могла ведь сломать себе все на свете, разбить голову и умереть тут, не приходя в сознание, и никто бы меня никогда не нашел! Что ни говори, а мне крупно повезло!

Но рано, рано я начала радоваться. Стоило только оглядеться по сторонам, чтобы понять: из этой расщелины я не выберусь самостоятельно. Если, конечно, не научусь летать. Стены были почти отвесные и очень гладкие, к тому же очень высокие. Быть может, я и вскарабкалась бы, обламывая ногти, до середины, но что будет, если я свалюсь оттуда? Стоит ли искушать судьбу? Но меня найдут здесь, не могут не найти! У меня громкий, отлично поставленный голос, я буду петь, кричать, декламировать стихи, до тех пор пока не придет помощь!

Я начала с русских и малороссийских романсов, которые еще моя мама мурлыкала своим домашним голосом, штопая чулки по вечерам. Когда репертуар был исчерпан, завела по второму кругу. Несколько раз с особым чувством исполнила куплет: «Дывлюсь я на небо, тай думку гадаю, чому я не сокил, чому не летаю?» Потом пришел черед песен советских композиторов, потом я проорала несколько увертюр. Перепуганные поселяне не кинулись мне на помощь, и я начала читать стихи. Отчего-то мне было совсем не страшно, а только весело. Весело было декламировать Некрасова:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая – страдания народа,
И что поэзия забыть ее должна...
Не верьте, юноши! Не стареет она... и т. д.

И в то же время представлять, как Арсений будет изображать в лицах нравоучительную комедь: «Ввержение жены-прелюбодейки Еленки в каменную бездну и вызволение ее оттудова добродетельными пастушками».

Но ни добродетельных пастушков, ни каких-либо других не было слышно. В конце концов, успокоила себя я, в санатории должны меня хватиться. Меня не будет за завтраком – это нормально. Обед я тоже частенько игнорировала. А вот ужин – это святое. И не ради хлеба единого! Ужин был мероприятием торжественным, дамы переодевались в вечерние туалеты, засиживались подолгу над бутылкой местного плодово-ягодного винишка... Меня хватятся, отправятся искать, как собрали однажды целую экспедицию для отыскания поэтессы Марии Бурцовой, что пошла со своей компанией на пляж, а с пляжа не вернулась... Сыщики обнаружили в укромном уголке ничуть не утонувшую беглянку в объятиях случайного, но пылкого аманта⁵ – к взаимному конфузу обеих сторон.

⁵ Любовник (фр.).

Мысль о том, что будет со мной, если экспедиция не выйдет из санатория раньше утра, я старалась отгонять от себя. Не может быть, чтобы мне пришлось провести ночь в этом ужасном месте! Ах да, ведь еще остается молодой Вертер! Наш поход в город не был рассчитан на ночевку, он вернется к вечеру, обнаружит, что предмет его нежных чувств пребывает в отсутствии, и забудет во все колокола!

Увы, как и многие человеческие надежды, мои упования оказались тщетными. Потом я узнала стороной, что мой воздыхатель действительно вернулся в санаторий глубокой ночью. Похвастался дежурной сестре-хозяйке, что дошел-таки до могилы Грина, добрался до своей комнаты и рухнул спать. Он так устал, что проспал до обеда следующего дня, к трапезе в столовую опоздал, купил у туземцев твердой колбасы, бубликов и терпкого «компо та», съел и выпил все это... И снова улегся спать. Так что вопрос моего отсутствия встал перед ним только утром второго дня – и то, не решаясь открыть свою сердечную склонность, он опасался интересоваться, где я... Идиот! Конечно, в санатории мое исчезновение заметили. Последний раз публика наблюдала, как я отправляюсь на вокзал провожать Арсения, поэтому многие заявили, что я просто уехала с мужем в Ленинград. Не попрощавшись? Не забрав вещи? В памяти у многих свеж был конфуз с любвеобильной Бурцовой, лишними вопросами старались не задаваться. Пришедшая убирать мои комнаты горничная объявила, что я оставила, уезжая, не только вещи, но и паспорт, и драгоценности мои сложены горсткой на трюмо!

И только тогда администрация дома отдыха организовала поиски. Дали телеграмму Дандану, вызвали водолазов, обшарили окрестности. Быть может, и услышали бы мою мелодекламацию, но после первой же ночи я напрочь потеряла голос.

...Опустились сумерки, и сразу стало холодно. Я попросила прощения у своей кофточки за прошлые обиды – пригодилась она, теплая, из честной шерсти связанная! Служить ей теперь и одеялом, и крышей над головой. Нащипала каких-то жалких травок, чудом выросших на камне, сделала себе ложе. На сон грядущий прочитала вслух – уже не кому-то, а самой себе! – последнее стихотворение Дандана:

Мы закроем наши глаза,
Люди! Люди!
Мы откроем наши глаза,
Воины! Воины!

Поднимите нас над водой,
Ангелы! Ангелы!
Потопите врага под водой,
Демоны! Демоны!

Мы закрыли наши глаза,
Люди! Люди!
Мы открыли наши глаза,
Воины! Воины!

Дайте силу нам полететь над водой,
Птицы! Птицы!
Дайте мужество нам умереть под водой,
Рыбы! Рыбы!⁶

Это было моей молитвой на сон грядущий. Я перемигнулась с теми несколькими

⁶ Стихотворение Даниила Хармса.

звездами, что заглядывали в мою расщелину особенно пристально. Звезды показались мне громадными, а их яркость – неестественно интенсивной. А потом подложила под голову соломенную шляпку, свернулась в клубочек и почти сразу же заснула под томные стоны цикад, потому что страшно устала. Проснулась же на рассвете, с ломотой в суставах и отдельным раскаленным местом в боку. Попрыгала, помахала руками, чтобы согреться, и тут поняла, что, во-первых, у меня нет голоса и мне нечем больше звать на помощь. А во-вторых, что мне страшно хочется пить и есть. В меньшей степени – есть. Но ни воды, ни еды у меня не было. Худенький мой мешок с лавашем, козьим сыром и инжиром остался у Вертера.

Отчаяние накрыло меня, и я оказалась как бы между двумя каменными ладонями, сверху камень, снизу камень... А я – я перестала быть человеком, я стала зверушкой, сражающейся за свою жизнь с жестокой природой. Я жевала жесткие стебельки трав, я слизывала росу с каменных стен, я... Но не хочу, не стану об этом писать.

Я сильно отклонилась от прохожей тропки. Меня нашли на шестой день, как и следовало ожидать, совершенно случайно. Один из коктебельских богемных бродяг, любитель одиноких прогулок, увидел в траве мои тапоч ки. На подошве было клеймо Ленинградского завода резиновых изделий...

С воем бродяга прибежал к санаторию и утверждал, что курортницу-ленинградку разорвали насмерть горные тигры и леопарды. Вот, пожалуйста, и доказательство – парусиновые туфли, и кровушка на них засохла! Ни на что особо не надеясь, отправились к месту обнаружения тапочек – а нашли расщелину и в ней меня. Я же ничего этого не помню, а жаль. Говорили, что насмешливый, циничный Арсений Дандан рыдал над моим бездыханным телом, как младенец, и опереточно заламывал руки. На такое стоило бы посмотреть.

По совету врачей Арсений не стал перевозить меня в Ленинград, хотя лично ему казалось, что мне лучше быть подальше от места трагедии. А я? Вот уж мне было все равно, где выздоравливать! С самого момента пробуждения я чувствовала только дикий, чудовищный голод! Радость спасения, встречи с любимым мужем, от горячих лучей светящего в окно палаты солнышка – все было ничто перед этим всепобеждающим чувством. А есть мне давали до обидного мало – жидкий, тепленький бульон да какие-то отвары. Я пыталась вскочить, вырвать из цепких рук нянечки тарелку, но боль в боку не пускала меня. У меня оказались сломаны три ребра, одно из них пробило легкое...

– Этак я тебя не прокормлю, – сетовал Арсений, к которому вернулся весь его блистательно-остроумный цинизм.

– Говорят, любовь и голод правят миром, – ответила я ему. – Сейчас мне кажется, только голод.

Дандан только улыбнулся снисходительно, но я осталась на всю жизнь при этом убеждении.

Через месяц я совсем окрепла, и мы вернулись домой. Правда, мне по-прежнему рекомендовали строгую диету но я научилась ее обходить. Конечно, столько лопать было невозможно, этак недолго растолстеть! Потому я ела сколько могла, а потом вызывала рвоту... И так до бесконечности.

Станным, чужим показался мне Ленинград, и во всем была какая-то угроза, слишком агрессивные шляпки стали носить модницы в ту осень, чересчур надрывно горевала над мной Вава, воинственно топорщились усы на портретах вождя... Мой аппетит уменьшился, но душевная травма приобрела новый неожиданный симптом. Я не могла отказаться от покупки продуктов питания. Каждое утро, каждый день я выходила из дому, чтобы купить что-то съестное. У меня были предпочтения, я не покупала скоропортящихся продуктов, никакого мяса или фруктов! Мука, консервы, сахар, конфеты и крупы, крупы, крупы... Деньги от гонорара у нас еще остались, да и сказочно дешевы были продукты в то время в Ленинграде...

В ближнем гастрономе на меня посматривали с неприветливым интересом. Сначала я

отважно лгала про родственников из деревни, которые так любят крабовые консервы, а у них не достать, потом сообразила, что покупать-то можно в разных магазинах, не привлекая к себе лишнего внимания!

Арсений раздобыл откуда-то «нервного» врача. Он приходил в гости – именно так были обставлены его визиты. Но по особой мягкости его лица, по белизне маленьких пухлых ладошек, по вкрадчивой манере задавать вопросы я поняла, кто это, и была настороже. Дандан вышел проводить гостя, и я, воспользовавшись отлучкой Вавы, подслушала их разговор.

– Вам не стоит волноваться... Ваша жена перенесла серьезную психическую травму, да. Но организм молодой, психика гибкая. Все наладится. С течением времени, да. Я дам рецепт.

Дандан смиренно поблагодарил эскулапа, и я удивилась. Неужели мое состояние столь прискорбно, что даже этот вечный гаер и ерник оказался выбитым из колеи?

Не исключая, что его беспокоило нечто другое, и, если так, худшие его опасения сбылись. Как-то гнилым январским утром – снега было мало, с Финского залива дул сырой ветер, солнце впору было объявлять в международный розыск – Вава не смогла подняться с постели. Она давно прихварывала, но перемогалась, бодрилась, суежилась у плиты, готовила к моему дню рождения гуся фаршированного яблоками и помахивала по комнатам тряпкой, а теперь вот не встала... Лежа под тяжелым, простеганным ватным одеялом, она казалась совсем маленькой, словно ребенок, словно мумия. В доме снова появились врачи, пахло лекарством, раздавались вкрадчивые голоса. Никто не называл по имени внезапной хворости, все в унисон произносили одно слово: «Возраст...» За какую-то неделю я успела возненавидеть это беспощадное слово, сотню раз проклянуть загадочный механизм, чьи зубчатые жернова перемалывают наши ум, красоту, силу...

Тикающие на стене старинные часы стали моим личным врагом, и Вава, все глубже уходя в подушку восковым личиком, тоже прислушивалась к их тиканью, но прислушивалась кротко, незлобливо. Три дня она не ела, почти не спала, а все прислушивалась к чему-то, и руки ее ходили, шарили по одеялу. Тяжкая работа смирения происходила в ней, и этот труд был завершен в глухую полночь, когда она сказала нам – мне и Арсению:

– Ну, вот и пора пришла.

Она сложила руки на груди, закрыла глаза и перестала дышать. В ту же секунду остановились часы.

Когда Вава была жива, я не представляла, какую важную роль она играет в нашей семейной жизни. Должно быть, это странно... Детей у нас с Данданом не было. Связавшая нас страсть должна была выдохнуться (и выдохлась!) на второй год брака. Сферы интересов не расходились, но творческое упоение писателя было далеко от моих редакторских упражнений. Мы должны были разойтись... Но Варвара Бекетова, графиня, а по паспорту – Варвара Симакова, крестьянка Тверской губернии, спаяла нас воедино, как цемент спаивает кирпичи. Она делала нас семьей. Не стало Вавы – не стало и семьи.

Но появились, нежданно-негаданно, новые «родственники». Так, выходя утром из квартиры, Арсений обнаружил на лестничной площадке рыжего детину богатырского сложения. Он сладко спал под нашей дверью, подложив под буйну голову благоухающий овчиной и чесноком мешок. Разбуженный, парнище не растерялся и попер в квартиру, озираясь.

– Кучеряво живете, на пять с присыпкой! Ну а я бабуси Симаковой законный наследник. Внук ее, Васяня. Говорила она обо мне? Нет? Надо же. Ну ничего – она ж последний раз меня во-от такусенького видала! А больше встретиться и не пришлось, померла она. Прослышал я, что бабуленька коньки отбросила, собрал вещички и сразу к вам. Да час был поздний, вы уж спали, так я решил под дверкой прикорнуть. Ничего, думаю, в бабулиной комнате – зато все условия! Жилплощадь-то ее какая будет? Энта комната или энта?

Жилплощадью Вавы считалась кухня, о чем я и поведала самозванцу Васяне.

– Гм-м, небогато, – помотал он головой. – Ну, мне и тут ладно. Кочка бабулина, да? Хороший топчанчик. Перинка ее будет? И одеяльце? А то у нас в общежитии, верьте слову, даже матрасов на всех не хватает, пятнадцать человек на тридцати метрах, да еще спи на гольных досках, рукавом утирайся! А имущество ейное где? Ну, тряпки там, это ладно, дело женское, а сбережения у дорогой покойницы были? У старушек бывает всякое добришко припрятано... – вещал новоявленный Раскольников, косясь по сторонам в поисках, чего бы подтибрить.

Арсению удалось как-то спровадить неожиданного наследника. Ему выплатили какую-то скромную сумму, после чего этот абсурдный внук отказался от имущественных претензий и исчез, будто и не появлялся. Но образ давно умершей и похороненной крестьянки Симаковой еще долго тревожил мой покой. Дандана эта встреча также впечатлила, и он засел за письменный стол и за какой-то месяц написал повесть «Бабуся». Неотвратимость беды, страх перед будущим, чувство одиночества создавали сумрачную, кошмарную атмосферу этой книги. Мертвая старуха преследует своего соседа, хочет не то убить его, не то отдать ему что-то... Я не смогла дочитать, и Дандан, кажется, обиделся на меня... Отношения разладились.

По инерции мы продолжали жить вместе, даже не разделили постелей. Но Арсений все реже и реже бывал дома, часто оставался ночевать у друзей. Они же отчего-то перестали у нас бывать, словно боялись смотреть мне в глаза.

Я нашла в его секретере письма от какой-то молоденькой актрисы, их возвышенно-эротический настрой меня позабавил. Стиль, стиль! Главное в жизни – выдержать свой стиль! Мужу я ничего не сказала о своем открытии. Кое-как доскрябались мы до лета, и жизнь вроде бы стала налаживаться. На Коктебель мы больше не отважились, но много ездили – в Царское Село, в Ольгино, Сестро-рецк, на Лахту. Романчик Дандана был, очевидно, окончен и забыт им. Им, но не мной.

Друзья вернулись в наш дом, и никогда не было так безмятежно небо над Ленинградом, как в тот нежаркий июнь! Однажды зашел к нам, непрерывно кланяясь и извиняясь, тишайший драматург-сказочник Кац. Мы долго сумерничали в столовой, пили красное вино, закусывая белым хлебом и маслинами, по-гречески. Заходящее солнце пожаром заливало окна последнего этажа дома напротив.

– Не могу больше жить в Ленинграде, – бормотал от-страненно Кац. Страшны были его интонации – так говорят люди во сне да медиумы на спиритических сеансах. – «Фантома» моего сняли с репертуара. Через три дня после премьеры. Задумал еще пьесу. И ее тоже снимут. Может, и не поставят. Но написать все равно надо. А жить нечем, поденщина литературная денег не приносит, а время и силы отнимает... Уехать к матери, у меня мать-то в Саратове. Но боюсь провинции, ужасно боюсь. Сытое болото, сон наяву. Боюсь, брошу писать, брошу думать, пойду бухгалтером на хлебзавод. Бухгалтерское у меня образование.

– И уезжайте, – вдруг сказал Арсений.

– Вы думаете? – оживился Кац.

– Конечно.

Теперь из них двоих Дандан напоминал медиума. Он говорил с духами грядущего. Он говорил с будущим, озвучивал мои потаенные мысли:

– Уезжайте скорее! Будет война. Ленинград ждет судьба Ковентри, – и замолчал, угас.

Мы пили вино и закусывали белым хлебом, черными маслинами. А в это время вершились участи миллионов людей, и Парки⁷ натачивали ножницы...

Через три дня объявили о нападении фашистской Германии на Советский Союз, и Сталин назвал нас по радио «братьями и сестрами» – быть может припомнив, что в юности был семинаристом и мог бы стать тихим священником в беленькой церквушке, среди родных

⁷ Парки – в римской мифологии богини судьбы.

гор. А я сказала Арсению:

– Быть может, и нам уехать?

– Куда? – спросил он, покосившись на меня недоуменно поверх раскуриваемой трубки.
– Нам некуда ехать. Кроме того... Нет. Надо подождать.

Я не стала спрашивать, чего ждал Дандан, сидя у окна, дымя своей трубкой. Я – знала. И он знал тоже.

В конце августа заехал во двор черный воронок, и пьяный дворник в телогрейке на голое тело позвонил в нашу дверь. Я вышла.

– Супруга вашего просят спуститься, – сказал он, дыша мне в лицо самогоном и луком.

Я молча притворила дверь и вошла в комнату. Арсений все слышал, все мгновенно понял. И выглядел он не лучшим образом. Я ожидала от него иной реакции. Он обязан был держаться мужественно – хотя бы при мне! Он должен был элегантно одеться, упаковать в чемоданчик смену белья, да носовые платки, да флакон одеколона, небрежно поцеловать меня в лоб и выйти, дымя трубкой. Но Дандан, как говорят японцы, потерял лицо. И мне стало за него стыдно.

– Это они?! – Он схватил меня за кисть руки, сжал так, что хрустнули тонкие косточки.
– Это – они? Леночка, миленькая, я не хочу. Я не хочу туда. Ленуша, спрячь меня. Да сделай же что-нибудь, не стой так!

– Что же я могу сделать? – спросила я, стараясь успокоить его своим тоном, осторожно высвобождая руку. – Ты же ни в чем не виноват. Разберутся и отпустят, как уже раз отпустили. Ведь правда?

– Нет... На этот раз – нет, – пролепетал он, глядя на меня расширившимися глазами.

Он съежился, стал меньше ростом. На лбу у него выступили крупные капли пота, и я почувствовала брезгливую жалость.

– В любом случае прятаться от них не стоит. Ты скомпрометируешь себя, заставишь их подозревать бог знает что. Я сейчас соберу вещи первой необходимости...

В маленький фанерный чемоданчик мне удалось упаковать все нужное, это меня порадовало. Правда, крышка почему-то не хотела закрываться, пришлось нажать, потом нажать еще сильнее...

Арсений наблюдал за мной, как-то ослабнув, повиснув в кресле, и вдруг вскочил пружинкой:

– Ленуша, идея! Потаенная комната Вавы! Ты меня там спрячешь, никто не найдет. Скажи, я уехал, неизвестно куда, к черту лысому, бежал с любовницей! А потом я и в самом деле уеду. Мы вместе уедем. Где ключ от комнаты, Лена? Оставь ты этот чемодан!

– Я не знаю, где ключ. Я не видела его со дня смерти Вавы. И, знаешь, Арсений... Мне кажется, он остался в кармане передника, в котором мы ее схоронили. Прости меня. Не знаю, как это получилось.

Звонко щелкнули замки – мне удалось закрыть чемоданчик. Мои слезы застучали по фанерной крышке, словно дождик.

– Вот оно что, – прошептал Арсений. – Ну что ж, если и ты... И Вава... Не реви. Давай сюда чемодан. Табак положила? Э-эх, Марфуня, так и знал, что забудешь! Ну, целуй меня, только быстренько. Веди себя тут хорошо, в горы не ходи, много не пей, люби только меня.

Он называл меня Марфуней, когда был в наилучшем расположении духа. И все получилось, все удалось в конце концов! Глаза его повеселели, моментально высох смертный пот на высоком челе, перестали дрожать руки. Арсений Дан-дан, поэт и писатель, вышел из подъезда, как я и надеялась, помахивая чемоданчиком, дымя трубкой, источая дерзкую уверенность и приветливо улыбаясь своим палачам. Молча аплодировали ему случайные зрители этого спектакля. Молча и ласково смотрела я ему вслед. Молча, просто молча лежал в секретере ключ с причудливой бородкой, уютно накрытый эротическими письмами молоденькой актрисы.

ГЛАВА 5

Из Ленинграда меня, жену врага народа, не выслали – забыли, наверное. По собственной же воле я уезжать не хотела. Меня пугала перспектива оказаться в диких местах, стать беженкой, песчинкой в вихре войны, стать, по сути, никем. Мой город просил меня остаться, узоры решеток сплетались в немую мольбу, гулкие перспективы архитектора Росси сулили что-то. Что? Жизнь, свет, любовь, безбедную жизнь и какую-то особенную радость, высшее, чистое наслаждение. Все чаще и чаще я вспоминала слова Вавы, графини Бекетовой, не покинувшей родной город даже под угрозой смерти. Я понимала ее, но у меня был свой путь. И потом, мне все равно придется эвакуироваться с издательством. Но это потом.

К октябрю в городе стало плохо с продуктами. На рабочую карточку выдавали четыреста граммов хлеба, двадцать пять граммов чая. Студенческий паек – вдвое меньше. Про блокаду Ленинграда написано и сказано многое, я не буду повторяться. Но каково словечко – «блокада»! Для меня оно разделилось на два – блок ада, филиал ада на земле. Холодный, занесенный снегом, русский филиал ада, по которому скитаются истощенные бесконечной пыткой грешные души.

Ленинград привык хорошо питаться. Без московской дурной тороватости (свежий калач, гора черной икры), без провинциального прогорклого раздолья. Даже в этом Ленинград оставался европейским городом, дух сдержанной Англии витал над обеденными столами коренных жителей. Все легкое и питательное – куриный бульон с сухариками, паровые котлетки, молочные и ягодные киселики. Теперь ничего этого не стало, следовало искать выход из положения.

На лестничных клетках, на крышах, в толчее хлебных очередей, в бомбоубежищах витали тревожные шепотки обывателей. Воздушные тревоги, артиллерийские обстрелы, фугасы, окопы, все на трудовой фронт! Это понятно. Все для фронта, все для победы – это тоже ясно. Но нужно же подкормить Женечку и Зиночку, вон они какие бледные! Неужели нашим доблестным войскам пойдет на пользу, если дети умрут от худосочия? Наверняка найдутся люди, у которых есть продукты, быть может, они согласятся их продать или обменять на что-нибудь... Говорят, есть специальные рынки, но об этом – тсс!

Были, были такие рынки. И сейчас-то не принято вслух говорить об этом, все больше выразительно молчат. В первый год войны, когда такими неожиданными оказались для многих голод и лишения, нашлись и люди, которые не прочь были сделать на этих лишениях маленький бизнес. Это были темные личности, государственные преступники, расхитители социалистической собственности, официально выражаясь. Да просто сволочи, чего там! Из уст в уста передавалась история о некоем начальнике продовольственного склада, что расхитил всю муку, перевез ее куда-то в укромное местечко, а опустевший склад потом поджег. Свалил, разумеется, на зажигательную бомбу, дело было шито-крыто, а он продал муку по завышенной цене. Кажется, это не принесло ему счастья, после удачной спекуляции он не смог выбраться из осажденного города и умер от голода на ворохе денежных купюр. Финал этой истории я придумала сама. Правда, эффектно?

Я мнусь на пороге исповедальни. Мне страшно признаться в том, что той военной осенью я стала ровней вора и спекулянтам, людям, наживавшимся на чужой беде. Но у меня есть оправдания! Во-первых, те продукты, что я приобрела в период душевной болезни и схоронила в Ва-вином тайнике, – они были не украдены, а честно куплены на мои собственные деньги! Это во-первых. Во-вторых: допустим, я решилась бы бескорыстно поделиться своими запасами со всеми голодающими. Смешно! На всех все равно бы не хватило. И в-третьих: это наверняка привлекло бы ко мне внимание определенных органов, и уж там не стали бы изучать историю моей болезни, а по закону военного времени поставили к стенке. Вот уж этого мне точно не хотелось!

Каждый день, отсыпав в мешочек кило крупы, спрятав в рукав шубки консервную банку, я шла на «черный» рынок. В парадном дома на Константиновской мелькали серые тени. Там не было покупателей или продавцов. У каждого – свой товар, у всякого – свой

интерес. Стройная старуха в черном пальто украдкой показывает мне бриллиантовую вещицу. Это фрейлинский шифр. По угрюмому, замкнутому лицу пожилой дамы видно, как ей тяжело расставаться не просто с дорогой, но с памятной вещью. Да мне и не нужно глядеть ей в лицо, чтобы понять это. Зажмурюсь, взгляну на нее сквозь переливающийся иней на ресницах и вижу ее... Очень молодая, с детским припухшим ртом, в открытом платье, и в мягких прядях по-гречески уложенных волос переливается алмазная безделушка. Может, поговорить с ней о Ваве? Но я сдерживаюсь. Не лучшее место и время для подобных разговоров. Я киваю, она согласно прикрывает глаза, и основательная, тяжелая, как снаряд, банка переключивается в ее руки, худые ее пальцы ощупывают податливый мешочек с крупой. Мы обе не опустимся до вульгарного надувательства, мы даже торгуемся только для вида! Сговорились. У нее теперь есть настоящие крупа и мясо, у меня – настоящие бриллианты.

Судите сами, дурно ли я поступаю? За ненужную и даже опасную для старухи и всех ее родных безделушку они приобрели несколько дней относительной сытости, несколько спасительных месяцев здоровья и, быть может, саму жизнь! Им никто не дал бы больше! Старуха «из бывших» тоже прекрасно это понимает, потому что в другой раз, завидев меня, вспыхивает радостью и сдержанным жестом манит в самый темный уголок. Но даже в полном мраке я увидела бы бархатный синий свет этого сапфирового ожерелья. Она торгуется так, словно всю жизнь этим занималась, о гибкая душевная структура русских женщин! Но мне не жаль ничего, я отдаю и муку, и пачку сухих сливок, и несколько упаковок ванильных сухарей, и пять тяжеленьких консервных банок. Все, с чем шла на рынок, все, что несла в узелке, оглядываясь и содрогаясь от ужаса перед грабителями и патрулем! Теперь такой же путь предстоит проделать и ей, но все обходится благополучно, потому что через две недели она снова благосклонно кивает из своего привычного угла.

– К сапфировому ожерелью еще браслет, кольцо и серьги, – признается она мне дрожащим полупшепотом, в котором и сейчас чувствуется бывшая статья аристократического выговора. – Но вы сами должны привезти продукты ко мне на квартиру, мне тяжело их носить.

Старая хитрюга подцепляет меня на крючок, как заправский рыбак. Имея ожерелье, невозможно отказаться от других вещей. Я понимаю, я тысячу раз понимаю и отчетливо выделенное слово «привезти». Мне не жаль продуктов, но на чем я их повезу? В подъезде нашего дома стоит брошенная эвакуированной семьей детская коляска. Я набиваю ее продуктами, прикрываю вчетверо свернутым одеяльцем, завешиваю кружевным пологом и везу по улицам среди белого дня.

Прохожие, каждый из которых мог бы разорвать меня на клочки ради обладания этой коляской, смотрят на меня с сочувствием. Две молоденькие, истощенные девушки-студентки даже помогают мне затащить коляску на высокий поребрик. Я смотрю в их лица, на которых уже стоит незримая печать близкой мученической смерти, и борюсь с желанием дать им что-нибудь, все равно что. Пачку сухарей, банку повидла, мешочек крупы. Но если раскроется, что не ребенок в моей коляске – а только что я так трогательно разговаривала с ним! – мне придет конец. Девочки погубят меня, хоть сейчас жалостливо вздыхают вслед.

К счастью, старуха живет в полуподвальном этаже, мне не пришлось затаскивать коляску вверх по ступеням. Она занимает отдельную квартирку, какие обычно предназначаются дворникам. Быть может, и работает дворничихой. В квартире ее тепло и очень сыро. Она сразу кидается разгружать коляску, таскает припасы в кухню и снисходит до разговора со мной:

– Я живу с внучкой Шурочкой. Ее мать и отец на фронте, а я отвечаю за девочку. Шурочке нужно усиленное питание.

Действительно, из клубов жирного пара появляется бледная отечная, но довольно упитанная девочка лет шести. Не обращая на меня внимания, она топает короткими ногами к кухонному столу, залезает на высокий табурет и тянется к банке яблочного повидла. Старуха мягко отнимает у нее банку, но только для того, чтобы открыть ее. Потом банка снова

оказывается перед ребенком да еще появляется несколько сухарей. Девочка начинает есть, шумно и неопрятно. Она макает сухарь прямо в банку, слизывает с него повидло и громко хрустит. Преодолевая брезгливость, я протягиваю руку, чтобы погладить ее по волосам, но Шурочка вдруг поднимает голову, смотрит на меня, и я отшатываюсь. У нее лицо монгольского божка, ни проблеска мысли нет в широко расставленных глазах. Девочка умственно неполноценна с рождения, это синдром Дауна. Мне сначала становится жаль доброкачественных продуктов питания, которые могли бы пойти нормальным детям, а потом я стыжусь этого низкого чувства. Я глажу девочку по туго заплетенным косичкам, забираю драгоценности и ухожу. Чтобы наказать себя за недостойные мысли, я привожу старухе продукты еще раз. Целую коляску в обмен на икону Богородицы – правда, в золотом, усыпанном жемчугом, окладе. Но больше старуха не приходит на черный рынок, и я не знаю, и никогда не узнаю, что случилось с ней и с девочкой Шурочкой.

В феврале издательство эвакуируют. По Дороге жизни меня вывозят из Ленинграда и везут куда-то в Сибирь. К тому моменту в потайной комнате Вавы почти не остается продуктов, только вещи. Они хорошо укрыты, им не страшны ни обыски, ни мародеры. Им может угрожать только бомба, но бомба не упадет на наш дом, это я знаю наверняка, поэтому не беру с собой ничего. Даже это «ничего» – отрез шерсти и комплект серебряных чайных ложечек, стандартный набор беженки, у меня крадут в поезде. Обычное дело.

Я не люблю вспоминать эвакуацию. Маленький городишко, поиск комнат внаем, жадность хозяек, убожество быта, постоянный холод и работа на огороде, от которой обветрилось лицо и загрубели руки. Я старалась следить за собой, делала гимнастику, мазала лицо и руки гусиным жиром. Когда пронесся слух, что скоро можно будет вернуться домой, «купила» на местном базаре за блокадную валюту – продукты – платье и брезентовые туфли со шнурочками. Давилась смехом, глядя на эти непрезентабельные наряды. В Ленинграде меня ждала сокровищница.

Нет, она ждала меня еще раньше. На какой-то из бесчисленных станций, где я покупала парное молоко и превкусные вареные картошки, в поезд вошел рябоватый мужчина, одетый в полуштатское, полувоенное. Он сразу начал за мной ухаживать, очень деловито и основательно. Александр Степанович не стал прыгивать с поезда, чтобы нарвать букет первоцветов, зато укрыл шинелью и позаботился о горячем питании. Когда поезд подходил к Ленинграду, он спросил у меня адрес, аккуратно занес его в записную книжку и, стремительно наклонившись, поцеловал меня в нос. Хотел, верно, в губы, но поезд качнуло. Я рассмеялась, он, подумав, тоже, и на волне радостного возбуждения мы въехали в родной город.

Александр не надул, свизитировал меня через неделю, причем к дому подъехал на автомобиле с шофером. Он осмотрелся, похвалил обстановку, но посетовал, что тесновато и нет телефона. Впрочем, и в том и в этом обещал помочь.

– Мне не хотелось бы переезжать, – заикнулась я.

– И не надо! Стоит занять смежные комнаты. Этих перегородок тут раньше не было, их легко снести.

К тому моменту я уже навела кое-какие справки и знала, что в мои сети заплывала золотая рыбка. Александр Зо-лотивцев был директором автотракторного завода, любимчиком лучшего друга рабочих⁸, надеждой разоренной страны. Конечно же он был давно и прочно женат, на этот счет я не имела иллюзий, тем более что один из указов того времени не то чтобы запрещал разводы, но делал их почти невозможными процедурно. Это было необходимой и в каком-то смысле даже мудрой мерой – мужчины порядком разбаловались за войну. Но в то же время в Стране Советов никогда не относились так легко к «моральному облику» граждан. Для воина-победителя иметь вторую семью, внебрачных отпрысков, считалось определенной доблестью, это не преследовалось и не каралось. Стране

⁸ Сталина.

нужны были свежие силы и новые дети.

Я продолжала работать в издательстве, планомерно продвигалась по службе, у меня был неплохой оклад. Мое материальное благосостояние никого не удивляло. Золотивцев изыскал возможность расширить мою жилплощадь, его хлопотами был установлен телефон, а машину мне выделили на службе. Ощущение прочности и устойчивости жизни медленно, но верно приходило ко мне, и в какой-то момент я почувствовала тухлый привкус скуки. Я смотрела на себя в зеркало, видела там изящную молодую даму, со вкусом одетую, с приятными манерами. Но все это было ненужно, неприменимо. Вокруг торжествовала серость. Я была птицей в золотой клетке. А клеточка-то под холстиной скрыта! Имея бриллианты, достойные императрицы, я никому не могла их показать. Некому мне подать кофе в этом серебряном приборе с коронами и вензелями. Могу сшить себе платье из золотой парчи, но куда в нем ходить? Жизнь обманула меня, посулив вечный праздник, утонченную роскошь и высокие наслаждения! А годы-то, годы идут!

Золотивцев подливал масла в огонь моего отчаяния. Я была его тайной женой, он приезжал ко мне отдохнуть, скрыться от подозрительного любопытства врагов, от назойливого поклонения друзей. Его законная супруга, признанная красавица, среднерусского золотисто-розового, расписного, пышнотелого типа, была женой явной. Она ездила с ним в заграничные поездки – меня он не взял с собой ни разу, я ездила отдыхать во всесоюзную здравницу одна, как дура! По крайней мере, там я могла щегольнуть своими нарядами, было перед кем. Золотивцева держала у себя салон. Писатель, которого пригласили как-то скоротать вечерок и прочитать в кругу поклонников свои новые рассказы, отзывался с восторгом об этой женщине, ее умении поставить дом на барскую ногу. Я скрипела зубами – мне Золотивцев запрещал делать приемы, не хотел видеть у меня гостей. Приехав, он принимал ванну и сразу облачался в пижаму. У меня была домработница, но приходящий мой супруг любил, чтобы я готовила сама. Пока я стряпала обед, Александр работал, писал какие-то письма в кабинете. После сытного обеда с водкой и вином рыгал, вздыхал, почесывался и предлагал: «Ну, прыгай сюда». Он был расчетливо щедр, на каждый сколько-нибудь заметный календарный праздник приносил мне драгоценности. Я посетовала, что он никогда не дарит цветов, – он откликнулся внушительным жестом, преподнеся букетик скромных полевых цветов и колосьев. Колосья были золотые, головки мака – рубиновые, васильки сапфировые, колокольчики аметистовые. Милый юмор советского бонзы. Ювелирный букет происходил из большой коробки, что он привез как-то вечером, попросив:

– Пусть у тебя где-нибудь постоит. Вот, на антресолях, что ли.

Чувствуя себя одной из жен Синея Бороды, на досуге я заглянула в ящик. Упакованные в какой-то мягкий, не известный мне доселе материал, завернутые в тончайшую шелковистую бумагу, лежали там драгоценные безделушки, причудливые, редкостные. Много – десятка два. Больше про ящик разговор не заводился, у Золотивцева, очевидно, были на него какие-то далекие планы.

Умер Сталин, пахнуло свежим ветерком. Золотивцев необычайно оживился, даже помолодел. Осознание того, что он избежал репрессий, проскользнул между жерновами и вот теперь-то покажет себя во всей красе, изменило его. Он стал пенять мне за бездетность. К слову сказать, у него в официальной семье была взрослая дочь, но она так мало походила на отца, что это внушало ему некие подозрения. К тому же окончившее консерваторию чадо моталось с концертами по стране, выматывая трудящимся нервы скрипичным пикианьем, и не очень-то торопилось плодить Золотивцеву внуков.

– Я перенесла тяжелую болезнь, к тому же являюсь блокадницей, – объявила я своему гражданскому мужу. – Ты про это знал, я тебя не обманывала. Так?

– Так-то оно так, – пробурчал он.

Золотивцеву нестерпимо хотелось иметь наследника. Не за горами был тот момент, когда он, подгоняемый инстинктом продолжения рода, кинется искать юный и здоровый инкубатор для высиживания потомства. Я потеряю не только его – вот уж точно не заплачу!

Я потеряю большой кусок житейских благ, которые могла бы добыть себе и без его помощи. Но главное – я потеряю коробку с золотыми диковинками, к которым приистрастилась, как пьяница к вину. Доставать их, разворачивать шелковистую бумагу, любоваться, согревать своим дыханием – вот что стало моей любимой забавой. Зеленая прозрачная рыбка в золотом кружеве волн. Голая дикарка в цветочном ожерелье. Солдат учит пуделя бить в барабан. Ящерка, греющаяся на камне, и спящая на оттоманке толстая кошка. Кавалер и дама в костюмах галантных времен, слившиеся в поцелуе. Как блестят их платиновые парички! Как чисто сияние бесчисленных драгоценных камней, какое тепло исходит от золота высшей пробы! И расстаться со всем этим, отдать людям, не понимающим красоты, не ценящим изящного? Ну уж нет!

Черновик письма, легкомысленно оставленного Золо-тивцевым в кабинете, показался мне занятым. Речь там шла о каких-то деталях... Не помню, это совсем неинтересно. Но это мне, нежной женщине, неинтересно, а в компетентных органах могли бы заинтересоваться. Желая подкинуть бывшим коллегам забавное чтиво, я запечатала письмецо в конверт и отправила куда следует. Сама же, не дожидаясь развязки, уехала на пару месяцев в Кисловодск, объяснив обреченному бедняжке, что хочу подлечиться по женской части.

Кисловодск мне понравился, и я пробыла там на месяц дольше, чем предполагала. Виной тому был также и внезапно вспыхнувший, невероятно страстный роман с молодым доктором. А когда я вернулась, все было кончено. Золотив-цев был осужден, его имущество конфисковано. Ящик с моими любимыми игрушками остался в потайной комнатке.

ГЛАВА 6

Кисловодск подействовал на меня странно, лечение «по женской части» было явно неэффективным. На третий месяц после моего возвращения симптомы стали настолько угрожающими, что я, проклиная страстного доктора, сдалась в руки ленинградских врачей. Они посмеялись над моими страхами и прославили кислые воды. Я, оказывается, была беременна.

Доктору я писать не стала. Зачем мне еще один хам и бурбон в только начинающей налаживаться жизни? Я рожу только для себя. Это будет девочка, прекрасная, как солнце. Красивые вещи, изящные искусства, любовь, нежность, понимание – вот чем будет окружена малютка с рождения, в ней найдут отражения все мои сокровенные чаяния. Я почти успокоилась, научилась вязать и шить. На заказ мне сделали в столярной мастерской королевскую колыбель, и над ней я повесила розовый кисейный полог. Ваве бы понравилось.

Я была старородящей, мне пришлось долго лежать на сохранении, но ребенок попросился на свет в положенный срок. Врачи не стали резать мне живот, позволили трудиться самой. Стараясь отвлечься от боли, я думала, как моя девочка будет ходить в музыкальную школу... Или в балет? Нет, они там все изломанные, несчастные. Лучше пианино и бальные танцы. Нежная, хрупкая, с золотыми локонами, в шелковом платье...

– Смотри, кого родила? – упорно повторяла сестра, тыча в меня чем-то сморщенным, красно-лиловым, хрипло мяукающим. – Ну же, кого?

Кого-кого! Футбольные мячи, милитаристские игры, разбитые окна, исцарапанные коленки, плохие отметки, драки, курение! То есть мальчика. Еще одна надежда рухнула.

Через три месяца после родов меня навестил ближайший друг Золотивцева, выразил соболезнования, долгим взглядом посмотрел на Вовку. С того уже сошла багровая синева, он стал бело-розовым, словно дорогой зефир. Толстый, блестящий, как целлулоидный пупс, с цыплячьим пухом на абсолютно круглой башечке, он валялся в своей королевской люльке под розовым пологом, драл кверху ноги, пускал пузыри – в общем, проявлял все признаки довольства жизнью. Он оказался лучшим младенцем из всех возможных – плакал, только когда просил есть, много спал, умел себя занять в часы бодрствования. Любил классическую музыку. Такие зрелые вкусы не могли не вызвать моего уважения.

– Значит, это его сын, – прошептал гость, осторожно склонившись над колыбелькой.

Я имела достаточно такта и, главное, ума, чтобы его не разубеждать, сделала соответствующее выражение лица и строго кивнула. Я дала Вовке свою фамилию и абстрактно-русское отчество Александрович. Понимающему достаточно.

– Мы вас не оставим. Я лично буду тебе помогать.

Его интонации были безупречны, его мужественное лицо дышало отвагой и прямоотой. Горькое мое знание, счастливый мой дар! Под чертами честного партийца с простой фамилией Блинов я отчетливо видела хитрую, хищную мордочку маленького зверька. Ласки, например. Низвержение Золотивцева было и в его интересах, он подогрел, довел до кипения и вовремя помешал затеянное мною варево, а теперь продолжал снимать с него сладкие пеночки.

У него был ко мне свой интерес, у меня к нему – свой. Мы вступили во взаимовыгодное сотрудничество.

Нет, я не стала его любовницей. У него водились подружки помоложе и попроще, его слабостью были толстушки-буфетчицы. Он ценил вкус Золотивцева в отношении женщин, но презирал его за отсутствие размаха.

Под его кураторством я стала тем, чем мечтала стать. Хозяйкой салона, законодательницей мод и вкусов. Хранительницей компрометирующих материалов.

В своем возрасте я уже знала, как себя вести. У меня бывали видные чиновники, деятели искусств, министры... И актрисы, певички, балерины, просто красивые, холеные женщины. В моей квартире, которая еще подросла и вверх, и в стороны, проходили пышные обеды, устраивались частные концерты и завязывались любовные интрижки. Алкоголь и близость прекрасных дам развязывали языки, раскрепощали гостей. В «приемные дни» никогда не пустовали гостевые спальни. Их было две, оборудованные в классической манере борделей. Широкие кровати, бархатные шторы, зеркала и фривольные картины... Будь моя воля, я бы устроила это по-другому, но примитивные вкусы гостей диктовали свои правила. Порой приезжали высокие гости из южных республик. Как же, надо увидеть хоть раз в жизни колыбель революции! Колыбель качалась с размахом, гулянки шли по три дня. Заливались шампанским дорогие ковры, обнаженные девы дергались в вакхическом танце, вершились сцены дикого восточного сладострастия. Мне приходилось прикладывать определенные усилия, чтобы гул веселья не выходил за пределы квартиры, и если Блинов урегулировал вопросы с властями, то отношения в собственной маленькой семье мне следовало улаживать самой. Как много могут сделать деньги! К услугам ребенка была чудесная дача и целый штат проверенной прислуги. Он рос, как маленький принц, но заложенный в нем внутренний стержень не позволил ему стать слюнвявым баловнем. Владимир жил под негасимым рентгеновским лучом моего взгляда, малейшее его душевное движение не могло от меня укрыться. Я слышала, как стучит его сердце, как движется его кровь одной со мною группы, знала его мысли раньше, чем он успевал подумать. Великое счастье материнства, всецелой и всемогущей власти над душой и телом рожденного тобой, тебе принадлежащего человека!

Я выбрала для него карьеру офицера – его пребывание в Суворовском, а затем в военном училище было удобно нам обоим. И все было так хорошо... Я не чувствовала угрозы, сын красиво вырос, я красиво старела. Перед его поступлением в военное училище я решила устроить мальчику каникулы. Мы поехали на курорт в Болгарию, и вот там, в другой стране, мне довелось встретить равную себе... Но нет – она была сильнее меня.

В гостинице я познакомилась и подружилась с женщиной, женой крупного московского чиновника. Та обожала Болгарию, отдыхала здесь каждый год – от чего, спрашивается? Ирина, так ее звали, и рассказала мне про слепую провидицу, что предсказывает будущее, знает прошлое, разговаривает с мертвыми, помогает найти потерянные вещи, объясняет замысловатые ходы судьбы... И никогда не берет денег с тех, кто к ней приходит, а ходят к ней многие. Это обстоятельство меня неприятно поразило. Не берет денег? На что же она живет? Живет очень скромно, ответила мне Ирина. Это просто крестьянка, вот как бывают в деревнях. Не зная, верить или не верить, ощущая смятение и

странную дрожь в сердце, я поехала с ней к провидице.

Дом, крытый красной черепицей, в самом деле походил на крестьянский, но был необычайно опрятен. Я ожидала каких-то сложных церемоний – человек любит напустить туману там, где перед ним встает нагое, несомненное чудо. Но нас привели в чистенькую горницу, где в уголке чинно сидела в кресле с высокой спинкой женщина в черном одеянии. Она приветствовала нас кивком, и тут только я увидала, что это старуха. Простая старуха с некрасивым, землистого цвета лицом, крючковатым носом, пустыми бельмами слепых глаз. Разочарование было столь болезненно, что я не сдержала тяжелого вздоха, и старуха услышала его. Конечно, у слепых ведь обостренный слух!

Она засмеялась – молодым, девичьим, детским даже смехом. Словно коротко прозвенел и упал в траву колокольчик. За спиной у меня послышались шорохи, шепотки... Оказалось, у дверей толпится человек десять. Оказалось, Ирина, моя спутница, тоже отошла к дверям, и я стою одна перед слепой старухой. Одна, посреди комнаты, как на ладони у нее, на широкой, шершавой ладони.

– Выйдите все! – приказала старуха.

Топот ног за спиной подтвердил, что приказ ее исполнен. Я не шевельнулась, потому что знала – он ко мне не относится.

– Поди сюда, присядь, – предложила она, указывая на низенькую скамеечку. – Вот, значит, пришлось повидаться. Зачем пожаловала-то?

Удивительно – она ведь не могла говорить по-русски, а я совсем не знала по-болгарски, несмотря на родственность этих языков. Как мы понимаем друг друга?

– Елена, Елена, что же ты сделала со своей жизнью? – продолжала она с материнской грустью. – Что же ты натворила, глупышка?

Я хотела ответить, я хотела встать и уйти, но отчего-то разрыдалась, уткнувшись ей в колени, в теплую шерстяную ткань, пахнущую свежим хлебом и пылью. Я плакала, словно на собственных похоронах, я вспоминала всю свою нелепую, зря проведенную жизнь, я рассказывала ей, этой деревенской бабке, про свое сиротство, про страх перед враждебным миром, про обиды свои! Юность по колено в крови, насилие, любовь и обман Арсения, о котором я думаю все эти годы, которого люблю, как прежде! Долюшка моя, долюшка горькая! Когда ж я тебя до дна выхлебаю, когда сердце мое успокоится?

– Не плачь больше, не надо. – Носовым платком из грубого холста она на ощупь крепко утерла мне глаза и щеки, как маленькой, вытерла нос. – Велики твои грехи, Елена. Но ты отмечена высшей печатью...

Она говорила долго, но я не вслушивалась, боролась с приставшей вдруг икотой. Кажется, она просила меня одуматься, начать новую жизнь, родиться заново... Обычные благоглупости! Но кое-что в ее словах...

– А как увидишь свою внучку, кровь от крови твоей, как и ты, помеченную – откроются для тебя двери царства заветного, и будет там вечная жизнь, вечная молодость, вечная и чистая любовь...

Сомнений не было. Болгарская пророчица обещала мне смерть сразу после появления на свет моей внучки. Я не собираюсь жить вечно, это противно здравому смыслу. Но в моих силах отсрочить собственную кончину, отменив предполагаемое потомство раз и навсегда!

ГЛАВА 7

Мой сын хорош собой, высок, молод. У него пока не было женщины, он застенчив. Но дурное дело нехитрое! Моими врагами стали девушки. Любая из них – худая, полная, красавица, уродина, дура, умница, манерная студентка университета или разбитная колхозная доярка – могла принять семя моего сына и забеременеть моей смертью. Принести мне в раздутом, как глобус, животе мою смерть, и наивно ожидать, что я полюблю ее. Моя власть над сыном велика. Если я потребую, чтобы он никогда не женился, он этого не сделает. Но я ведь не вправе лишать его нормальной жизни, нормальных мужских

удовольствий! Ни одно противозачаточное средство не дает полной гарантии, да и потом, девчонки так хитры, а Володька так простодушен!

– Бабы фантазии, – отрубил Блинов. – Ладно, если тебе так нужно... Кое-что придумаем.

И он придумал, через несколько дней мне сама позвонила на дом женщина-врач. Необыкновенно звонким, серебристым голосом она сообщила, что готова решить мою маленькую проблему.

– Аппендицитом ваш сын не страдает?

– Да, недавно был приступ, – сказала я, понимая, что от меня ждут именно этого ответа.

– Нужно вырезать. Перитонит – неприятная штука. А попутно мы сделаем... В общем, произведем еще одно маленькое вмешательство. Вазэктомия. Зачатие исключается.

– Наверное, сложная операция?

– Нет, что вы! Простая, но дорогостоящая. Это вам обойдется...

Она назвала сумму, понизив голос, – вероятно, эта сумма была для нее запредельной. Но я только улыбнулась. Это цена моей жизни, дурочка с серебряным голосочком! Ездить тебе на «Волге», приобретенной у спекулянта по двойной цене, ведь именно на это ты хотела потратить свой незаконный гонорар? Мне жаль тебя и не жаль денег.

Но сквозь щекочущую радость я ощущала смутное беспокойство. Мы договорились – послезавтра Вовку кладут в больницу, я передаю половину суммы, другая половина – при выписке. Положила трубку, и тут беспокойство переросло в страшную уверенность. Опрометью кинулась я в комнату сына.

Он сидел на кровати и смотрел на меня так, словно видел впервые. Телефонная трубка валялась на тумбочке, издавала тихие гудки. Машинально я взяла ее, теплую, покрутила в пальцах и водрузила на жалобно звякнувшие рычажки.

– Зачем? – спросил меня сын.

Продолжая поглаживать трубку, я объяснила ему все.

– Но объясни, почему ты сразу не рассказала? Не попросила меня? Почему я должен узнавать об этом вот так? И что – ты бы потом мне ничего не сказала?

– А ты бы согласился? Добровольно?

Мне казалось, я загнала его в угол этим вопросом...

– Да, согласился бы. Но сейчас... Сейчас я уже не знаю.

– Что ты хочешь сказать?

Он уходил, ускользал от моей власти, становился чужим с этим своим новым взглядом, с независимыми плечами, с горестной складкой губ! И я взглянула на него, как в детстве, как в юности его смотрела, чтобы добиться послушания. Под алмазным моим, лучевым взглядом он дрогнул. Я усилила напор, он сопротивлялся, но вот плечи дрогнули и опали, глаза наполнились ртутным блеском, разъехались плаксиво губы... Он был подчинен. Я поцеловала его, уложила, подоткнула одеяло... Я принесла сыну липового чая, снова подоткнула одеяло и спела колыбельную песенку. Он снова был моим послушным маленьким мальчиком.

А утром я обнаружила его отсутствие. Раскрытая постель, растерзанный шкаф. Он прихватил с собой все, до чего успел дотянуться. Кое-что из одежды, документы свои, деньги, несколько дорогих безделушек, в том числе Вавино колечко с бриллиантом и ее же солонку! Предполагал ли мой бедный мальчик их продать, чтобы оказаться как можно дальше от меня? Не знаю. Они слишком дорогие, слишком приметные, чтобы от них можно было легко избавиться. Я найду его быстрее, чем он успеет выговорить слово «комиссионка».

Все оказалось не так-то уж и легко. Я запускала свою перламутровую паутинку в разные города, пыталась даже подключить родную милицию. Говорю «пыталась», потому что эта затея с самого начала вызывала у меня сомнения. И точно – в милиции объяснили, что взрослый сын имеет право жить отдельно от матери, что он, конечно, даст о себе знать через некоторое время. Наконец я смирилась. Блюстители закона правы. Если уж он

вылупился из бронированной скорлупы родного дома, ушел с линии огня моего взгляда... Уже ничего не вернуть. Я оставила поиски. Пусть процветает в столицах, пусть прозябает в дальней дыре, пусть загнивает в капиталистических кущах. Пусть женится, пусть размножается, если хватит храбрости! Но пусть помнит меня, пусть помнит и просьбы мои, и приказы, милости и возмездия мои!

Я подхожу к последней части своего повествования. Я затеяла эти мемуары для себя, для собственного удовольствия и времяпрепровождения. Сейчас ведь все что-то пишут. Скучающие жены богатых мужей раздражаются сентиментальными романами, скандальные журналистки издают детективы, дочери известных отцов презентуют мемуары. Мне предлагали накропать воспоминания о Дандане, я отказалась под предлогом старости и маразма.

Не претендуя на лавры, я засела писать историю собственной жизни. Мне нравится ноутбук с надкушенным яблочком на серебряной крышке, нравится мягкий стук клавиш, собственный изящный кабинет. Я работаю до обеда, и никто не смеет меня беспокоить, телефоны отключены, домработница на цыпочках шустрит по дому. Давеча вот приезжал журналист, попал не вовремя. Час дожидался в холле. Дело было на даче, и сам парнишка был из какого-то интерьерно-садового издания. «Ваш дом и сад», что-то в этом роде. Сад у меня в самом деле дивный для холодного северного края. Фотограф сделал несколько снимков, но я забраковала все, кроме одного, – там я видна издалека, читатели журнала смогут оценить мою фигуру. А вот ближние планы не удались. О, я слежу за собой, трачу много денег, подтяжку мне делал сам Клод Лассус! Целого состояния стоило только побывать в офисе прославленного хирурга. ОТЕЛЬ «Негреско», Лазурный Берег, некрасивый лысый человек, одетый в шмотки от Гуччи... Но сквозь релакс-мьюзик я все равно слышала шаги подступающей старости. Старость крадется по тропинкам морщин. Угловатыми становятся скулы, западают глаза, жалобно пересыхает шея, вместо суставов – корявые узлы. Как болят они по ночам, как горек вкус маленькой розовой таблетки, дающей, кроме спокойного сна, еще и утреннюю расслабленность, безволие!

Я дала журналисту снимок времен моей юности. Намекнула, кстати, что сейчас работаю над книгой о своей жизни. Надеюсь, он вставит это в статью. А пока свежий номер журнала, горячая булочка для моего самолюбия, печется на журналистской кухне, прокачусь-ка я в Англию! СПА⁹ замечательно на меня действует.

ОТЕЛЬ The Berkeley расположен в самом престижном районе Лондона. Там вечно крутятся какие-то кинозвездочки обоих полов. В прошлый раз какой-то курносый парнишка с внешностью деревенского гармониста целовал мне руку и называл «великой русской княгиней». Потом мне сказали, что он знаменитый актер, от которого плачут и падают в обморок девочки на обоих полушариях. Дома я нашла и посмотрела пару фильмов с его участием: в одном он играл бедного романтического художника, в другом – ловкача-авантюриста. Последний мне понравился больше, но актер был, как я и ожидала, из рук вон плох. Теперь его что-то не было видно, наверное, снимался в новом блокбастере. Не знаю, что это слово означает.

Зато расхаживала чернокожая манекенщица, выбившая в тираж лет пять назад, изящная, как пантера, и такая же свирепая. Та еще компания!

Балинезийский массаж, аквамассаж, массаж горячими камнями, обертывания из пряностей, цветов и трав, из драгоценного какао-масла, ароматерапия, вдумчивые беседы с остеопатом... И постоянные звоночки тревоги. И впервые за много лет – настоящее видение, несомненное, буквальное. Заснув во время сладостного массажа, я получила откровение, я поняла ту единственную, золотую, сияющую истину!

Да, моя внучка появилась на свет. Она живет в Петербурге. Она должна быть отмечена

⁹ СПА (Spa –англ.) – изначально курорт с минеральными водами, в современном значении – комплекс оздоровительных косметологических услуг.

тем же родимым пятном, что и я. Впрочем, не исключено, что она выжгла его с помощью врачей. Относилась к нему без трепета. Отмечена ли она и по-другому, есть ли у нее дар предвидения? Этого я не знаю, но могу узнать.

Разумеется, я не могла пустить дело на самотек. Пусть наши жизни протекают по разным руслам, пусть я могу даже навеки остаться здесь, в этом рае земных удовольствий, но кто гарантирует мне покой и безопасность? Проезжая по улице в автомобиле, я могу встретиться глазами со смиренной пешеходкой и потерять власть над тормозами. Девчонка устроится горничной в этот отель – и однажды принесет в номер континентальный завтрак, который намертво забьет мне горло. Она однажды случайно попадет в выпуск новостей и заглянет с экрана мне в глаза, и я не успею отвести взор...

Ее нужно убить. Ясная, холодная, страшная в своей откровенности мысль. Но я действую в пределах самообороны. Она может принести смерть мне, а моя жизнь, безусловно, более дорога, чем ее инстинктивное существование. Но сначала ее нужно найти, с этой задачей справится моя агентурная сеть.

Если у вас сложилось мнение, что всю жизнь я только тем и занималась, что собирала золотые безделки, ухаживала за собой да предавалась разврату разных видов, то вы ошибаетесь. О да, коллекционирование – мое основное увлечение. За собранием ювелирных миниатюр, некогда доставшихся мне в наследство, идет настоящая борьба среди музеев. Я покупаю, продаю, меняю, посещаю известные аукционы. Вы наверняка обо мне слышали, если только интересуетесь этой стороной жизни...

Но пусть «левая рука не знает, что делает правая»! Я не чужда благотворительности. Я отпускала щедрые суммы на детские дома. Я посещала их, чтобы убедиться, что мои деньги не все рассосались по карманам. Я высматривала детей – самых умных, самых симпатичных – и начинала покровительствовать им лично. Я подчиняла их себе, подцепляла на крючок денег, власти, любви. Так что теперь к моим услугам маленькая армия асасинов – девять человек, разбросанных по разным городам, доведенных мною до определенного положения в обществе, образованных, успешных. Двое в Петербурге. Один из них подходит мне, один из них на многое пойдет ради меня. Это последний выкормыш моей благотворительности, несколько лет назад на мои деньги ему была сделана сложная, дорогая операция. Мальчик прозрел, я получила верного слугу, который, однако, не оправдал моих надежд. Мне виделась в нем любовь к тайне, нежность к злу, внимание к темным сторонам человеческой жизни. Но он пополнил армию слюнтявых человеколюбцев. Что ж, я всегда смогу сыграть на этой струне.

Я позвонила ему, когда в России занималось утро, но он откликнулся бодрым, неспящим голосом, ранняя моя пташка!

– Мне было видение, милый. Ты слышишь меня?

– Да, Елена Николаевна, конечно.

– Лечу из Лондона. Не мог бы ты меня встретить в аэропорту?

– Конечно...

Перелет отнял у меня много сил, в пути меня мучили жуткие кошмары, но все страхи развеялись, когда я увидела его среди толпы. Такой подтянутый, уверенный, ясный и мрачный одновременно! Он сделает все, о чем я его попрошу. Жаль, что потом нам придется проститься. Для бедной девочки у меня заготовлена ловушка, в которой она останется навсегда, где никто не найдет, где никто не будет искать ее тело. Но и ему придется последовать за ней туда. Я умею хранить секреты.

Я пишу это наспех. Я очень устала после перелета, а мне еще нужно сделать кое-какие неотложные дела. Но мучительно болит голова, но я забываю обычные слова, но беспокойство точит мою душу. Он приведет ее сегодня, и тогда...

ТЬМАТЬМАТЬМАТЬМАТЬМАТЬМАТЬМАТЬМА-ТЬМАТЬМАТЬМА

Часть вторая

ВАЛЕРИЯ

ГЛАВА 1

«Прохлада и тишина. Тишина и прохлада. Вот все, что я чувствую сейчас. Нет боли. Нет страха. Жгучая, едкая, как желчь, обида ушла из души. Я не вижу и не слышу, я не могу пошевелиться. Где мои руки, умевшие жарко обнимать? Ноги, легко бегавшие на свидания? Глаза, алчные до всего красивого? Слух, склоняющийся к лести? Голос, привыкший петь и шептать нежные глупости? Где я? Мне осталась только мысль – огненная искорка в прохладной серой пустоте. Что, если я умерла? Что, если это и есть смерть – безволие, бездействие, полное и окончательное «без», когда остается только живое сознание? Тогда это ужасно...»

Девушка застонала, заворочалась, и сразу двое поспешили к ней. Две женщины в белых халатах, примерно одного возраста, но различные во всем. Одна, худая, смуглая, с египетской челкой и небрежно скрученными на затылке темными волосами, смотрела на девушку глазами, полными слез. Вторая, усталая, с пережженными допотопной химической завивкой кудряшками, с натруженными руками и лицом, на котором пролегли уже «складки горя» – глубокие борозды от носа к углам рта, – смотрела профессионально: с равнодушным сочувствием.

– Да вы садьте. Это она в забытии. Теперь уж все хорошо будет, доктор Анатолев так сказал, а он знает. Садитесь. Как вас по имени-отчеству?

– Марина меня зовут, – сглотнув комок в горле, ответила «египтянка».

– Так и прикажете называть? А я Нина. Вот и хорошо, вот и познакомились. Накапать валерьянки?

– Нет. Да. Пожалуйста, накапайте.

Тихо звякнули пузырьки.

– И запейте, Мариночка. Вот так. Не нужно так переживать. Нужно молиться. Вы верующая?

Марина искоса взглянула на собеседницу и вдруг невесело рассмеялась, показав мелкие зубы и бледные десны.

– Отвлечь меня пытаетесь? Зачем, Нина?

– Затем, чтобы вы своим мандражом девочку не нервировали. Думаете, она этого не чувствует? Чувствует и беспокоится. А беспокойство ей сейчас может только повредить...

– Я не знаю... Не могу вам точно сказать. Пошатнулась моя вера.

– Вот это жаль, – спокойно ответила Нина.

– Глядя на вас – да, об этом можно пожалеть.

– На меня? Отчего же?

– Вы такая спокойная, уверенная... А ведь у вас нелегкая работа и в жизни, наверное, было много испытаний...

– Работа как работа. Уверенность... Испытания как раз и дают нам уверенность. То, что нас не убивает, делает нас сильнее, слышали такие слова? Не знаю, кто сказал, но умный был человек. Спокойствия же во мне ни на грош нет, все жилочки так и трясутся. Ваша девочка в безопасности, выздоровеет она, все у нее в жизни сладится. И шрамы заживут, и ребеночка еще родит... А вот у меня сын пьет – горе так горе!

– Это... Действительно... – пробормотала Марина, придвигаясь поближе к собеседнице.

– Свадьба у него расстроилась с одной девушкой. Год назад тому было, он уж и кольца купил, и к свадьбе все...

А она другого нашла. Красавица была, врать не буду, хоть и сломала нам жизнь. Ухватился он только за голову и сказал: «Мама-мама, как я жить-то буду?» – «Ничего, – говорю, – сына, проживем, еще не такая у тебя будет». В тот день он впервые и напился – вино-то для свадьбы куплено было! Да так с той поры и не просох. Пошел каждый день

зашибать. Другие как-то не так пьют!

– А отец его? Тоже пил?

– Нет, Витенька не пил, капли в рот не брал. Его, Витеньку, на заводе трубой убило, оболтус-то мой пенсию за него до сих пор получал. Сама не знаю, откуда в нем такое пристрастие. За год и ум, и силу, и здоровье пропил. Лечила его, по всем врачам таскала, даже бабушку нашла! Они в один голос: «Не хочет ваш сын лечиться, не хочет бросить пить! А надо, чтоб хотел!» Вот так и мыкаемся с ним. Последнее время вроде получше стал. Даже работу нашел – сторожит чего-то по ночам, через двое суток на третьи. Сейчас уж, наверное, пришел, спать завалился...

– Может, наладится.

– Дай-то Бог!

Девушка на кровати снова зашевелилась, плечи ее свела болезненная судорога, покачнувшись и стала крениться капельница рядом с кроватью. Медсестра Нина кинулась к больной, ухватила прозрачную трубочку системы – и застыла, встретившись с больной глазами. Да, глаза ее были открыты. Там, на дне расширенных зрачков, она увидела свое отражение, далекую маленькую Нину, парящую, кажется, в невесомости, в гулком вакууме, в безжизненном и равнодушном космосе...

– Позвоните домой, – сказала девушка ровно-отстраненным, слишком громким голосом, как, бывает, говорят спящие. – Ваш сын включил газ и лег спать. Он может погибнуть. Звоните, чего вы ждете?

Космические глаза закрылись, и наступила тишина. Не гудела между рамами обалдевшая от тепла весенняя муха, не переговаривались санитарки в коридоре, не чирикали воробьи во дворе. Тихо стало, как бывает в мире перед войной, перед поветрием моровым, перед большой бедой. И только ровное, спящее дыхание забинтованной девушки слышалось в палате. Женщины переглянулись.

– Я оставляю вас на минутку, – смятенно пробормотала Нина. – Мне и вправду нужно позвонить. У нас нет телефона, но я соседям... У них, то есть у нее, у соседки, и ключи от квартиры. Пойдет, посмотрит... – Последние слова она шептала уже на бегу.

Гудки, гудки... Иногда случается, что говорящие начинают или заканчивают разговор именно с ними, короткими, длинными, непрерывными. Они хорошо умеют слушать, а порой и сообщают что-то важное, не случайно же их тональность меняется в зависимости от звонка: кому посылаешь связующий сигнал, зачем. Вот и Нина Петровна теперь готова была кричать протяжному «ту-у, ту-у, ту-у» о бедовом своем сыне, спрашивать о нем снова и снова: неужели правда?

– Да. – Обычное «да» на том конце провода. Как ответ, как неумолимое утверждение, как приговор.

– Надь, это я. Ты вот что, глянь, ради бога, что там мой Сережа... Я, кажется, газ оставила включенным, а Сергей, он мог заснуть или не заметить... Пожалуйста, посмотри... Ключи-то у тебя?.. Хорошо, ладно, через три минуты... да, перезвоню.

Марина не плакала больше. Она испуганно касалась бинтов, скрывающих тело девушки, и отдергивала пальцы, словно бинты были раскаленными. «Хорошо, наверное, что ты заговорила, Лерочка. Но почему так неожиданно и таким странным голосом? Точно это и не ты сказала... Конечно, реакции могут быть самые непредсказуемые, но все должно обойтись. Вот и доктор этот, Афанасьев, что ли, нет, Анатолев, нас обнадеживает. Удар, говорят, был страшной силы... Чудом осталась жива... Лерочка, бедненькая! Что я матери-то твоей скажу, ежели что? А денек-то какой! Я чувствую, что ты меня слышишь. Самое время очнуться тебе! Дай мне только знать, и я...» В это мгновение в палату вихрем внеслась медсестра Нина. Она бросила полубезумный взгляд на больную, потом попыталась что-то сказать Марине:

– Она, она... Правда включил.

– Кого, кто включил? – Марина не сразу сообразила, в чем дело. – Что с вами, Нина?

И всего-то ее не было несколько минут, или часов, или июньских пасмурных дней, но

она вернулась другим человеком. Ее лицо уже не было лицом спокойной, усталой женщины, в нем не осталось ни капли равнодушного участия, фирменного выражения бывалой медицинской сестры. Что-то в нем дрожало, вибрировали неведомые жилки, под тонкой, бледной кожей переливались темно-розовые пятна, а бледные губы шептали:

– Что же это, Господи... Что же это... Он заснул, поставил чайник и заснул. Надя, соседка, входит, а он спит, храпит на всю квартиру, а чайник на плите выкипел и газ вовсю сифонит. Ах ты, Господи, у меня и окна-то с зимы заклеенные, газом пахнет, аж глаза дерет... Откуда же она знала? Откуда она знала?

Откуда она знала, эта девочка? Она, которая не знала даже тех элементарных вещей, какие стоит знать девице, перешагнувшей порог двадцатилетия? В частности, она, казалось, не знала, что от любви мужчины и женщины могут появиться дети. Не знала, что мужчины порой воспринимают неожиданное отцовство без восторга. Не знала, что терпение, дипломатичность и аккуратная лесть – главное оружие женщины в борьбе за светлое будущее.

На решающее свидание она шла спокойно. Это было блаженное спокойствие неведения. С Максом она встречалась уже год, он работал продавцом-консультантом в магазине компьютерной техники, был в меру хорош собой, не глуп, временами очень ласков. Лера уже познакомилась с его родителями, правда, дело обошлось одним-единственным визитом, и мать Макса, дама в шелковом халате, расписанном черными камышами и желтыми тиграми, рассматривала ее, как особо крупного таракана. Не особо гладко прошло, но все же определенный этап в отношениях!

Свидания с Максом проходили по более или менее одинаковому графику: развлечения (кино, боулинг, танцы в клубе), ужин, уютненькая квартира Макса и любовь. Позволенная («нам по двадцать, мы взрослые, самостоятельные люди»), одобряемая («у меня целый год постоянный партнер»), гигиеничная («давай зайдем в аптеку, у меня кончились эти штучки»). Подруги Леры (и друзья Макса) только дивились этому прочному союзу, никто из них не встречался с кем-то целый год. Они, наверное, поженились, ведь так? Не сразу, никто не женится так рано. Потом, попозже. А мы на свадьбе гульнем!

Вот один из друзей Макса и пригласил будущих молодоженов к себе на дачу, имея при этом весьма невинную цель – отметить майские праздники со своей новой подружкой, но не торчать с ней круглые сутки наедине. Получилось все как нельзя лучше. Май выдался очень теплым и тихим. Остановились ветра, пьяняще сгустились цвета и запахи. Над яростной зеленью осокорей и разноталов дымились рои мошки, повторяя очертания ветвей и крон. По ночам в душных объятиях сирени захлебывались соловьи, им подтягивали вечные их музыкальные сопроводители лягушки с какого-нибудь там ближайшего пруда, ритмично скрипели узкие кровати с пружинными сетками. А днем была баня и шашлыки, песни и танцы, и выпито было немало вкусного, кисловато-терпкого вина. Ну, и они с Максом забылись. Потеряли бдительность. Расслабились. Утром еще было не поздно принять кой-какие меры, но праздники-то продолжаются, неловко ломать компанию, скучно тащиться в переполненной электричке в Питер, «в лом» искать аптеку.

– А, пронесет! – сказала Лера самой себе, а Макс и не проявлял особого беспокойства, словно наверняка знал, что пронесет.

Не пронесло. В начале июня легкая тревога и тошнота заставили Леру купить тест. Очень смешная штука, узкая полоска картона. И вот от этой полосочки зависит вся дальнейшая Лерина жизнь? Это от нее зависит, будет девочка и дальше встречаться с мальчиком, целоваться с ним в кино и прыгать в клубах ночи напролет, или эти девочка и мальчик станут молодыми мамой и папой, о клубах и кинопремьерах придется забыть и проводить ночи в бдениях у детской кроватки?

После всех необходимых манипуляций полоска неумолимо указала на второй вариант развития событий. Итак, свершилось. Эх-х, вы, залетные!

Мысль избавиться от ребенка Лере в голову не приходила. Времена сексуальной революции, а с ней душераздирающих беременностей и надрывных абортотворений, так она

думала. У нее будет ребенок от серьезного, самостоятельного человека, с которым ее связывают долгие, искренние отношения. Почему бы малышу не появиться на свет при полном комплекте любящих родителей, к тому же расписанных в установленном порядке? Конечно, они с Максом пока не обсуждали перспективы выслушать вдвоем шедевр композитора Мендельсона. Но...

Тут мысль обрывалась. Обрывалась и запускалась снова, нудела одну и ту же несложную шарманочную мелодийку. Хорошо, что сегодня не ее смена работать... Что б она наработала, что бы нажужжала в эфир «дорогим радиослушателям» их любимый диджей Лера Нова, в миру – Валерия Новицкая? Охо-хо, грехи наши тяжкие!

Она встряхнулась только около полудня, встала с дивана, позвонила Максy и назначила свидание. Тот радостно согласился, предложил посидеть где-нибудь в кафе, потом поехать к нему смотреть новые фильмы. Пока Макс со знанием дела перечислял произведения киноиндустрии, Лера тихонько усмехалась. Ей-то было понятно, что после разговора в кафе никакого просмотра не будет. Это каким же киноманом надо быть, чтобы не начать обсуждать совместное светлое будущее, а упереться в экран? Ее Макс не таков, он человек серьезный, основательный, захочет рассмотреть все детали – от свадебного путешествия до, быть может, рождения второго, запланированного ребенка. Жилплощадь им позволяет... Разговор затянется за полночь, легкий ветерок будет колыхать занавески и пламя свечи, темное вино в бокалах... Ах нет, у Леры свежесжатый сок. Макс держит в объятиях не просто возлюбленную, но мать своего будущего ребенка...

Красота. К такой идиллии надо основательно подготовиться. Угнездившаяся в ее теле новая жизнь уже диктовала свои правила – так, например, Леру перестали слушаться волосы. Тщательно уложенные феном пряди через три минуты теряли свой блеск и уныло повисали. Что-то неладное происходило и с макияжем. Например, тушь совершенно не держалось на ресницах, осыпалась вниз, придавая Лере сходство с пандой. С неухоженной и неряшливой пандой. Все эти детали следовало учесть и выглядеть на все сто... Нет, на сто пятьдесят!

В груди у нее словно кто-то жонглировал мячиками, сердце дрожало, то подкатывало к горлу, то прихватывало желудок. Охо-хо, глупость девичья! Уверена ведь была в благополучном исходе, так что ж еще? Тщательно выбрала одежду – открытый топ, белую юбку, бинтовала атласными ленточками босоножек стройные щиколотки. Мама говорила: у нее, когда носила Леру, так опухали ноги, что голенища сапог пришлось разрезать и подвязывать веревочками... «Неужели и у меня так будет? Не дай Боже!» Блеск на губы, каплю духов от японского волшебника Мияки – Макс подарил! Все, пора.

Она вышла из дому слишком рано и тут же пожурила себя за это. Приходить на место встречи первой – фи! Ничего, погуляет часок, заглянет в пару магазинов. Погода, надо сказать, к прогулкам располагала мало, ватное одеяло духоты накрыло город на Неве с раннего утра. Осталось положиться на кондиционированную прохладу магазинчиков, тем более что Лера наметила себе цель. По дороге попадет лавка со всякими оккультными заморочками, а Макс, как известно, от них без ума. Ароматические свечи, статуэтки пузатенького Будды, замысловатые обереги, звенящие трубочки и прочий колониальный хлам. Лера купит для него там подарок. Это будет изящный жест.

В магазине с глубокомысленным названием «Знание» кондиционера не было. Там царил полумрак, вдоль полок двигались бесплотные тени завсегдатаев. Молодые люди – лысые или с длинными волосами, экзальтированные пожилые леди, неухоженные бледные девицы. Многие задевали головой подвешенные к потолку ветерки, и тогда те жалобно звенели. От духоты Лере подурнело, она уже с трудом соображала и думала только о том, что с таким старанием уложенные пряди сейчас намокнут, прилипнут к черепу, вот будет красота! Впрочем, макияж тоже долго не продержится, надо срочно выбирать что-то и уматывать!

– Что-то определенное ищите?

Человек, задавший этот вопрос, обращался именно к Лере и, судя по наличию беджа, принадлежал к числу здешних служащих. Их так и хотелось называть – служащими, а не

продавцами. Продавцы работают в бутиках и гастрономах, а персонал магазинчиков типа «Знания» явно полагал себя жрецами какого-то древнего и могучего культа. Лера много повидала таких местечек, Макс таскал ее то в поисках тапочек из каннабиса, то за особым чаем... Приказчики «Знаний» имели одинаковый таинственный свет в глазах, были одинаково причудливо одеты и утыканы побрякушками, одинаково не говорили, а вещали. Этот был не таков, и речью, и лицом производил впечатление абсолютно вменяемого человека. Может, самые неадекватные из них именно так и выглядят?

– Я ищу подарок, – доходчиво пояснила Лера.

– Оригинальный? Необычный?

Дурацкий все же вопрос. Интересно, что считается «необычным» в магазинчике такого типа?

– Именно...

– У меня есть то, что вы ищете, – скромно заверил ее продавец. – Вот! – И вынул из-за спины предмет непонятного назначения.

При ближайшем рассмотрении предмет оказался высушенной тыквой-горлянкой размером с небольшой кабачок. По темной поверхности шли терракотовые узоры, кельтский какой-то орнамент. Довольно красивый.

– Что это? – поинтересовалась Лера. – Тыква?

– Старинный ирландский инструмент! – не обидевшись, сообщил продавец. – Посох дождя!

Он с особым каким-то вывертом кисти потряс тыкву. Она была, как и следовало ожидать, полый, и находившиеся в ней семена, или что там еще, посыпались с легким шорохом, действительно напоминающим шорох дождя. Встряхнул посильней – и дождь превратился в ливень, и послышались далекие раскаты грома. Лера даже головой завертела. Неужели там, за затененными окнами, собралась гроза?

– Использовался для вызывания дождя и как музыкальный инструмент, – пояснил продавец. – Ну как?

– В Ирландии, по-моему, и так все время дожди, – сказала Лера.

– Вот! Значит, помогает! – приободрился продавец.

– Я его возьму.

– Проходите в кассу!

Обрадованный продавец, потрясая посохом, понесся к началу зала, а Лера потащилась за ним, соображая, что дождя нынче не миновать. У кассы она пришла в себя – высушенная тыква стоила столько, что в старину обошлась бы ирландской деревне в годовой урожай картофеля. Но отступать было поздно. Пожилая кассирша (в павлово-посадском платке на плечах, и это в такую-то духотищу!) пробила чек, продавец зачем-то начал устраивать посох дождя в оберточную бумагу. В бумаге древний инструмент лежать не хотел, выкатывался. Лера от нечего делать глазела по сторонам и снова обратила внимание на бедж, припиленный к тощей груди продавца.

«Ангел» – было на нем написано. Вот так, просто. На груди у павлово-посадской кассирши тоже был бедж, прямо на платке. Но там было написано не «суккуб» или там «гарпия», а просто «Ксения».

– Это меня так зовут, – любезно просветил ее продавец, уже справившийся с посохом. – Ангел. Отец родом из Болгарии. По-моему, меня ради имени сюда и взяли. Разве я похож на ангела?

Нет, он не был похож. Худой, носатый. Черные вьющиеся волосы стрижены коротко, виски уже поредели. На цыганского барона похож, это да.

– Не знаю, я их никогда не видела, – призналась Лера, запихивая посох дождя в сумочку. – До свидания.

– Приходите к нам еще.

Она вышла на раскаленную, тяжело дышащую улицу, осилила пару шагов и зачем-то оглянулась. Сквозь затененное стекло Лера отчетливо увидела лица Ангела и Ксении.

Приклеившись к окну, они глазели прямо на нее, и лица у них были внимательно-напряженные.

Как будто она шла по тонкому канату, а внизу зияла пропасть.

ГЛАВА 2

– Это не входило в мои планы.

– И в мои тоже, – охотно согласилась Лера.

Макс занял «их» столик – у самого окна, народу в кафе было пока немного, звучала неназойливая музыка, йогурто-вый десерт был вкусным, сок холодным, что еще для счастья надо? А надо, чтобы любимый человек не делал таких удивленных глаз и не пускался в рассуждения о том, что, дескать, «я еще юнец, мальчик, ребенок, мне своего заводить неохота». Кофейную чашечку он держал, оттопырив мизинец, покачивал ногой в остроносом ботинке, смотрел не на Валерию, а в окно.

– И в мои планы не входило, – повторила Лера. – Мне карьеру надо делать. Знаешь, я еще хотела заняться музыкой. Ты, может, скажешь, что это глупо, но помнишь, я...

– Вот и хорошо, значит, мы обо всем договорились. Сейчас дождь кончится, дойдем до банкомата...

– Дождь?

Действительно, начался дождь, по чистому стеклу струились потоки воды, на улице кто-то взвизгивал и раскатисто хохотал. Маленький зал кафе стал наполняться промокшими посетителями и, казалось, расширился от взволнованных речей и запаха озона.

– Да, дождь. Надо же, действует.

– Что действует? – поинтересовался Макс, а ответа не услышал.

Напротив, Лера сама задала ему вопрос:

– А зачем к банкомату?

– Ну-у, я так понял, тебе деньги нужны. На это... Ты понимаешь.

Лера потрясла головой. Перед глазами стало темновато, и тихий отзвук падающих капель больно отдавался в черепной коробке.

– На что – на это? Макс... Ты не собираешься на мне жениться?

Макс только головой pokrutil.

– Лер, ты чего? Я слышал, что от этого женщины глупеют, но не так же сразу! Мы с тобой говорили о браке?

– Не помню...

– Я помню. Не говорили. Пойми, ведь в нашем возрасте глупо что-то решать насовсем. Если б у нас с тобой получилось дальше, поженились бы. Нет так нет – разбежались. Но жениться сейчас, и сразу ребенка? Лерчик, ты же разумная девушка! Хочешь, чтоб я себя заживо похоронил? Да вспомни, мы с тобой путешествовать мечтали, автостопом! Как раз летом собирались, ну?

– Ну, ну. Не нукай, не запряг, – неожиданно для себя сказала Валерия. – Значит, жениться ты не собираешься.

– Не собирался. Но теперь, конечно, другое дело. Если ты хочешь этого – выходи за меня замуж. Только ребенок нам пока не нужен.

Лера засмеялась – сухо, принужденно:

– Какой тогда смысл?

– То есть как? Ты... Ты что, не любишь меня?

Она помотала головой – нет. И покачала ею – да. Она не знала, как ответить на этот вопрос. Ее полудетская, полуженская душа оказалась ввергнута в темную бездну вечного инстинкта. Сохранить потомство, спрятавшись от самца. От своего самца, который тем не менее может убить ребенка.

– Теперь уже не знаю...

– Вот только не надо! Не надо устраивать эту старую, как мир, драму! Москва слезам

не верит, блин! Я сволочь, а она ангел во плоти! Я в дерьме, она в белом платье! Я...

Под это перечисление Лера встала, нашарила на соседнем стуле свою сумку и направилась к выходу.

– Да погоди ты! Тебе деньги нужны, нет? Хоть подожди, когда дождь кончится!

Она уходит, уходит невозвратно. «Лера, Валерия, что ж ты такая дурочка? Зачем тебе понадобилось это скопище клеток, этот крошечный зародыш, эта нелепая случайность? Зачем ты хочешь похоронить все наши мечты под комодообразным животом, потом под грудой использованных памперсов? Тебе это надо? А как же море, как же дальние страны, прыжки с парашютом и горные лыжи? Ты хотела петь, хотела снять свой клип – дурацкая затея, но такая забавная... Ну что ж, хороша ты была, моя Лера – тонкая, глазастая, веселая и задумчивая одновременно... Загорелые ножки ступают твердо, худенькая спина с острыми крылышками лопаток выражает независимость... Уходишь? Прощай».

От Макса не укрылось, что Лера замедлила шаг.

– Остынешь, возвращайся, возьми денег. Ты же не собираешься?.. Это глупо! – крикнул он ей в спину с независимо приподнятыми крылышками лопаток.

На улице Лера все же разревелась. Хорошо плакать, когда дождь! Соленая вода мешается с пресной. Конечно, Макс прав. Она жалкая трусиха. Она ни за что не решится оставить маленького. В двадцать лет, без мужа, не сделав карьеры... С другой стороны, она тоже не сиротка Марыся. У нее есть мама! Правда, она живет далеко, но деньги присылает исправно. Есть верная наперсница, соседка Марина. Она кинется на помощь – всегда. Есть малопригодное музыкальное образование, есть квартира, есть работа...

Лера вновь замедлила шаг перед светофором и только тогда ощутила, что промерзла до костей, что неожиданно холодный дождь продолжает струиться по телу. Ничего, сейчас в метро, потом домой, в теплую ванну, выпить чаю...

Это было последней мыслью. А последнее, что видела Лера, падая на мокрый асфальт, скручиваясь в комок от невыносимой боли, опалившей словно все нервы разом, – красно-синюю вспышку. Совсем близко, у правого виска.

– Кардиограмма нормальная, ожоги незначительные. Вот эти древовидные красные линии, так называемые «фигуры молнии» произошли от мелких кровоизлияний поверхностных сосудов кожи. Они пройдут. Впрочем... Быть может, вам стоит допросить вашего лечащего врача? Я, видите ли, психиатр, и могу быть не вполне компетентен.

Срывающийся голос Марины:

– Мне кажется, от меня многое скрывают. Вы, наверное, не можете лгать, у вас глаза ясные...

– Увы, прекрасно могу. Извините, мне нужно побеседовать с Валерией. Вы позволите?

– Да-да, конечно.

Марина на цыпочках вышла из палаты и прикрыла дверь. Лера сразу же открыла глаза. Так вот вы какие, психиатры! А ничего, симпатяга. Сколько же ему лет? Полтинник, не больше. Темно-русые волосы хорошо подстрижены, в них заметна седина, но улыбка молодая. Глаза не то синие, не то голубые и очень ясные, это Марина верно заметила. Сам коренастый, невысокий, курносый. Чуть-чуть похож на актера Галкина, который в нежном детстве Гекльберри Финна играл, а теперь дальнбойщик и в рекламе снимается.

– Вот и наша спящая красавица проснулась, даже целовать не пришлось! – превозгласил он так, словно Лери-но пробуждение было для него невесть каким счастьем.

– А собирались? Целовать-то?

– Конечно! Незнакомые люди не целуются, так что меня зовут Олег Петрович. Твое имя я знаю. Только сначала, как положено, поговорим по душам.

– Психиатры всем предлагают поговорить по душам, – неловко сострила Лера.

– А ты, оказывается, давно не спишь. Кстати, что, есть опыт общения с психиатрами?

– Нет.

– Отлично, я на новенького. Валерия, у нас тут такое дело. Ты помнишь, как пришла в

себя и тут с твоей мамой была такая женщина, медсестра, Нина Петровна?

– Медсестра...

Лера наморщила лоб. Что-то брезжило, связанное с медсестрой, что-то неприятное и беспокойное...

– Да, помню. Они говорили с Мариной, потом она ушла куда-то звонить, а когда вернулась, сказала, что ее сын едва не погиб, потому что поставил чайник и лег спать, а вода залила огонь. Она плакала.

Олег Петрович слушал внимательно, кивал, но глядел куда-то в сторону, словно намеренно избегая Лериного взгляда.

– Ты зовешь маму по имени?

– Марина мне не мама. Моя мама живет за границей. Но она очень близкий для меня человек.

– Ясно. Вернемся...

– Да. Этот разговор был, кажется, вчера.

– Позавчера, Лерочка. Не важно. Вам дают сейчас такие лекарства, что вы могли и пропустить сутки-другие. Но дело в том, что вы не хотели просыпаться. Не хотели просыпаться, когда я к вам подошел. Ведь так?

Лера пожала плечами. Быть может, психиатр Олег Петрович и прав. Она побывала в серой пустоте, в нежной прохладе, что ей делать в этом мире? Насколько слаще было бы все время спать... спать... спать...

– Валерия, не засыпайте, нам еще целоваться!

– Ой, извините. Я нечаянно.

– Скажите мне, Лерочка... Вы переживаете из-за ребенка? Ребенка, которого вы потеряли?

Вопрос насторожил Леру. Психиатры, на ее взгляд, не должны были задавать таких человеческих вопросов, а в беседе с пациентами орудовать исключительно разноцветными тестами Люшера.

– Нет, – сказала она искренне. – Я не переживаю. Я не знала толком, хочу ли стать мамой, готова ли к этому. Ужасно звучит, понимаю.

– Не нужно оправдываться, ничего тут ужасного нет. Это ваша жизнь и ваше право.

– А в чем дело-то? – наконец поинтересовалась Лера. – Я что, непременно должна спятить в результате удара молнией? Я помню, как меня зовут, кто наш президент и какой сейчас год, и я не выучила четырнадцати языков, насколько могу судить!

Он только кивнул. Их взгляды встретились. Синие-синие были его глаза, и на дне их жил прозрачный, голубой свет, плескался, воронкой затягивал. Во рту у Леры вдруг стало сухо и горячо, словно ваты туда понапихали, веки резануло болью... Она ахнула и зажмурилась.

– Что?

– Ничего.

– Валерия... Вы же что-то увидели сейчас, да?

– Не увидела, нет. Это не зрение.

– То есть не зрительный образ?

– Да. Не зрительный. Просто я кое-что сейчас знаю.

– Обо мне?

– Да. Не смотрите мне в глаза, хорошо?

– Не буду.

Лера открыла глаза – Олег Петрович сидел на краю кровати, смотрел куда-то в угол.

– Что вы узнали?

– Я не сумасшедшая.

– Догадываюсь. Так что?

– У вас ведь неприятности, да?

– Есть немного, Лерочка.

- Вам нужно обратиться к адвокату Хотулину. Знаете такого?
- Кто ж его не знает. Он в некотором роде знаменитость. Слышали о нем раньше?
- Не помню. Как-то не интересовалась.
- Ну и?..
- Он выиграл ваш процесс. Стопудово.

Олег Петрович хмыкнул.

- Стопудово? Оригинально.

- Значит – наверняка.

– Я понял. Валерия, пусть наш разговор останется в тайне, хорошо? И еще одна просьба... Слухи уже ползут. Вы сами-то понимаете, что произошло?

Лера понимала. Она прекрасно понимала, но пока не знала, как ей жить с этим новым, что поселилось в потайных глубинах ее мозга. С той самой секунды, как огорошила она своим предсказанием медсестру Нину, сознание не покидало ее. Пришла пора посмотреть фактам в лицо.

– Из-за удара молнии я получила сверхспособность. Могу узнавать будущее, глядя людям в глаза. Такое же произошло с Вангой. У бабушки есть книга про Вангу, она без ума от нее, я читала. Ну что, доктор, медицина это в силах объяснить?

– Вполне, – кивнул Олег Петрович. – Популярно это можно объяснить так: электрический разряд высокой мощности вызвал активизацию тех мозговых центров, которые отвечают за логику.

- Или за интуицию?

– Валерия, таких центров нет. Интуиция – та же логика. Вы услышали в забытии, что у медсестры сильно пьет сын, что она боится за него. И мое имя вы, скорее всего, слышали. И знаете, что адвокат Хотулин велик и славен... Другого объяснения у меня нет. Взгляд в глаза – всего лишь толчок. Вы плачете?

Мелкой, противной дрожью затряслись плечи, и рот некрасиво поехал вбок, удержать его не было никакой возможности.

- Подождите, подождите, не плачьте. Хотите воды?

– Не хочу! – крикнула Лера и, внезапно для себя, потянулась, ухватила Олега Петровича за лацканы халата и припала лицом к его плечу. Халат вкусно пах чистотой, плечо было большое и плотное, в такие только плакать! Обладатель же его явно был огорошен выступлением необычной пациентки, потому замер и сидел не двигаясь. Только через две минуты смачных рыданий Лера ощутила на своей спине осторожное прикосновение.

– Ну-ну, успокойтесь. Дать платок? С чего такой напор? Вам крупно повезло, вы остались живы. И здоровы, если не считать этой курской магнитной аномалии.

- А что мне делать? – поинтересовалась Лера, икая и задыхаясь.

– Как – что? Жить дальше. К вам там, кстати, молодой человек пришел. Но я его обскакал в коридоре, его задержали. Юноша бледный со взором горящим.

- Почему бледный?

– Это Брюсов. Читали Брюсова? Нет? Вот видите, у вас еще многое впереди. Выйдете замуж за этого, со взором и букетом, будете вечерами вслух Брюсова читать...

- И я, взглянув ему в глаза, буду знать, когда у него любовница заведется?

– Валерия, это несерьезно! Я, например, зная о таких способностях жены, поопасился бы заводить любовницу!

Лера наконец оторвала заплаканную физиономию от плеча и недоверчиво посмотрела на Олега Петровича – смеется он или нет? Нет, серьезен. Тогда она засмеялась сама.

- То плачет, то смеется, не девушка, а перформанс! Чему на этот раз?

- Я вам халат промочила.

- Ничего страшного, обсохнет. Хорошо, что вы без макияжа.

- А то бы жена – ага, да?

- Нет, не ага. Я разведен, и халат мне пришлось бы отстирывать самому. Валерия, если

мое плечо вам уже не нужно, то я пойду, хорошо? А вы пока – молчок, договорились?

Лера энергично закивала, а так как голова у нее и без того кружилась, то не заметила она смены декораций. Олег Петрович вышел, а на его месте, словно из-под земли, вырос, образовался Макс. С горящим взором и букетом, как и было сказано.

ГЛАВА 3

На Макса было любо-дорого смотреть. Он так экал, мекал, краснел и переминался, что каменное сердце растаяло бы. Но сердце обиженной женщины тверже камня. Лера смотрела холодно, букета в руки не взяла, пришлось приткнуть его на тумбочку.

– Я понял, как ты мне дорога. Лерчик, я ночей не спал, не ел ничего! Я дурак, я себя всю жизнь за это ненавижу буду! Если б с тобой что случилось...

– Со мной и случилось, Макс, – снизошла до разговора Лера. – В меня молния попала, слышал? Ребенка я потеряла и уже целую неделю тут валяюсь!

Он и в самом деле осунулся, в глазах появился лихорадочный блеск, даже идеальный зачес выглядел уже не таким идеальным. И еще – он стал чужим. Как будто Лера видела его в первый раз. Нет, хуже – как будто она видела его в первый раз, но кто-то уже сказал ей, что это плохой человек. Способный на подлость. На предательство. Не на Предательство с большой буквы, которое способно вызвать трепет и удивление – как человек исподлился, это ж надо! А на мелкое, ежедневно-банальное, с самой маленькой буквы.

– Я знаю... Мне Марина Владимировна позвонила.

– Я ее не просила.

– Она сказала, что ты...

– Потеряла ребенка, повторяю. Видишь, Макс, как все удобно поворачивается? Даже к банкомату идти не надо!

Тут он, видно, решился. Решительно нагнулся, обнял Леру, как она любила – чтобы одна рука придерживала плечи, другая гладила затылок, – и приник горячими губами к ее губам.

О нет, она не оттолкнула его сразу. Она замерла, прислушиваясь: дернется ли что-то внутри по старой памяти, отзовется ли на его поцелуй, на знакомые прикосновения, на привычное биение сердца рядом? Нет. Только скука. Удар молнии не только научил ее ЗНАТЬ, но и выбил из головы ненужные, дурацкие знания, вколоченные модными журнальчиками и книжками. «Дать ему еще один шанс», «не разбрасываться кавалерами», «ты женщина, умей прощать» – все эти постулаты как-то меркли перед этой громадной скукой. И тогда Лера взглянула Максу прямо в глаза, в расширенные тревогой и возбуждением зрачки, и в ту же секунду оттолкнула его.

«Какой же он жалкий и... и некрасивый! Ему двадцать пять лет, но он не похож на мужчину, похож на мальчика-подростка. Оказывается, у него узкие плечи и маленькие потные ладошки. Зарплата у него тоже маленькая, и квартира маленькая, и женится он на маленькой дурочке... На Лильке Рузаевой, вот на ком!»

– Лерчик... – позвал трогательно запыхавшийся Макс.

– Тебе пора.

– К... куда? Куда пора-то?

– О господи, закудахтал. На выход тебе пора! Лилечке Рузаевой предложение делать!

– Рузаевой?

Мгновенное смущение, даже тень смущения, промелькнувшая на лице Макса, дала Лере понять: на этот раз она угадала не только будущее, но и прошлое. Да, мерцает что-то в памяти... Лилька и Макс знакомы с детства, их родители дружат, все пророчили им брак, но встретились вот Валерия...

– Тебе наговорят всякой ерунды, ты и слушаешь. Ничего у меня с ней нет!

– Нет, так будет. Пока. Выход там.

Как много на свете зеркал? Старинные зеркала в резных рамах; новые зеркала, гордые

своей чистотой; лстивые зеркала в пудреницах и жестокие в примерочных... Это зеркало, волею судьбы попавшее в больничную палату, видело всю жизнь изнуренные лица больных и серьезные лица врачей, но, возможно, готовило себя к чему-то большему. Звездный час его пробил, когда Лера встала на неверные, трясущиеся ноги и сделала три шага. Приблизилась к прохладному озерцу, до того бесстрастно отражавшему противоположную стену.

Последний раз она смотрела в зеркало, когда собиралась на свидание с Максом. Перед самым выходом из дому – мельком, напоследок, но с ревностным вниманием, ведь последний штрих важнее важного. Ничего вроде не изменилось в ее лице с того момента. Треугольное широкоскулое личико, большие серо-зеленые глаза, тонкий прямой нос, тонкие губы, с которыми так много было хлопот, чтобы увеличить до желанного анжелиноджолиного объема... Новым было жесткое выражение этого лица, да еще что-то в глазах... Интересно, что же отражается в зеркале, когда в него никто не смотрит? А кто смотрит сейчас из глубины ее, Лериных, глаз?

И, набравшись смелости, она взглянула.

То же ощущение воронки – вот несет ее, засасывает, закручивает в неведомую пучину, то же приходящее неизвестно откуда ЗНАНИЕ, но на этот раз подкрепленное ВИДЕНИЕМ.

Не в казенной палате, а в роскошной комнате она себя увидела, не в ситцевой рубашонке, а в вечернем платье. Черное платье обнажало шею и плечи, облегалo стан, а книзу расплескивалось плиссированной волной. Нитка жемчуга на шее, высоко забраны волосы, изящны складки палантина... Каким ледяным огоньком брызжет этот перстенок! Не мягким сиянием жемчуга, не блеском бриллиантов была ослеплена Лера, не великолепием платья и окружающей обстановки. Главное осталось за кадром. Главное – ощущение близости кого-то очень дорогого, очень близкого и милого. Рядом с этой изящной красавицей, в которой Лера не могла не узнать себя, ей чувствовалось, присутствовал человек, от которого исходила уверенность и сила...

– Ну, хоть что-нибудь! Покажи мне хоть что-то еще, чтобы я могла узнать его при встрече! – взмолилась она.

И просьба ее была услышана. Краем глаза, только краем глаза удалось ей увидеть: черные волосы, очень коротко остриженные, суровый очерк скулы... Узкая кисть поднялась, взъерошила зачем-то волосы – запомнить, запомнить этот жест! – и он обернулся. Задержись, задержись, дай выучить тебя наизусть, дай запомнить изломанный рот, прямой нос, густые брови, широко расставленные, желтые, тигриные глаза и узкий лоб с треугольным мыском волос.

Она чуть было не взглянула ему в глаза... Что бы случилось тогда? Увидела бы она на дне их свое усовершенствованное отражение или навеки бы улетела в непознанную бездну? Это все равно что видеть сон, заснув во сне... В последний миг Лере удалось отшатнуться.

Скомканные простыни хранили липкое больничное тепло. Китайский пластмассовый будильник на тумбочке тихо цокал языком, его не было видно из-под оставленного Максом букета. Лера сбросила букет на пол. С момента, как Макс вышел из палаты, прошло две минуты. Пусть бы еще часок ее никто не беспокоил. Ей нужно время разобраться в себе.

Итак, она получила загадочный, сверхчеловеческий дар. Подарок от грозного июньского ливня. Теперь она способна видеть будущее людей, читать его по глазам. И что тоже немаловажно – заглядывать в глубь себя, распознавая черты собственной судьбы. Если не вдаваться в философию (чего Лера не любила и боялась), можно жить счастливо, можно...

– Если б я была книжной героиней, если б меня придумал Стивен Кинг или Уилки Коллинз – я бы решила использовать свой дар на радость людям. Конечно, меня бы ждали бесконечные страдания, мучительная смерть и слезы близких, от которых покойникам все равно ни жарко ни холодно. Но я нормальная, обычная девушка, ленинградка двадцати лет от роду! Что же мне делать? Скажи, что мне делать?

Ответом ей был только шум в коридоре.

– Подождите-подождите, мы же на минуточку! Мрак, надень халат! Вот видите, он в халате! Мы только зайдём и выйдём, девушка!

Кричавшие прорвались в палату. Молодой человек в халате, наброшенном на правое плечо, как гусарский ментик, и с профессиональной видеокамерой наготове и пожилая девица с длинными белыми волосами. Выражение лица у девицы было беспомощно-нахальное. Такие лица бывают у тех, кто приехал покорять большой город, пристроился в журналисты, копирайтеры, менеджеры и теперь изо всех сил тянет на себя краешек холодного одеяла. Ворвавшаяся в палату девица была как раз журналисткой, потому что с места в карьер застрекотала:

– Валерия, здравствуйте! Телеканал НАТ, проект «Чрезвычайные происшествия». Меня зовут Мила Черткова, буквально пару слов для нашей программы. Мрак, работаем?

Мрак уже работал всюду – камера ласково жужжала в его руках, он прыгал, как на пружине, запечатлевая с разных точек ошарашенную Леру.

– Валерия, что вы помните о случившейся катастрофе?

– Меня ударило молнией, – прошептала Лера в ядовито-желтый набалдашник микрофона, соображая, можно ли послать к чертовой матери журналистов, или она еще недостаточно важная персона? – Было больно и горячо. Я потеряла сознание, а очнулась уже здесь.

– Как интересно! – закатила глаза Мила Черткова. Личико у нее было с кулачок, глаза вваленные, еле видны из-за накрашенных ресниц – видно, истязает себя диетами. – А скажите, ходят слухи, будто вы...

Валерия не слышала вопроса. Она смотрела на того, кого журналистка называла Мрак. Короткая стрижка, треугольный мысок на лбу, желтые тигриные глаза, прямой нос, изломанная линия губ... Незнакомец из давешнего видения, неизвестный красавец в изящном костюме, он вошел в ее жизнь так же просто и легко, как в больничную палату, но в безжалостном свете дня померк окружавший его дивный свет. В видении он был высок и строен – наяву видно, что он, скорее, среднего роста, с непропорционально широкими плечами; что стрижется он у плохого парикмахера, а бреется наспех и тупым лезвием... И куда-то делся хорошо сшитый сине-серый костюм, а одет был Мрак в потертые джинсы и растянутую черную футболку... Быть может, есть у него брат-близнец, олигарх и красавец?

– А ну-ка, прочь отсюда!

Лера выглянула из-за руки, которой прикрывалась от наглого жужжания камеры, от собственных сомнений. «Чрезвычайная» корреспондентка телеканала НАТ сделала пируэт, взбрыкнула копытцем и вылетела в форточку, фотограф Мрак растворился в воздухе, оставив запах серы. В дверях стояла Марина.

– Девочка моя!

– Марина!

Они обнялись.

– Напугали тебя эти акулы? Ну ничего, ничего, они больше не придут. Ты не сердись, что я уехала? Врачам подарки хотела купить и Олега Петровича отвезти, он бы и сам мог, но из вежливости...

– Олега Петровича? А разве он не здесь работает?

– Нет, солнышко, но это не важно! – засмеялась Марина, быстро разбирая влажные волосы Леры, осторожно прикасаясь к ним губами. – Мне посоветовали к нему обратиться, он считается замечательным специалистом. Вы поговорили?

– Очень хорошо поговорили. Он оставил мне визитку, вот.

– Отлично, детка. Надеюсь, она тебе не понадобится. Завтра тебя выписывают, знаешь?

Скороспешная выписка была сюрпризом для самой Марины.

– Мы бы подержали ее еще немного, – поделился с Мариной остроумный доктор Анатолев. – Студентам показать, прессе похвастать. Но она так хорошо себя чувствует, грех держать девочку взаперти, когда на дворе лето.

Доктор покривил душой. Ему вовсе не хотелось держать у себя особу, которой быстро распространившиеся слухи приписывали способности ясновидящей. «Пресса» ему тоже порядком надоела. Никаких бонусов для больницы и лично для себя Анатолев не

предчувствовал, в сверхъестественные способности не верил, нахальных корреспондентов и фотографов побаивался. Но Лера подвоха не заподозрила.

– Вау!

– Это, я так понимаю, означает восторг?

Как часто мы, говоря, не говорим самого главного? Как часто незаданный вопрос повисает в воздухе, тонкой корочкой льда обволакивает губы, и между двумя людьми проносится холодок? Они пытаются согреться, они делают комплименты, сорят улыбками и рассыпают смешки... Но не задают, не выкрикивают и не шепчут того, самого главного вопроса! Почему? Лера решила. Марина всегда была – и будет! – ее единственным настоящим другом. Она должна знать все.

– Теперь все изменится, – заявила она, словно продолжая какую-то фразу. – Теперь я могу знать будущее. Ты знаешь?

Лера тотчас же подумала, что вопрос получился двусмысленным не случайно.

– Знаю, – пробормотала Марина, и руки ее опустились. – Так просто об этом говоришь... Тебя это не пугает?

– Пугает? – подняла брови Лера. – Не стану врать, сначала я испугалась. У меня что-то изменилось внутри.

Но мне быстро удалось к этому привыкнуть. Марин, пойми, это для меня отличный шанс выйти в люди.

– Выйти в люди? – На этот раз в ее голосе звучал самый настоящий, неподдельный, высоковольтный испуг.

– Конечно! У меня никогда не было никаких способностей, я всегда была средней девочкой, средней внешности, из средней семьи и средней школы, и друзья у меня были средние!

– Подожди, Лера. Одумайся! У тебя чудесная семья, ты всегда хорошо училась, сама поступила в институт! Ты пишешь неплохие стихи, играешь на гитаре и пианино, ты работаешь на известной радиостанции и у тебя есть поклонники!

– Ой, Марин, неужели ты сама не чувствуешь, как это банально? С профессией мне не повезло. Музыка... Кому она нужна? Хорошо хоть работу какую-то нашла. О семье, извини, смешно говорить. Моя семья – ты. Поклонники? Какие у меня поклонники? Малолетки с потными руками, шепчут в телефон глупости и гадости...

– Ну, не все же шепчут гадости. А глупости можно шептать просто от смущения. Потом, откуда ты знаешь, что у них потные руки?

– Да не в потных руках дело! Даже не в потных ногах! В этом мире, чтобы добиться чего-то, нужно быть или очень одаренной, или очень богатой! А мой новый дар – это одновременно и богатство, я не собираюсь упускать его. Не собираюсь.

– Хорошо, Лера. Мы поговорим завтра. Это домашний разговор.

Марина быстро ушла, и у Леры остался неприятный осадок. Они и раньше много спорили, Марина не одобряла некоторых жизненных установок своего младшего друга, порой критиковала ее, поучала и упрекала, но, по большому счету, всегда была на ее стороне.

ГЛАВА 4

Валерию выписали еще до завтрака. В больничном коридоре пахло подгоревшей овсянкой и цикорным кофе, с неуверенностью в будущем звучали шаги больных. В окна наотмашь било нестерпимое солнце, и в пыльном луче Лера быстро натягивала свою одежду, принесенную из дома Мариной, казавшуюся здесь такой неуместной... Стерильность, хлорка, бледно-зеленые стены, бледно-голубой свет, и вдруг – белое платье с красными маками, полыхающими, как степной пожар, алые туфельки, плетеная сумочка тоже украшена шелковыми маками!

– Марин, откуда такая сумка? У меня не было!

– Это тебе подарок, детка. Подходит к этому платью, да?

– Спасибо, очень красивая!

Очень полная медсестра в приемном покое, выписывавшая какие-то бумажки, подняла голову и улыбнулась:

– Мама молодая, дочка-красавица, все хорошо будет, – пропела она, подпершись рукой.

– Даст Бог, лучше прежнего заживете...

Она даже прослезилась от нахлынувших чувств. При виде ее миловидного, но несколько заплывшего жиром лица, ее набухших влагой глаз Марина, казалось, вспомнила что-то.

– Извините, а Нина... Нина Постникова, медсестра. Я хотела передать ей...

Марине не удалось договорить. Глаза чувствительной медсестры исчезли в каких-то многоводных канальцах и складках, подбородок затрясся, завибрировал, и она утробно всхлипнула в бумажную салфетку.

– Что случилось?

– Не передам я ей ничего, Ниночке нашей... И никто ей ничего не передаст! Убили ее.

У Валерии мелко затряслись коленки, сталкиваясь с костяным прищелком.

– Как убили? Кто? Я ж ее позавчера видела!

– Да что вы, милочка, что ж вы говорите! Не позавчера, а ровно три дня назад она дежурила! Вот как раз девочка-то ваша, – остренький серый глаз покосился на Леру, – про сыночка ейного сказала... Она смену окончила и побежала домой. Мы уж все знаем, тут и следователь приходил, все спрашивал... Вот пришла она, сердечная, домой, и так устала, что спать повалилась... И спит себе, а сын ее непутящий нашел у нее спирт, уколы она на дому делала, вот и спирт держала. Выпил и совсем разум потерял, начал еще искать, или денег он там искал, все перевернул. От шума Нина проснулась и говорит: чего ты, ирод, ищешь? А он к ней: денег давай! А какие у нее деньги? Какие у нее деньги, если он не работал, а тут и за квартиру плати, и телевизор Нина в кредит взяла, потому старый сгорел, а как без телевизора? Его же, скота, и одевай, и пои-корми, а жрет-то он как путевый! Не дала она ему, видать, денег, а он хватъ нож со стола! Уби-ил, убил он Нину нашу, весь живот как есть разворочал! А как очухался – сам скорую вызвал и милицию, сам повинился, да только Нину-то не вернешь! – Медсестра вдруг словно бы протрезвела от слез. – Ой, что это с вашей девочкой?

Валерия стала бледней, чем ткань платья, – там, где не было маков. Маки ушли с ее лица, сильнее обозначились скулы, и она явно плохо держалась на ногах, пыталась ухватиться за стену, скользила по ней влажной ладонью.

– Ее ж только выписали, а я, дура толстая, разболталась, разволновала! – всколыхнулась всем своим желеобразным телом говорливая медсестра, притко достала из ящика стола прозрачный пузырек, ватку, отвинтила крышечку. – Нюхай, нюхай! И сядь!

Валерия послушно опустилась на стул, по приемному покою поплыл резкий запах нашатыря. Она покорно нюхала ватку, мотала головой, когда сестра терла ей виски, и была даже рада этим мукам, они помогали забыть, отвернуться, отторгнуть от себя эту невыносимую новость. Марина не двинулась с места, она пристально смотрела на всю эту сцену...

– Я не верю, что вы разболтали эту страшную новость случайно, – прошептала Марина медсестре, когда та хлопотливо отчалила обратно к столу и принялась наливать воды – в захватанный стакан из позеленевшего графина.

– Думайте как хотите, – также негромко ответила толстуха. Если у Марины и были какие-то сомнения, то они рассыпались в пыль при звуках этого спокойного голоса, под холодным взглядом буравчиков-глаз, только что точивших слезы. – Только вашей девочке – не знаю, кем она вам приходится! – следовало бы извлечь урок из этой истории. Если уж проклятье на нее легло...

– Проклятье? – повторила за ней Марина.

– Да уж не благодать! Пусть знает, чем слова ее аукаются, пусть ответ перед собой

держит!

– Послушайте, – вспыхнула наконец Марина, теперь она говорила уже в полный голос. – Послушайте, вам-то кто дал право судить?

– А я и не сужу. Кабы судить да рассуживать – так закопать бы ее, чертовку твою! За то, что пьянь непутящую жить оставила, а хорошего человека в гроб загнала! У меня-то вот крест на шее есть, и заповеди я все сполняю! – Она оттянула вырез халата и показала золотой крестик, лежащий на подушкообразной веснушчатой груди.

– Марина! – тихо позвала Лера. – Пойдем отсюда... Скорей пойдем!

– Скатертью дорога! – напутствовала их медсестра, разворачивая очередную салфетку и трубно сморкаясь.

Лера потрошила свою новую сумочку, искала ключи, а ключи-то были у Марины! Обе торопились – за дверью заливался длинной трелью телефон.

– Лерочка, это наверняка мама звонит. Так я ей сказала, что ты на улице поскользнулась, ушиблась...

– Слушай, у меня это совершенно из головы вон. Ты молодец. Зачем ее волновать? Не надо!

Дверь была отперта, и к Лериным ногам кинулась кошка Степанида. Черная, изогнутая как скрипичный ключ, стала тереться о красные туфельки, урчать, изгибаясь.

– Бедная ты моя, соскучилась?

– Лер, возьми трубку-то...

Одной рукой Лера взяла трубку, другой зачерпнула и прижала к груди теплую, вибрирующую кошку.

– Але! Мамуль, привет! Мамуль, все нормально! Да, уже выписали. Вот только подъехали. Отлично себя чувствую, голова не болит. Легкое совсем сотрясение. Да какие лекарства, не надо никаких лекарств! Лучше денег пришли. Ну, давай, пока, а то дорого. Целуй там Тода и Бобика!

Трубка разразилась пронзительными гудками, и Лера аккуратно водрузила ее на место.

– Вот и поговорили, – хмыкнула она.

Мать Леры уже два года как жила за океаном, в штате Оклахома. Там у нее был муж Тод – высокий, лысый, обаятельный мужик, рядовой, но преуспевающий служащий огромного фармацевтического концерна и пятимесячный сын Бобби, брат Леры, которого она еще не видела, только слышала, как он толкается в мамином животе. А кроме этого, был еще небольшой чистенький домик в пригороде, сад, огромный пес сенбернар, две машины и безобидное хобби – выращивание роз.

Отъезд матери не стал для дочки трагедией – скорее, принес долгожданное облегчение, как вот бывает, когда меняешь зимнюю одежду на весеннюю. Плечи, привыкшие к тяжести мутоновой шубки (только и славы, что из натурального меха, но обшлагаи и карманы уже позорно истерлись, коричневый мех отливает на солнце дряхлой желтизной), расправляются и окрыляются, когда надеваешь легкое пальтецо. Пусть рано пока, пусть снег еще лежит на приподъездном газоне, пусть приходится зябнуть и кутать шею в толстый шарф, но как легко, как свободно ходить, дышать!

После смерти отца, умершего несколько лет назад от инсульта, мать растерялась и потерялась. Все, что представляло для нее смысл и наполненность жизни, ушло в одночасье, в тот воскресный денек, когда отец встал из-за стола. По выходным обеда бывали торжественными. Мама завела эту старосветскую традицию давно, вместо долгого воскресного сна с утра ехала на рынок, потом вставала к плите и к трем часам накрывала в большой комнате стол. Все легкое и питательное: бульон с крошечными пирожками, начиненными мясом, куриные котлетки, цветная капуста, салат, яблочная шарлотка и неременная бутылка красного сухого вина – бутылка, к которой никто не прикасался, и она кочевала от воскресенья к воскресенью неоткупоренной. Из горки доставались серебряные столовые приборы, уже порядком истертые, и красивая солонка в виде кареты, не то позолоченная, не то даже золотая. Обеденный сервиз был новодельный, но изящный, и

непрерывно полотняные белоснежные салфетки! За обедом принято было беседовать о приятных вещах – о театральной премьере, например. Обыкновенно приглашали Марину, она приходила не всегда, но часто, сопоставляя визиты со своим, никому не ведомым, понятием о приличиях. Тогда ее как раз не было...

Отец и обычно-то бывал неразговорчив, а в тот день и вовсе молчал, правда, ел с большим аппетитом. Накануне у родителей произошла размолвка, и теперь, как Лера смутно догадывалась, папа все еще пребывал в состоянии недовольства, а мама пыталась загладить свою неведомую вину и преувеличенно увлеченно щебетала о клубе собаководства, куда обязательно нужно съездить. Неделию назад, на таком же обеде, решено было завести собаку, непременно английского кокер-спаниеля. Но этот проект, как и многие другие, не осуществился. Покончив с яблочным пирогом, выпив одну за другой две чашки морса, отец встал из-за стола и сказал:

– Спасибо тебе, голубка. Простите, мне что-то не по себе.

– Я сейчас достану тонометр, – поднялась мать, но не успела сделать и шага из-за стола.

Отец странно поднял руки, рванул тугой воротник рубашки так, что по столу запрыгала маленькая пуговка, и повалился навзничь с полухрипом-полустоном. Он больше не встал с толстого туркестанского ковра, и до того момента, пока приехали за ним на страшной машине говорливые, бодрые чужие люди, Лера смотрела опустевшими глазами на подошвы его домашних туфель – он всегда носил дома туфли, подчиняясь диктату матери, хотя сам любил толстые шерстяные носки и разношенные шлепанцы.

Бодрые люди не спасли отца, он умер в больнице, и его похоронили. Мать же... Она, можно сказать, временно повредила рассудок. Она плакала постоянно, словно сердце ее было хрустальным кувшином, наполненным водой, а смерть мужа этот кувшин разбила. Но тем не менее она красила каждое утро набухшие от слез глаза водостойкой тушью, сшила у дорогой портнихи эффектные траурные туалеты и продолжала ходить по гостям, по театрам. Она выбрала странный способ бороться со скорбью, но если бы он помогал! Нет. В житейской катастрофе погиб прежде всего смысл ее жизни – смысл жизни домохозяйки, нигде и никогда не работавшей, посвятившей себя заботам о муже, дочери и о себе самой. О дочери Ольга Андреевна забыла совсем, к тому же ее образ жизни наносил серьезный ущерб бюджету осиротевшей семьи.

В годовщину смерти отца, пришедшуюся на воскресенье, она с утра поехала на рынок, истратила уйму денег, полдня простояла у плиты и к трем часам подала обед. Накрытый стол показался теперь Лере слишком большим – ведь на нем не было отцовского прибора, а на том месте, за которым он сидел, под его портретом в траурной рамке, оказалась супница. Огромная, пузатая супница показалась девочке гнусной пародией на папу – полного, грузного, широколицего человека. Пасквильное сходство усиливалось тем, что супница расписана была красными и розовыми гладиолусами, а именно эти долголягие цветы стояли в вазе под фотографией, именно они не так давно покрывали сплошь гроб и могилу отца.

Отсутствие чуткости всегда было свойственно Ольге Андреевне, и ни привитые хорошие манеры, ни врожденное добродушие не могли преодолеть близорукости души. На Лериной памяти был давний случай, когда папа и мама собирались на именины внука отцовского сослуживца. Восемилетнему мальчику нужно было купить подарок, и мать приобрела в «Детском мире» модель самолета – роскошную, очень натуральную, очень дорогую, способную, безусловно, составить счастье любого пацана... Но родители этого мальчика год назад погибли в авиакатастрофе, и самолет, унесший их в небытие, был именно такой марки. Оплешность раскрыли вовремя, купили другой подарок, но этот случай запомнился Лере особенно.

Не глядя на мать, она вышла из-за стола, сказала тоненьким голосочком воспитанного подростка:

– Спасибо, мама, я совсем не голодна. Извини. Я пойду к себе?

– Подожди, Валерия. Немедленно вернись! Я...

Но что она хотела сказать, так и осталось неизвестным, потому что кроткая и сдержанная дочь совершила внезапно совершенно загадочный поступок. Она просеменила к супнице, с усилием подняла ее и отнесла в кухню. Там она перелила душистый, наваристый бульон обратно в кастрюлю, а супницу снова взяла и вышла с ней на лестницу.

В зев мусоропровода мерзкая посуда не влезла. Лере пришлось вернуться в квартиру, прихватить молоток и тюкнуть разок по выпуклому фарфоровому боку. Прощально грохоча, супница отправилась вниз, и Валерия вернулась в кухню. Потом туда пришла мама, и они просидели до ночи, не зажигая света, обнявшись и проливая тихие, сладостные слезы.

Очевидно, казнь супницы имела смысл метафизический, потому что отношения между мамой и дочкой после этого наладились. Валерия поняла свою мать. Ольге Андреевне жизненно необходимо было выйти замуж. Об этом обиняками говорили все друзья и знакомые матери, а напрямую высказала одна только Марина. Она полгода работала в туристической фирме кем-то вроде секретаря, а теперь ее перевели в только что образовавшийся отдел, занимавшийся экспортом русских невест в заграничную нирвану.

– Найдем тебе жениха, пальчики оближешь, – тихонько посмеивалась она, приходя в гости к соседкам и подругам.

– Господи, Мариш, какой жених? – отмахивалась Ольга Андреевна, но поблекшие щеки ее моментально розовели, а исплаканные глаза загорались молодым огоньком. – Кому я нужна, старая вешалка? Там топ-модели нужны...

– Очень распространенное заблуждение, – печально кивала Марина. – Не топ-модели, а следящие за собой женщины, стройные, обаятельные... Возраст безразличен. Если супруга еще и домашним хозяйством не брезгует – это вообще предел мечтаний!

– Вот-вот, и по телевизору говорили, что тамошние холостяки ищут рабынь. Или сексуальных, или так, по хозяйству.

– А ты больше слушай, что по телевизору говорят!

– Ну, не знаю...

Ольга Андреевна подпирала щеку рукой и шумно, по-бабьи вздыхала. Она не прочь бы замуж, но где искать жениха? Приличные мужчины ее возраста разобраны по рукам, никто не выпустит из семейного гнезда хорошего мужа... А развелись и остались «в девках» самые негодящие, либо пьющие, либо никчемные, зачем такой нужен? И снова начинала лить слезы по дорогому, ушедшему человеку. Нет уж, второго такого не найти! Но может, и правда жизнь не кончена? Зарубежные женихи зовут приехать для знакомства к себе, оплачивают дорогу... Хоть мир посмотреть, а то где она была? На средиземноморском да на турецком курорте!

И, к радости Леры, однажды мать решилась. Первым женихом был швед, на три года моложе Ольги Андреевны.

После недолгой переписки она отправилась к нему погостить, оставив дочь на вечную наперсницу Марину. Пока мама обживала дом шведа в пригороде Стокгольма, две подруги, старшая и младшая, бросили обедать, питались фруктами и мороженым, смотрели фильмы ужасов, которые Ольга Андреевна терпеть не могла, и вообще всячески прожигали жизнь. Мать вернулась быстро – скуповатый и суховатый швед ей не приглянулся. Потом был знойный итальянец, шокировавший ее своим молодым темпераментом и обилием крикливых родственников.

– Все равно что за армянина выходить, – констатировала она, вернувшись.

Наконец появился Тод. Первоначально он не произвел хорошего впечатления – худой, лысый, непрерывно, по-американски, улыбающийся, он был так не похож на покойного мужа Ольги Андреевны, грузного, немногословного и не улыбчивого человека! Но в гости к нему она все же поехала и была покорена обаянием Тода, его мягким юмором и тихим нравом. Одно смущало новобрачную – новый муж страстно хотел детей.

– А в моем-то возрасте! – в ужасе приговаривала молодая жена.

Как выяснилось, ничего страшного. Тод имел в виду приемного ребенка. Первая жена второго мужа была алкоголичкой, много лет лечилась и срывалась, срывалась и лечилась,

посещала клуб «Анонимных алкоголиков»... В общем, если б кто и доверил ей чадо, все равно у нее не хватило бы на ребенка ни сил, ни времени. Тод искренне обрадовался наличию взрослой дочери у невесты, но тут-то нашла коса на камень. Лера категорически отказалась ехать в Америку.

– Да объясни же, почему? – требовала мать. – Почему сотни людей мечтают уехать за границу, но у них нет возможности эту мечту осуществить!

– Мечтают уехать или дети, стремящиеся в Диснейленд, или пожилые люди, как в санаторий.

– Спасибо, дочь!

– Пожалуйста, мать. Куда, ну, куда я денусь в твоей Америке? Это ты будешь стряпать для Тода и ублажать его в загородном домике, а мне нужно будет выходить в свет, снова учиться, работать, общаться со сверстниками! То есть все начинать заново!

Сказать по совести, Ольга Андреевна могла бы, использовав весь ресурс материнского авторитета, поставить на своем. Но почему-то этого не сделала. Быть может, потому, что присутствие взрослой дочери не делало ее ни красивей ни моложе... Но ныло материнское сердце, и тогда вмешалась Марина. Верная подруга, любезная соседка, одинокая женщина, давно ставшая своей в семье Новицких.

– Оль, девочка отчасти права. Переехать к вам она всегда успеет. Пусть поживет на родине, узнает, на что годится. А я за ней присмотрю, слово тебе даю.

– Тебе легко говорить, – начала было Ольга Андреевна плаксиво, но осеклась и только рукой махнула.

Делать было нечего. Так что мама отбыла в Оклахому, пообещав Валерии помогать финансово. Она сдержала слово, но Лере неловко было каждый раз получать эти деньги.

Процесс усыновления в Америке не легок и не быстр. Пока суд да дело, Ольга Андреевна почувствовала себя непорочней... Тод ликовал, как мальчишка на американских горках (которые в Америке называют русскими), а будущая мать пришла в ужас. Ребенок в ее возрасте, с ее здоровьем?

Американская медицина совершила вполне ожидаемое чудо. Миссис Фрост почти весь срок беременности пролежала в больнице. В результате кесарева сечения на свет появился малютка Роберт – нормальный, здоровый ребенок.

– Зря ты все же не уехала к ним, – вздохнула Марина. Не в первый раз вздохнула. – Была б моя душа за тебя спокойна...

– Оставь, пожалуйста. Было бы мне десять лет, пусть пятнадцать – уехала б. А так... Что я там делать буду? Потом, если ты думаешь, что мамочке очень льстит присутствие взрослой дочери, то сильно ошибаешься. Сейчас она молодая мамаша с младенцем, а я бы картину портила.

– Не надо так о ней. Твоя мама...

– Да знаю я! Нет, я мать не осуждаю. – Продолжая прижимать к себе кошку, Лера прошлепала на кухню к холодильнику, достала яблоко, откусила крепкими зубами. – Мне и самой так удобнее. Квартира есть, работа есть, сама себе хозяйка... Опять же ты за мной присматриваешь. А теперь...

– Яблоко хоть бы помыла, хозяйка! Что – теперь?

– Теперь, Марин, мы заживем!

– Глупышка, что ты надумала?

– Увидишь, – подмигнула Лера и выбросила огрызок в идеально чистое мусорное ведро. Пока она отдыхала на больничной койке, Марина успела устроить генеральную уборку.

Первое, что сделала Лера, проснувшись утром, – включила телевизор. Разумеется, она знала о существовании канала НАТ, что расшифровывалось вроде как независимое авторское телевидение, или, может, как нахальный агрессивный треп. Программа «Обыкновенные истории» выходила каждый день утром и вечером, еще запускаясь в повторе. Ее-то Лера и решила посмотреть за завтраком, и смотрела, испытывая смешанное

чувство удовольствия и отвращения. Удовольствие – от чашки крепчайшего кофе со сливками, горячего круассана и ранних абрикосов. Отвращение – собственно, от просмотра передачи, не имеющей, естественно, ничего общего с Гончаровым. «Обыкновенные истории» оказались желтее гепатита – вот почему у них микрофон был такой язвительно-желтый! Русский классик, написавший одноименный роман, в гробу бы перевернулся, если бы только узнал... Язык сюжетов был вульгарен, их тон – развязен, видеоряд словно нарочно изображал людей в самом неприглядном виде, а уж темы! Секс, преступление, смерть – три кита, на которых держался проект, а три эпитета, которые можно было бы к этим «китам» применить, звучали так: извращенный, жестокое, мучительная.

Но сюжета о собственных бедах и несчастьях Валерия не нашла. Неудивительно. Как раз накануне ее выписки умерла известная, талантливая актриса. Она слегла давно, находилась на лечении в клинике, перенесла три операции и все же не смогла уцепиться за жизнь... «Обыкновенные истории» мусолили ее смерть с наслаждением. Уж не тот ли самый загадочный Мрак стоит за камерой сейчас, когда она бесстрастно демонстрирует лицо актрисы – прежде круглое, тороватое на улыбки, а теперь – осунувшееся, страшное, с черными провалами глаз. Пospelова лежит на каком-то катафалке, силится приподнять голову, рот искажен страданием. Сменяется кадр – молодая и здоровая Лариса в бело-голубом платье летит по цветущему лугу. Это кадр из какого-то фильма. И закадровый голос, преисполненный фальшивой скорби, вещает какие-то благоглупости:

«Судьба дала ей многое: красоту, ум, талант, удивительную работоспособность. Но она же и отняла все... Лариса Иннокентьевна Пospelова ушла из жизни во всем цвете своего дарования. Болезнь, которая...»

И так далее, и так далее. Обстоятельства смерти актрисы и тайны ее жизни обнажались перед зрителем с невыносимым почти цинизмом, в котором, однако, было что-то отвратительно-привлекательное. Содрогаясь от этого странного чувства, люди останавливаются посмотреть на пожар и на автокатастрофу, покупают кассеты с второсортными фильмами ужасов и переключаются в урочный час на НАТ. Лере представилось, как Мрак наводит свою нахально-всевидящую, а по сути, слепую камеру на умирающую Пospelову, и ее слегка затошнило. Чтобы не расстаться безвременно с кофе и круассаном, пришлось скорее выключить телевизор и взять в руки телефонную трубку.

Перед тем как испариться из палаты, журналистка Мила Черткова (ее имя было в титрах, в ряду трех-четы-рех таких же «говорящих» псевдонимов) сунула Лере визитку. Шикарная визитка, что и говорить. Черная с серебром. Умереть.

Лера не ожидала, что сможет так легко дозвониться – все же восемь утра, ранняя рань для богемы! Но акула шоу-бизнеса, или какого там бизнеса, Мила с утра была на ногах, трубку схватила сразу и отозвалась бодро.

– Это Валерия... Меня молнией ударило, – сказала она. Глупость ляпнула, кажется? Но Черткова сразу поняла, о чем речь, и загудела своим влажным контральто очень приветливо:

– Посмотрели передачку и не нашли сюжета о себе? Да-да, планировали в этот выпуск, но вы же видите, какое несчастье, ах, бедная Пospelова, такая красавица... В следующем выпуске непременно! Жаль, так мало данных, суховатый получился сюжетик, вот если б вы согласились...

– Я согласна дать эксклюзивное интервью, – перебила ее Лера. Откуда она взяла такие красивые и, главное, такие уместные слова?

Журналистка Черткова сыпала благодарностями и обещала заскочить вечером к Лере в гости.

– А в четверг и дадим сюжетик!

«Сюжетик, – хмыкнула про себя Лера. – Я вам дам – «сюжетик»! Это будет интервью века!»

Было весьма сомнительно, что интервью века появится в желтой передаче «Обыкновенные истории», но Лера этого не чувствовала. Она была очень молода, очень эмоциональна, очень обижена на весь мир и полна желания этому самому миру «показать».

Это желание трудно подавить... И еще труднее – исполнить.

Как оказалось, «эксклюзивное интервью» стало первой жемчужиной в ожерелье Лерочкиных удач. Сегодня она явно была в ударе. Черткова чуть не плакала, микрофон трепетал в ее руке, когда Лера повествовала о предательстве Макса, о роковом и загадочном разряде, пронизавшем ее тело и мозг, и о таинственном даре, подарке того же разряда.

– Какой материал! – бормотала Мила. – Мрак, снимай!

Молчаливый и угрюмый Мрак снимал. Лера в кресле, вполоборота, с плеча спадает вязаная шаль, выражение лица вдохновенное... Лера на фоне окна – только силуэт фигуры и те же обвисшие крылья шали... Лера, смотрящая в упор, как Лиля Брик на известной фотографии Родченко... Лера со Степанидой на коленях, юная ведьмочка и ее любимая черная кошка. Одним словом, Мрак тоже был доволен и его амбиции художника вполне удовлетворены.

– А мне? Мне вы можете предсказать будущее? – решила наконец спросить Мила.

Валерия готовилась к этой просьбе. Она думала об этом ночью, терзая боками скрипящий диван, утром и днем – одеваясь, сервируя чай, открывая корреспондентке дверь. Она знала – там, за подпухшими веками Милы Чертковой, может таиться какое угодно будущее и какая угодно правда, в том числе и самая жуткая, самая неизменная...

Тогда Лера просто солжет. Неизвестно, получится ли у нее... Но она попробует. Есть такое слово – надо.

Старательно увеличенные косметикой глазки Чертковой, неопределенного цвета радужка – серо-зелено-желтая и непроглядный колодец зрачка, в который летит крошечная Лера. Знакомое чувство вращения, легкая тошнота и озарение, от которого нельзя уйти, невозможно спрятаться.

– У вас книжка выходит, правда?

Мила Черткова приоткрыла рот, потом закрыла его и с усилием произнесла:

– А... она выходит? Дело в том, что я отправила ее в пару московских издательств на пробу... И ни из одного ответа пока не было.

– Будет, – небрежно кивнула Лера. – Книгу издадут, гонорар заплатят. Будет слава, автографы, первая строчка в рейтингах и все такое.

– Ну... Ну я прямо не знаю...

От растерянности Мила потеряла девяносто девять процентов фирменной самоуверенности и превратилась в того, кем и являлась на самом деле. А была она издерганной и усталой, но замечательно талантливой бабой, не злой, но обозлившейся в борьбе за место под солнцем, в непрестанных усилиях свою талантливость доказывать. Если бы Мила Черткова, а по паспорту Людмила Сапож-никова, дала себе на время отдых и вырвалась из цейтнота – это, несомненно, пошло бы на пользу и ей, и современному литературному процессу. Хотя никто не знает, что может пойти на пользу этому процессу, который стал капризен и прихотлив, то жадно давится касторкой, то воротит нос от медовых пряников...

«Она и в самом деле могла бы написать книгу, – думала Лера, глядя на растерянность журналистки. – Настоящую книгу, а не трехгрошовый бестселлер, жизни которому отмеряно полгода с выхода первой хвалебной рецензии... Горячие пирожки жареных фактов моментально расхватывают, потом будет известность, интервью, ток-шоу – и бедняжку Черткову позабудут, словно ее и не было. Она смогла простить и забыть уже столько ударов и унижений – но забвения простить не сможет. Там и молодость пройдет, даже эта, подтянутая и нафаршированная ботоксом-силиконом молодость! Куда потом деваются эти «бывшие люди», пережившие успех и рухнувшие с небес обратно в грязную серость?» Но этого она не сказала, только улыбнулась своей новой улыбкой: сдержанной, ласковой и понимающей.

– А вам? – обратилась она к Мраку. Тот уже минуты три просто стоял и смотрел на Леру, даже видеокамеру из рук выпустил, и она теперь стояла на штативе в углу комнаты,

похожая на марсианскую машину смерти из «Войны миров». – Вам предсказать будущее?

– Не надо, – коротко ответил оператор. Он не спешил узнавать о завтрашнем дне, ведь глазок видеокamеры еще не устал от сегодняшнего. – Не надо, будь что будет... – Он отвел свои яркие, янтарно-карие глаза.

«Красивый парень, – мельком заметила Лера. – Был бы еще лучше, если б не стригся так по-дурачки. А одет-то как, кошмар! Джинсы дешевые, свитер аж позеленел. Ботинки какие-то ортопедические, носы сбиты. И пахнет ужасно. Неужели сейчас выпускают одеколон «Цитрусовый»? А хорош. Неужели это он? Не верится».

Но все равно – у Леры холодочком защекотило позвоночник, и неожиданно для себя она спросила:

– А как вас зовут?

– Константин, – ответил он и впервые улыбнулся. Но улыбка не красила его.

«Как если бы черные горы, и вдруг – сверкающая снегом и льдом расселина», – подумала Лера и снова передернула плечами от неожиданного холодка.

А вслух произнесла:

– Ну, как хотите.

– Можно ваш телефон?

– Что?

Лера растерялась, не сообразив – он просит номер телефона или разрешения позвонить?

– Номер вашего телефона, – уточнил Мрак и снова улыбнулся. Эта улыбка понравилась Валерии больше.

– Да. Конечно.

Она диктовала номер, путаясь в знакомых цифрах, а он все поглядывал поверх мобильного. Ласково и насмешливо. Но чему он смеялся?

– Мы, пожалуй, пойдем, – заторопилась Мила. Куда она так спешила?

Открыть свой почтовый ящик и обнаружить там письмо от издательства, от нескольких сразу? «Спасибо. Ваш материал украсит нашу программу. Наутро вы проснетесь знаменитой, так и знайте».

ГЛАВА 5

Домофон издавал короткие сверчковые трели. Домофон был раздражен и обескуражен. За свою долгую и бедную событиями жизнь он такого не видал. Да что же это – звонят и звонят, ходят и ходят! Нешто тут вокзал или другое публичное место? Сумей бы они выразить свое недовольство – то же самое сказали бы и входная дверь, и коврик перед ней. Кошка Степанида, существо необщительное, поселилась под диваном и от негодования демонстративно забыла, где ее лоточек с песком. А вот консьержка, что сидела внизу, выражала и выражалась умело, грозила даже подать на Валерию в суд за «прито-носодержательство». Впрочем, те люди, что приходили к Лере, не очень-то смахивали на посетителей притона, хотя откуда консьержке знать, на что они вообще похожи? Визитеры были все тихие и вежливые, в основном женщины, выглядели они большей частью так, словно пережили какое-то несчастье. Или их переполняет предчувствие неведомой беды...

Любое экстраординарное событие привлекает к себе прежде всего людей в чем-то уязвимых, обделенных, иногда просто несчастных. Если у вас в доме замироточила икона, если вы изобрели лекарство от рака или обрели дар ясновидения – не ждите, что к вам придут счастливые. Солнечные зайчики улыбочивых летних деньков не облюбуют стены вашего избранного жилища. Счастье эгоистично, недалековидно, несклонно к мистическим настроениям и божественным вдохновениям. Оно сворачивается клубочком в кресле, пока на кухне закипает чайник. Несчастье же всегда в дорожной одежде, всегда с посошком, с брезентовой скаткой, чтобы укрываться от дождя в чистом поле. Оно всегда готово на

паломничество – искать себе утешения...

Слухи расходятся, как круги на воде. Сюжет в «Обыкновенных историях» ярко засветился, вспыхнул на экранах, была еще пара запоминающихся газетных публикаций, но нигде, например, адреса Валерии Новицкой не указывалось. Откуда же они узнали его, все эти женщины с поджатыми губами, со следами слез на лицах, иные в трауре, иные – наряженные с жалкой тщательностью?

– Скажите, он ко мне вернется?

– Дочь пропала три месяца назад. Мы ничего не знаем о ней. Жива она? А если нет, то хоть бы похоронить по-человечески!

– Мы даже подали заявление, но потом...

– Муж болен, надо делать операцию за границей, денег никак не соберем. Лишь бы знать, поможет ему эта операция-то?

– ...поэтому мне надо срочно знать, повысят меня или нет...

– Чует мое сердце, не мой это внук, нагуляла невестка, сучка подщипанная!

Они приносили с собой свое горе. Маленькое, глупое горе и горе огромное, как мир. И такое же древнее. Досаду обманутой женщины и скорбь любящей матери. Они приносили деньги, и деньги тоже были разные. Хрустящие зеленые купюры в кожаных кошельках от Гуччи, мятые сторублевки и полтинники, завязанные в носовые платки. Первый гонорар, полученный в качестве ясновидящей, Лера запомнила на всю жизнь, как и первую клиентку. Это была строгая дама, в дорожном льняном костюме, вся увешанная какими-то этническими украшениями. Какое у нее могло быть горе, какие проблемы?

– Я знакомая Милы Чертковой, она советовала к тебе обратиться, – напрямую отрекомендовалась дама, оглядывая Лерино жите-бытие. Марина, на тот момент случившаяся в квартире, отступила на заранее подготовленную позицию, в кухню. – Скажи мне что-нибудь, вот как ей сказала. Пожалуйста, – подумав, добавила дама.

От вторжения этой самоуверенной особы, от надменно-свежего запаха ее духов Лере стало не по себе. Но... Видели глазки, что покупали, не так ли? Если уж проснулась знаменитой, то валяй, оправдывай славу! И Лера послушно заглянула в глаза визитерши, в красивые, холодноватые зеленые глаза с крупными верхними веками в легкой перламутровой пылице... То, что она там увидела, настолько не состыковалось с образом самой дамы, каким она его успела увидеть, что первые слова дались ей с трудом.

– Что-то дурное? – безмятежно спросила визитерша, следя за муками провидицы.

– Нет, наоборот. Я видела вас за столом. В семейном кругу. Вас, мужчину и девочку лет семи. Похожа на вас. Худенькая, со стрижкой как у Мирей Матье. Знаете, очень яркое видение, – поспешила сообщить Лера, ей все казалось, что она недостаточно убедительно вещает. – Утро, кухня залита светом, на вас белый халат, на мужчине – синий, девочка смеется, и вы смеетесь... Да, вот еще. У вас... Кажется, вы беременны.

Последние слова она произносила, безмолвно ужасаясь, потому что совершенно неизвестно, бывают ли беременными такие вот этнические льняные дамы. Скорее всего, они бывают театральными критиками, искусствоведами, редакторами, а то и, чего хуже, писательницами, а вот беременными... Но на лице у критика-искусствоведа-редактора засияла внезапно такая простая, бабская, масленичная улыбка, сразу опростившая горбоносое, сухой лепки лицо, что у Леры отлегло от сердца.

– Да ты что! – взвизгнула она. – Правда? Представляешь, я так и думала, три дня как курить не могу, прямо не лезет! А девочка – это дочка моя, она у мамы в Волгограде живет, я хотела забрать, да боялась, не знала, как Николай посмотрит, теперь непременно заберу... значит, все хорошо будет... это тебе... ну, бери же... чего мало что ли...

К концу вдохновенного монолога интонационные паузы совсем изгладились из речи визитерши, зато в Лериной руке обнаружилась стодолларовая бумажка. Ах да, еще одно достижение – дама перешла на «вы», и тон ее стал гораздо более почтительным.

– Я-то думала, это все Милкины бредни... А можно к вам еще подруга моя придет?

Валерия согласилась и на подругу тоже, и с тех пор народная тропа не зарастала. Если

хозяйки не случалось дома – визитерши покорно ждали в подъезде и топтались возле подъезда, мыкались по детской площадке напротив, уныло сидели в летнем кафе, что за углом. Особо отчаявшиеся изливали душу консержке и друг другу. Наконец, под давлением общественности, Лера повесила на дверь табличку с часами приема. Пришлось.

Она оборудовала под приемную бывший отцовский кабинет. Там все словно предназначено было для мистических откровений – тяжелая дубовая мебель, непроницаемые шторы на окнах, темный ковер, скрадывавший шаги. Тут к месту оказались даже те диковинки, до которых большой охотник был отец, – их дарили ему друзья и знакомые: громадное чучело орла с белым клювом, вырезанный из дерева святой (древний-древний – много денег предлагал за него некогда чуть не такой же древний антиквар), посеребренная, как думала Лера, а на деле серебряная статуэтка: голая женщина, лежащая на спине льва (по слухам, некогда украшавшая коллекцию министра внутренних дел Щелокова), и сабля на ковре, и сам кроваво-красный ковер. Все это создавало атмосферу, как считала Лера. Ничего в обстановке она менять не стала, прикупила только совершенно ненужный хрустальный шар и поставила свечи в бездельные до сих пор бронзовые канделябры.

Она почувствовала вкус денег, ощутила пьянящий привкус той свободы, которую они могли дать. На радиостанции «Наше время», служа диджеем, она зарабатывала до смешного мало, деньги, присылаемые матерью, всегда были подотчетными. Первый раз в жизни Лера имела средства, которые могла тратить, как хотела. И она тратила – в первый раз, как в последний. Ей знакома и привычна стала и целебная прохлада СПА-салонов, и удушливая атмосфера парфюмерных бутиков, и бодряя одышка фитнес-центров, не говоря уже о пальмах, растущих за окнами мегамаркетов. Она остригла волосы и нарастила ногти, начала курить тонкие, как зубочистки, сигареты в изящных зеленых пачках и освоила новый голос, бархатно-глубинный, взяв за образец контральто Милы Чертковой, то есть Людки Сапожниковой! Марина не могла надивиться на перемены, происходящие с ее младшей подругой, и все хотела что-то выведать у нее, до чего-то докопаться. Ее общество стало Лере серьезно досаждать.

– Как ты можешь говорить с этими людьми так просто и свободно? Ты уверена, что это им во благо? Ты уверена, что твой дар – от Бога?

Лера передергивала плечами – тоже новый, недавний жест. Разговор происходил за традиционным вечерним чаем.

– Я говорю с ними, потому что они приходят и просят меня об этом. Я им не навязываюсь, не даю рекламу на телевидении типа «Мария, гадалка в третьем поколении, вылечит глаза, порчу и ушедшего мужа»! Хотя, может, и пора уже дать, не может же все предприятие держаться на сарафанном радио! А что касается Бога...

– Ты в церковь-то ходила? С духовником говорила?

Вопрос был поставлен ребром. Леру крестили в несознательном возрасте, дали ей при крещении чудовищное имя Евфросинья – хотя сейчас пошла такая мода на старинные, полузабытые русские имена, что это, пожалуй, можно достать и примерить. Окрестили, но православия не привили. Мама относилась к вере как к модной и красивой безделушке, которая, как и все безделушки, должна украшать, а не осложнять, не утяжелять жизнь. На Пасху пекли куличи, носили в храм святить. Медовый Спас, Яблочный Спас – вера должна быть радостной, верно? Ездили в Оптину пустынь, как на экскурсию. Никаких долгов за своей совестью Валерия не признавала и свое имя в крещении забыла, как страшный сон.

– Нет, не ходила. И ты прекрасно знаешь, как я к этому отношусь...

– Раньше-то ходила!

– Просто соблюдала традиции. Сейчас не хочу. Почему я должна советоваться с посторонним человеком о своих личных делах только потому, что он закончил, скажем, не экономический институт, а семинарию?

– Лера!

– Что – Лера? Советоваться с экономистом мне кажется более резонным! И нет у меня никакого духовника, мне помощник нужен, а не наставник!

– Моей помощи тебе мало?

– Не то, Марин. Мне дело нужно расширять. А скажи, с чего ты так озаботилась спасением моей души? Ты всегда говорила, что это личное дело каждого, что человек только сам может прийти к Богу, все свою бабушку в пример ставила?

– В таком тоне я не буду продолжать разговор, – заявила Марина и ушла.

Лера не пошла за ней. И без того хлопот по горло.

Про себя Валерия уже видела маленький уютный салон где-нибудь в тихом московском переулке, ночами придумывала для него интерьер – черное и белое, ничего лишнего, тихая музыка, струящаяся словно из далекого источника, и она сама, в продуманно-простом платье, непременно длинном, с воротничком под горло. Строгая прическа, загадочное лицо. Слухи ползут, распространяются – но ни в газетах, ни на телевидении о новой провидице пока нет ни слова. Где ученые, что стремятся исследовать этот феномен, где журналисты, умеющие говорить вдумчиво-прониновенные слова? Все эти блага придется оплачивать звонкой монетой, сейчас ничего просто так не делается.

Ох ты, как все это банально – и простое платье, и строгое лицо, и черно-белый дизайн салона! Но Валерия не видела этого, не могла видеть, не могла пожалеть о своем волшебном даре, который словно бы выводила на панель этими ухищрениями. А слова Марины только раздражали ее, и сама она казалась уже скучной, пыльной, протухшей в книжной пыли старой девой. Годами одевается одинаково, носит прямые черные юбки и белые блузки, обувь без каблука, не пользуется косметикой и не подкрашивает даже свои черные, прямые, жесткие волосы, в которых неожиданно стала пробиваться седина. И эти ужасные очки в старомодной оправе! А ведь могла бы быть так хороша со своим породистым профилем, изысканно-гибкой фигурой, плавными движениями!

Лера подарила Марине бледно-сиреневое трикотажное платье из дорогущего бутика – Марина повесила его в шкаф. Бордовые замшевые туфли на толстом испанском каблуке с разрешения Леры отнесла обратно и обменяла на точно такие же, замшевые, но черные и без каблука. От абонемента в салон красоты вежливо, но твердо отказалась. Даже духами (громадный флакон шанелевского «Шанса»!) не пользовалась. В общем, как бы была совсем и не рада свалившемуся на них благоденствию.

– Раньше было лучше, – поведала она Лере с интонациями стариков, что вспоминают, как «в наше время»... – Спокойнее как-то. А сейчас мы будто на пороховой бочке сидим. Люди эти, их беды, их потери, – они меня словно душат по ночам, я заснуть не могу...

– Да при чем здесь ты-то?

– Конечно, ни при чем, – согласилась Марина, странно на Леру покосившись.

– Они же ко мне ходят, меня и должны душить. Только я – сплю спокойно.

Лера покривила душой для успокоения своей старшей подруги. Спала она плохо. Удушье не удушье, а слишком богаты впечатлениями были ее дни, слишком много людей проходило через квартиру, оставляя следы своих аур – тревожные, глубокие следы. Впрочем, в ауру Валерия не верила. У нее другая была докука. Глаза. Большие и маленькие, обрамленные паутинками морщин и жесткими щетками накрашенных ресниц, веселые, грустные, опухшие от слез, сверкающие от избытка жизни, задумчивые серые, легкомысленные зеленые, покорные голубые, надменные карие... Эти глаза снились ей по ночам, сливались в один опустошающе бездонный глаз, и переливающаяся всеми цветами радужка разверзалась посередине черной дырой зрачка, и дыра эта грозила Леру засосать, закрутить черным водоворотом в неведомое. Кошка, всегда спавшая с хозяйкой, беспокоилась, ложилась ей на грудь, а как-то залезла даже на голову. Валерия проснулась словно в меховой шапке – животом Степанида легла ей на макушку, задние и передние лапы свесила вдоль лица, урчала изо всех сил, но и это не могло развеять тревогу.

«Я привыкну, – говорила она себе утром, старательно не глядя в зеркало. Уже привычно, как бы следуя негласному договору со своим даром, она не смотрела в собственные глаза, не желала нарушить блаженство первоначальной грезы. – Я привыкну, как привыкают к своей работе, наверно, врачи. Им невозможно думать о страданиях каждого

пациента, захлебываться его болью и сомневаться его сомнениями. Тогда они просто не смогут лечить. Я преодолею эту слабость, я стану профессионалом. А профессионалу не стыдно получать деньги за свою работу».

Но было и еще что-то, не дававшее ей спать. Двадцатилетнее сердце, горько обманутое один раз, теперь требовало своего, больно стучало ночами – любить, любить! И тот человек из видения приходил в ее сны все чаще и чаще. Он звал и искал ее. Его звали Мрак, но облик его был полон света. В этих снах он всегда был один в огромном полутемном помещении, а из углов наползали уродливые тени. Он звал ее, а она мучительно не могла откликнуться, не могла прикоснуться к нему... Его облик она знала уже наизусть – высокие скулы, драгоценные золотистые глаза, горько изломанный рот...

– Ты мне позвонишь? У тебя есть номер моего телефона. Возьми и позвони. Просто так, потому что я понравилась тебе... – шептала она, просыпаясь.

Она давно собиралась уволиться с работы. Все человечество для нее разделилось на людей, что знали ее «до» и на тех, кто знает и еще узнает «после». Общение с первой категорией стало невыносимым. По коридорам офиса ползли шепотки, она слышала разговоры за спиной. Раньше она дружила с Аленой Касаткиной – журналисткой и ведущей новостей. Она была профессионалом, на особом счету у руководства, на вес евро ценились лаковые интонации ее звучного голоса. Сама же Алена была дурна собой – не толстая, но рыхлая и тусклая, как шляпка бледной поганки. Нарушенный обмен веществ давал знать о себе неизводимым, плесенным запахом пота и багровыми пятнами прыщей, раскиданных по ее лицу и плечам. Валерию поражало неистощимое жизнелюбие, оптимизм и добродушие приятельницы, она не раз говорила себе, что, будь она похожа на Касаткину, ни за что не смогла бы так улыбаться, шутить и болтать, как она, а надела бы паранджу и сидела всю жизнь дома. В ванной. Не зажигая света.

– Лерчик, как дела? Слышали-слышали про твои приключения, все потрясены, у дверей офиса уже очередь! Все девчонки из рекламного отдела кусают ногти, ждут не дождутся, когда ты осчастливишь их пророчеством! – такими словами приветствовала Касаткина Леру, когда та впервые появилась на службе.

В голосе ее слышались одновременно сарказм и любопытство, и Валерия поняла – Алена жаждет быть первой в этой очереди. Для сотрудниц, для всех этих журналистских и рекламных девочек, ее чудесный дар, подарок летней грозы, был чем-то вроде умения гадать на картах. В обеденный перерыв, в убогой офисной столовой или в кафе за углом, на краю усыпанного крошками столика раскладывались карты, обычные или Таро, в зависимости от амбициозности гадалки, девочки обступали ее, и она пророчила – марьяжный интерес трефового короля, козни бубновой свекрови, бесконечно долгую дорогу в казенный ЗАГС. Вот это как раз для них, ничего важнее этого все равно не будет! Что, что они хотят узнать?

Но чтобы избежать конфронтации (в этом коллективе стычки вспыхивали, как порох, и были ужасны, как лесные пожары), ей все же пришлось «продемонстрировать» свое новое умение. Товарки смотрели на нее разинув рот, словно она была какой-то диковинкой, занятой, немножко страшной, но... Ничего особенного, чего в жизни не бывает! И пророчества им были выданы такие же, стандартные. У Верочки родится дочка, а не сын, как утверждает УЗИ. Рита выйдет замуж в преклонных годах. Нет, не в первый раз. Надменная красотка Александра заполучит сложный перелом ноги и долгое, но благополучное, естественно, выздоровление. Умненькая Катя должна продолжать учебу в аспирантуре, ей светит неплохая научная карьера. Наташа наконец найдет общий язык со своей свекровью, но только после того, как суровая вдова-абхазка возьмет на руки своего первого внука.

Мелкие радости, мелкие горести. И только в одних глазах, зеленый цвет которых был словно щедро разбавлен водой, она увидела нечто, поразившее ее. В глазах некрасивой Алены Касаткиной был большой дом, кованный фонарь над входом, а на резном крыльце – сама Алена. В свободном голубом платье, с распущенными пепельными волосами, она выглядела посвежевшей, похорошевшей и совершенно счастливой. И она была не одна – по изумрудной лужайке бежали к крыльцу две девочки-близняшки, словно сошедшие с крышки

конфетной коробки, а с ними, весело взлаивая, золотой пес породы ретривер.

Лера вынырнула из золотисто-зеленого сияния Алениных глаз и не узнала их обладательницы. словно приукрашенная неизвестным ей видением, Алена преобразилась и похорошела. Оказалось, что у нее изящная шея и пышная грудь, боттичеллевски нежные черты лица и прекрасные серебристо-пепельные волосы. Откуда взялось все это, где раньше пряталось? И смотрела она с еще более украшавшим ее трепещущим, переливчатым ожиданием, нужно было что-то говорить!

– Я видела тебя на крыльце чудесного дома. На лужайке у дома играли две девочки-близнецы и ретривер, – произнесла Лера, причем ей пришлось сначала откашляться. Вышло ужасно, бесцветно, недостоверно. Касаткина могла бы подумать, что новоявленная пророчица хотела скрыть от нее какое-то ужасное откровение и выдумала эту конфетную идиллию... Но она поверила сразу.

– Я знала, – выдохнула она, обдав Леру затхлым запахом изо рта. – Я всегда чувствовала. Я вижу это как наяву. Дом, и фонарь над крыльцом, и крыльцо резное, да? И у меня семья, две дочки, собака...

Чудесные хрустальные слезы покатались из ее глаз, и в удивленной тишине, в дамском туалете офиса, Алена громко и радостно зарыдала. Эти всхлипывания разбили молчание, девчонки загомонили, обступили, стали гладить ее по плечам, хватать за руки... Но громче всех прозвучал ласковый голос Леры, словно черти ее за язык тянули, и заговорила-то она с интонацией Милы Чертковой:

– Может быть, ты закончишь карьеру журналистки и станешь няней в богатом семействе?

Гомон и рыдания прекратились, как по волшебству, девушки расступились, а Лера почувствовала, как мучительно она краснеет, не только лицом, но даже спиной. А Касаткина ничего не сказала. Повернувшись всем телом, она отыскала свое отражение в мутном зеркале. Там, полураскрыв рот, выпучив стеклянные глаза, плавала бесформенная, бледная рыба с уродливыми багровыми наростами на морде. Она только кивнула и медленно выплыла в двери...

А Лера услышала тонкий звон – то ли разбилось глупое сердце Алены, то ли кто-то невидимый, безжалостный рассмеялся над ними обеими...

И с тех пор Касаткина ни разу не подошла к Лере, не заговорила с ней, даже не смотрела на нее. Можно было бы поговорить с ней, извиниться, повиниться в дурацкой зависти к чужому, будущему счастью... Но заодно Валерию начали бойкотировать и девчонки, свидетельницы «драмы в туалете», как про себя насмешливо сформулировала Лера. А перед ними не наклоняешься, у всех прощения не напростишь, да и нужно ли это? Где они, а где Лера?

Но, надо признать, порой бывало тошненько. Утешало лишь то, что высокомерная фифа Александра умудрилась поскользнуться на банановой корке, как в фильме «Бриллиантовая рука», и теперь лежит в больнице с аппаратом Елизарова на очаровательной нижней конечности...

И как только спала липкая жара и запахло нежнейшей осенней горечью, Валерия с работы уволилась. Ее не удерживали, не уговаривали остаться – в последнее время она была небрежна, опаздывала к началу эфира, огрызалась в ответ на самые мягкие замечания. Девушка явно готовила себя к другому занятию, более прибыльному и увлекательному.

«Занятие» пока заключалось в том, что Лера подыскивала площадь для своего будущего салона. Подходящих мест не находилось – то они располагались слишком далеко от центра города, то стоили слишком дорого, то выглядели очень неприглядно. Но удача ей все же улыбнулась. Не откладывая в долгий ящик, Лера позвонила в фирму, что сдавала подвальчик, попросилась посмотреть. Весело собиралась, раскидала по всему дому тряпки и косметику. Марина мрачно наблюдала за ее сборами.

– Зачем тебе это нужно? Представь, какая возня, нужно будет что-то оформлять, лицензию получать... Ты хоть представляешь, куда тебе идти?

– Все учтено могучим ураганом! Марин, сейчас существуют фирмы, которые занимаются регистрацией фирм...

– Которые сами занимаются регистрацией фирм, – закончила за нее Марина. – Я уж не знаю, что с тобой делать и как разговаривать.

Тоска! Все эти люди, которые «не знали, что делать и как разговаривать», – они же просто завидовали Лере, завидовали ее известности, славе, деньгам, да и красоте, в конце концов. Ну да! Это же так понятно, почему Марина не хочет носить все те чудесные вещи, что Лера ей дарит. Она, в сущности, старая уже, а у Леры все впереди. Она не может потратить свою жизнь и свой Дар (именно так, теперь даже в мыслях с большой буквы), растратить, похоронить в глубине старой питерской квартиры. Она должна стать известной, не для славы и даже не для денег, а только для того, чтобы Он скорее нашел ее...

К новым темно-розовым туфелькам ни одна сумка не подходила. В следующий раз она будет покупать обувь в таком магазине, где сразу подобран комплект – туфли, сумка, кушачок, какое-нибудь украшение. А пока она отыщет летнюю соломенную сумку, на ней тоже такие розовые цветочки наклеены, будет хорошо. Она даже не вспомнила, что именно эта сумка была у нее в руках в тот, роковой день, именно она упала, звякнув, рядом с Лерой на мокрый, сияющий асфальт. Вспомнила только, когда открыла «молнию», удивленная объемом сумки и странным звуком, невнятно донесшимся из нее.

Посох дождя. Старинный ирландский инструмент, благодаря которому в Ирландии всегда дождливо. Сухая тыква, проданная ей человеком по имени Ангел, она предназначалась в подарок Макс, но осталась у Леры. Пересыпаются горошинки – вот робкие капли дождя, вот буйная пляска пузырей в лужах, вот дождь превращается в шумный ливень, а вот и звучит отдаленный раскатистый гром. И молния сверкает...

Лера протопала в туфельках по ковру, водрузила посох на самое козырное место, на старинную горку с посудой. Пусть будет ее талисманом.

Фирму «Посох дождя» удалось зарегистрировать без мучений и хождений, никто даже особенно не удивлялся. Видно, в Питере и не такое видали. И подвальчик Лера сняла легко и быстро, оплатив аренду за три месяца вперед. С деньгами стало туговато, поджимали финансы. В хлопотах она упустила из виду то главное, о чем мечтала, – внутреннее убранство салона, все то, что должно создать особую атмосферу. На это средств уже не хватило, пришлось декорировать тем, что было под рукой. А под рукой нашлось немало!

В сущности, нанятая Валерией площадь была просто однокомнатной квартирой в цокольном этаже, только располагалась удачно – на тихой древней улочке, но по соседству с шумным проспектом. Лере нравилось думать, что, должно быть, в такой же квартире жил Мастер. Он писал свой роман, а в окна заглядывали ветки акации, и Маргарита, прибегая на тайное свидание, носком туфельки стучала в стекло. Только дело, кажется, было в Москве?

В салон, который тоже, разумеется, назывался «Посох дождя», Лера притащила из дома все, что могло «создать настроение». По счастью, предыдущие жильцы, неизвестно с какими целями, оклеили стены темно-фиолетовыми обоями. Что побудило их к этому таинственно-мрачному поступку, осталось для Леры тайной. При нынешнем изобилии можно выбрать обои на любой вкус, ну неужели кто-то в состоянии жить и не спать в этой фиолетовой коробке? Особенно заметные пятна на стенах были завешаны картинами. Стол и кресло переехали из отцовского кабинета, их Лера задрапировала черным бархатом. Бархат когда-то покупала мать, мечтала сшить себе вечернее платье, но куски оказались разными по оттенку. Лежала ценная ткань в запаснике и долежалась до своего часа. Подсвечники, статуэтки, хрустальный шар, восточные благовония, бронзовый колокольчик вместо дверного звонка и тихая, загадочная музыка из невидимых колонок. Лера устраивалась вдохновенно, но Марине все равно не понравилось, не угодишь ей!

– Девочка моя, а тебе не кажется, что все это немного банально и пахнет шарлатанством? – спросила она, осмотрев восхитительно-загадочную обстановку салона.

Валерия не поняла, и Марина пояснила свою мысль:

– К таким ухищрениям прибегают те, кто на самом деле не имеет сверхъестественных

способностей, кто хочет с помощью подручных средств создать клиенту настрой, попросту запудрить ему мозги. Тебе же, если ты действительно способна читать будущее по глазам, нет нужды в театральных декорациях. Может быть, светлая комнатка, живые цветы, чистые, прозрачные краски выглядели бы уместнее...

– В этом подвале света нет. Даже солнечным днем с открытыми шторами, – сообщила Лера.

– Кажется, ты искала именно такой?

Подруга не только раскритиковала салон – она еще и наотрез отказалась занять то место, что предназначила ей Лера! По ее замыслу Марина будет отлично выглядеть на ресепшне – отвечать на звонки, записывать клиентов, принимать от них деньги, быть может, варить для Леры кофе в маленькой кухоньке... Нанимать чужую девицу не хотелось, придется учиться ей доверять.

– Ну неужели в твоей библиотеке тебе нравится больше? – допытывалась Валерия.

– Да, больше. Я работала там всю жизнь.

– Они же тебя сократили. Помнишь?

– Помню. Но это не со зла, не из желания испортить мне жизнь. Просто тогда сильно урезали бюджет. Время такое было, тяжелое. В конце концов, я же нашла себе работу и не пропала с голоду, а как только финансирование вернулось в прежние рамки, они сами мне позвонили и позвали назад. Директриса Алла Ивановна сказала так торжественно: «Добро пожаловать, Мариша, обратно в нашу дружную семью!»

– Потому ты и замуж не вышла. В этой вашей дружной семье одни женщины.

– Не скажи! А Кончик?

Обе рассмеялись, словно и не было между ними размолвок. Про Кончика Марина рассказывала Лере не раз. Пожилой мужчина служил в библиотеке гардеробщиком. Он был большим любителем большой политики и каждого, кто не успевал улизнуть, старался втянуть в дискуссию о положении дел в секторе Газа, причем для пущего интереса всегда занимал позицию, диаметрально противоположную точке зрения собеседника. Еще Кончик читал политические статьи в газетах, а высшим наслаждением было для него обсуждение какой-либо серьезной аналитической телепередачи, вроде воскресного «Времени» или почивших в бозе «Итогов».

– Вот видишь, чем не жених, такой не даст соскучиться. Потом, знаешь, к нам ходят интересные мужчины. Ты права, женщин больше. Но к тебе за пророчествами вообще одни женщины ходят!

– Это временно, – улыбалась Лера.

Она была уверена в успехе. Кроме того, она чувствовала, что Марина может переменить свое решение. Она так печется о младшей подруге, она захочет, чтобы та «была у нее на глазах». Так говорила Марина Валерии, когда выводила ее, маленькую, гулять в чахлый скверик. Песочница, качели, лесенка, скамейка. «Гуляй где хочешь, но будь у меня на глазах». Сквер, что измерялся и в длину, и в ширину тридцатью шагами, казался Лере огромным и полным волшебных тайн.

ГЛАВА 6

Оказалось, найти секретаршу не так легко. Первая явившаяся кандидатка обладала такой модельной внешностью, что Лера почувствовала себя гадким утенком и вынуждена была ей отказать. Вторая очень смущалась на собеседовании, к тому же слегка заикалась. Третья с порога заявила, что претендует на оклад в тысячу долларов. Четвертая была не лучше – расспрашивала потенциальную начальницу о перспективах своего карьерного роста, искренне не понимая, что повысить ее Лера может, только предложив свое место. Пятая девица оказалась молоденькой готкой – черные губы, черные ногти, медальон с Оззи Осборном и перстень с оскаленным черепом. Тем не менее в разговоре готка проявила здравый смысл и продемонстрировала хорошие навыки, и Лера подумывала утвердить ее в

должности своей помощницы, но тут объявилась шестая. Вернее, шестой.

– Мужчина-секретарь! Ну, Лерочка, ты даешь стране угля! – весело удивлялась Марина.

Шаткое перемирие подруги тихонько отмечали в скромной пиццерии – в модный японский ресторан Марина отказалась идти.

– Я только сегодня видела в новостях сюжет о девушке, отравившейся суши. Ботулизм страшная штука, ей повезло, что она выжила. К твоему сведению, в Японии суши – обычный фаст-фуд, примерно как булка с сосиской. И служат поварами у нас в ресторанах не японцы и даже не китайцы, а выходцы из Казахстана. Два месяца их учат, а потом они идут сворачивать бубликом сырую рыбу!

– Это же модно, весь Петербург ест суши! А в этом ресторане, кстати, сам Евгений Мордовин бывает...

Но даже имя любимого актера не смягчило Марину.

– У него свои друзья, пусть у них и болит голова о его здоровье!

Заканчивали спор уже за столиком в пиццерии, под рентгеновским взглядом официанта. Но пицца и вино оказались вкусными, хорошими, и Валерия порадовала Марину новостями.

– На что он хоть похож, твой помощник?

– На повзрослевшего Гарри Поттера. Seriously, копия Дэниел Редклифф. Очки, шевелюра восторженная, улыбка обаятельная. Только ростом примерно с табуретку. Хорошенький, как куколка, Лешечка зовут.

– Уже и Лешечка? А кто клялся, что будет держаться от мужчин подальше?

– Это не мужчина. Так, забавная зверушка. Вот, Ма-риш, смотри, я себе визитки заказала.

Визитки были очень простые – Лера уже успела кое в чем разобраться. Гладкий серо-серебристый картон, строгий шрифт: Валерия Новицкая. Ясновидающая. В уголке визитки хорошо бы было разместить логотип салона, но Лера слишком торопилась заказать карточки, чтобы искать дизайнера, объяснять ему, чего именно она хочет, следить за работой и выбирать варианты. Может быть, так даже лучше – просто название «Посох дождя», адрес и телефон. Потом она закажет логотип и, наверное, даже подберет девиз из книги крылатых латинских выражений. Девиз – это шикарно, это как на рыцарских гербах. Об этом стоит подумать.

Несмотря на трудности и тяготы последних дней, несмотря на страх сделать что-то не так, допустить неисправимую ошибку, отклониться от того маршрута, который она так четко для себя обозначила, Лера все же чувствовала себя необыкновенно счастливой и свободной. Эта свобода походила на одиночество, это счастье – на блаженный эгоизм. Она знала – никто не думает о ней, и назойливая подчас опека Марины не разрушала, а странным образом подкрепляла это знание. И она не хотела думать ни о ком...

Она старалась не думать о том видении, о той судьбе, что сама себе нагадала. До сияющего чертога, до вечерних платьев от кутюр и бриллиантов было все так же далеко, как и раньше. Но дальше всего было до него – до человека, явленного ей. Неужели это и в самом деле Мрак? Не похоже. А если это он, то почему не пленился ею с первого взгляда, не пал к ее ногам по всем канонам любовного романа? Перестать, перестать думать о нем! Но если она перестанет думать хотя бы даже так – безнадежно, влюбленно, горько, то путеводная ниточка оборвется. И она останется одна в этом мире, потерявшем реальность, в черной тьме чужих-то чужих зрачков.

Но она ошибалась, полагая, что он не думает о ней, – его мысли и чувства она занимала, как никто другой. Просто... У него были свои странности. Он и в самом деле не походил на героя любовного романа, вовсе не собиравший падать к ее ногам и сторонился людей вообще. Станный человек, при первой встрече внушивший ей страх, при второй не старавшийся рассеять это впечатление.

Его все звали Мрак – хотя это не было его именем. Дурацкий, напыщенный псевдоним,

наспех придуманный им в самом начале профессиональной деятельности, он вел его по жизни и задавал тон всем начинаниям своего обладателя. Этот псевдоним уже появился в титрах многих передач и документальных фильмах, но вот что странно: все работы Мрака были объединены вполне определенной тематикой. Эпидемии и катастрофы, войны, и человеческая жестокость, и нищета... Вот что попадало в беспощадный глазок камеры Мрака. Он стал известен после документального фильма, повествующего о людях, живущих на свалке. Колония человекообразных, обитающая среди отбросов мегаполиса, существовала по собственным законам. У нее были свои грешники и святые, гении и злодеи, красавицы и чудовища, олигархи и изгои. Эти существа ели, пили, любили, болели, умирали и хоронили друг друга тут же, в горах мусора. Не все из них были алкоголиками, а некоторые имели в городах семьи и даже ухитрялись им помогать. Огромный город изрыгал массу полезных вещей, которые еще можно было использовать, – просроченные лекарства, косметику, пищу. Главное, конечно, продукты. Богатые люди выбрасывали почти новую одежду, обувь, мебель, бытовую технику. Порой жители свалки находили деньги и драгоценности. Все это можно было продать, передать родне, употребить самим. Свалка – это поле чудес – кормила, грела и хоронила своих обитателей, но не выпускала их из своих зловонных объятий. Никто из попавших туда уже не возвращался в нормальную жизнь.

Но что считать нормальной жизнью? Когда съемочная группа отправилась перекусить в автобус, Мрак не пошел с ними. Кусок сейчас не пойдет в горло никому, обеденный перерыв – всего лишь маскировка для легкого «под-даво́на», как выражался помреж. Сейчас достанут из-под сиденья бутылку, разольют по пластиковым стаканчикам, опрокинут в глотки теплую, скользкую водку. Мрак поморщился. Он не пил, не любил хмельных, ненавидел пьяных.

Симпатичного оператора пригласила к себе местная примадонна Тамара. Там, в обычном мире, Тамара считалась когда-то красавицей – полная, свежая, с гладким и правильным лицом, нежным и певучим голосом. Когда-то у нее было свое жилье, уютная квартирка, заставленная мягкими пуфиками, обшитая рюшками, пахнущая сладкими пирожками и сладкими духами. Тамара преподавала сольфеджио в музыкальном училище и была одинока – замуж не вышла, родители умерли, сестра с семьей жила в провинции. Все свободное время Тамара отдавала друзьям. Она умела и любила принимать гостей, организовывать пикники, готовить еду и подбирать напитки. Последние и погубили учительницу сольфеджио. Начиналось все с бокала тонкого вина во время дружеского застолья, с бутылки пива на природе. Потом у Тамары появилась привычка выпивать на ночь рюмку коньяку – для крепкого сна. Уровень жидкости в бутылках, стоящих в баре, понижался стремительно. Тамара пила не только на ночь, но и днем, потягивала вино, сидя перед телевизором. Во имя экономии она перешла на спиртное классом ниже, ценой выше. Пару раз она являлась на урок нетрезвой. Руководство училища подумало-подумало, да и уволило по сокращению спивающуюся сотрудницу. Первый шаг за порог родного училища стал для Тамары последним шагом в пасть зеленого змия. Назад пути не было. Теперь у нее появился толковый повод «утешаться» алкоголем, теперь женщина прикладывалась к рюмке с утра. Ее сестра, общавшаяся с Тамарой только по телефону, но сделавшая абсолютно правильные выводы о ее состоянии, забеспокоилась. С миссией «Спасти тетю» из города Краснодара выехала в туманный Петербург племянница Нина. Она оказалась молчаливой, серьезной девушкой, быстро устроилась работать в супермаркет кассиршей, два раза в день протирала в квартире полы и спала на краешке дивана в гостиной. Однако бутылки из бара и холодильника выбрасывать почему-то не спешила...

Что произошло потом, как Тамара оказалась в комнатке коммунальной квартиры, – женщина не помнила. Документы свидетельствовали, что обмен был произведен совершенно законно, по взаимному согласию сторон. Да только вот беда – из этой комнаты бывшую учительницу сольфеджио выселили. Оказалось, она была не куплена, а снята на два месяца. Тамара оказалась на свалке, сама не зная как. Впрочем, болезнь ее пришлась в унисон

здешней атмосфере. Женщина не только не пропала, но процветала, став королевой этого микрокосма. У нее был почти настоящий дом – ярко-оранжевая палатка, не без кокетства убранная, в которую она с гордостью проводила гостя.

– Вот тут спальня моя, – сообщила она гостю, широким жестом указывая на гнилой матрас, укрытый обрывками цветастого покрывала. – Садитесь прямо сюда, не стесняйтесь. Простите, стол не убран с обеда... Желаете закусить?

На столе – дощатом ящике – стояла полупустая банка красной икры, валялись вперемежку куски хлеба, шоколадные конфеты, огрызки бисквитов.

– Мы хорошо питаемся, вы не думайте. Вот икорка – срок годности месяц как вышел, а что ей станет за месяц? Про шоколад я уж и не говорю, там портиться нечему. Грешна, люблю сладенькое, потому и полнею. Вот смотрите на меня и, верно, думаете – экая толстуха! Но ничего, держусь, держусь в форме. Смотрите, тут у меня одежда, нет-нет, это белье, мужчинам нельзя. А тут косметика, вся французская. Духи тоже французские, вот даже флакон непочатый. Это я для Ниночки храню, для племянницы. Вот пойду к ней в гости и подарю...

В палатке и в самом деле стоял запах духов – печальный, горьковатый запах, смешанный с вонью отбросов, немытого тела, тяжелой болезни. Мрак не сводил глаз с женщины, что, бормоча, раскидывала по матрасу какие-то тряпки. Тамара была немногой из обитателей свалки ухитрившейся сохранить человеческий облик. Несмотря на постоянную нехватку воды (самая большая драгоценность местного Клондайка!), несмотря на дурную пищу и воздух, она все еще выглядела прилично и пристойно, все еще была хороша собой, как помятое яблоко-паданец. Мрак вдруг представил, что вот он останется здесь, на помойке, будет жить в оранжевой палатке с этой женщиной, пить дрянную водку, питаться отбросами... И знать, что теперь он на своем месте. Он мог бы стать таким же... Что он сделал в своей жизни? Кому помог? Он хуже даже той племянницы Ниночки, выгнавшей из дома больную алкоголизмом тетку. Хорошо бы начать пить водку – должно быть, очень приятен хмельной туман, дарящий злое веселье и глухое забвение.

Но пить Мрак не начал. Он ушел в работу, как пьяницы уходят в запой. Работоспособность его была фантастична. Он соглашался на все проекты, а на какие проекты его стоит приглашать – об этом уже было известно всем. Он много работал и много зарабатывал, но никто не знал, на что он тратит деньги. Константин Мрак годами носил одну и ту же потертую кожаную куртку, не появлялся в знаковых ресторанах и на тусовках, у него не было ни машины, ни подруги, ни семьи.

– Не человек, а черная дыра! – высказывалась по адресу своего напарника Мила Черткова – единственный человек на свете, который мог бы назвать себя приятелем Мрака.

Она не раз заезжала за оператором, чтобы забрать его «на сюжет», и навсегда запомнила свой первый визит в Марьину Рошу, где в однокомнатной квартире жил Костя.

– «И глубоко впечатление в сердце врезалось ему», – цитировала она, делясь воспоминаниями с подругой, интересовавшейся немногословным, атлетически сложенным красавцем оператором.

По словам Милы, жилье Кости выглядело, мягко говоря, странно. Из привычных глаз предметов обстановки в комнате имелся только музыкальный центр – огромный, роскошный, со всеми наворотами, он стоял прямо на полу. Вокруг были раскиданы диски – Бах, Моцарт, Бетховен, Вивальди, Глюк, Вагнер... Вагнер и Бетховен держали пальму первенства по количеству записей. Телевизор отсутствовал. Очевидно, Мрак не был честолобив и не смотрел ни фильмов, ни передач, созданных при его участии. Там, где положено в нормальном доме стоять телевизору, лежали груды книг. От скуки Мила одну взяла и раскрыла, но тут же положила обратно – по ее словам, книга выглядела очень странно, а что в ней такого странного, она внятно объяснить не смогла.

– Сатанинская, что ли? – интересовалась неумная подруга, подозревавшая, очевидно, Мрака в служении силам зла.

– Да сама ты сатанинская! Понимаешь, в ней буквы были не напечатаны, а выбиты,

словно иголочками наколоты.

Были, впрочем, в груди и обычные книги. Мила нашла «Мертвую зону» Стивена Кинга и присела на краешек застеленной кровати, стараясь не нарушить армейски строгих складок серого шерстяного одеяла. Кровать оказалась жесткой. Полистала книгу, но вскоре соскучилась и пошла в кухню. Мрак, уже десять минут как извинившись, удалился в ванную и одежду туда же унес. К слову, шкаф в квартире тоже отсутствовал, вещи висели на гвоздях, вбитых в стену, и было этих вещей не так чтобы очень много.

– У тебя есть что-нибудь попить? – крикнула Мила, поравнявшись с дверью в ванную, из-за которой доносился влажный шорох душа.

– В холодильнике, – коротко ответил Мрак.

В кухне было очень чисто и очень неуютно, как в отделении хирургии. Две кастрюли – маленькая и очень маленькая, сковорода, глубокая миска и мелкая тарелка, кружка и столовый прибор, прозябающий в сушке, были из нержавеющей стали. На столе, накрытом клеенкой в шахматную черно-белую клетку, лежал большой, отлично наточенный нож. Мила поежилась и открыла холодильник. Холодильник, видно, был операционный – идеально чистый, залитый белым светом, он таил в своих стерильных недрах пакет молока и пакет апельсинового сока, упаковку минеральной воды, овощи в лотках, яйца и йогурты. А где пиво, где копченые колбаски, где скелет курицы гриль, приобретенной в уличном ларьке и объеденной две недели назад? Где грязная посуда в раковине и шустрые тараканы? Где, черт побери, батарея пустых бутылок у окна, где переполненное мусорное ведро? Быт Мрака разрушал представления Милы о холостяцком жилье. Она полагала – да что там, частенько ей приходилось бывать в гостях у богемных режиссеров, актеров, сценаристов. Почти все они, следуя современным веяниям, пропагандировали здоровый образ жизни, говорили о диетах и хором любили салат из рукколы, но жили как свиньи, а модная руккола вяла в холодильнике, потому что плохо сочеталась с виски и водкой.

– Куда он, интересно, деньги деваает? – мечтательно интересовалась подруга Милы. – Он же здорово зарабатывает! Ты меня ему наверти, ладно?

Мила согласилась, но вовсе не потому, что считала свою вздорную подругу Карину идеальной парой для Мрака, а просто из интереса. Наверт был оформлен изящно – подвозя оператора домой после съемки у ясновидящей, которую шандарахнуло молнией, Мила объявила, что сегодня у нее как раз день рождения.

– Но я совершенно не настроена собирать компанию. Шум, бардак, похмелье – а потом что? Пустота... Может, посидим где-нибудь вдвоем?

Костя покивал – Мила все же умела найти слова убеждения именно для него. Через десять минут они подъехали к ресторанчику, где их уже ждала Карина. Если Мрака и удивило присутствие подруги – ведь предполагалось «посидеть вдвоем», то он не показал виду, азартно листал меню, с удовольствием ел мясо и смешил дам байками из операторского быта. Карина выпила для храбрости три коктейля, Мила – два, Мрак не пил вообще. Расхрабрившись, Карина пригласила Костю танцевать, хотя никто вокруг не танцевал, да и музыка была неподходящая. Мрак с улыбкой согласился, но, вернувшись к столику и усадив партнершу, заявил, что должен откланяться, и подозвал официанта. Корректно пресек возражения, заплатил по счету и оставил чаевые. А потом ушел.

– Чего ты его плясать потащила? Ты что, совсем ничего не соображаешь? Разговор бы какой-нибудь завела – новый роман Кинга, классическая музыка... Я ж тебе говорила, рассказывала о его интересах!

– Ой, да я не знаю, что страшнее – Кинг или эта ваша классика! Нет, Людк, ничего не может быть надежнее старых добрых танцев-обжиманцев!

– Ну ты и ду-ура! Помогли тебе танцы?

– Помогли бы. Просто место выбрали неудачно. В другой раз затащим его в клубешник какой-нибудь.

Но Мила прекрасно знала, что «другого раза» не будет. Знал это и Мрак. Однако разбитная подружка Чертовой, сама того не зная, разбудила в нем темную телесную тоску.

Одиноким, застенчивым и гордым, как все сироты, Костя не знал женщины, не представлял обстоятельств сближения с ней и боялся обнаружить свою несостоятельность. Раньше пронзительные приступы любовной тоски вспыхивали и гасли в нем, как едко-розовые огни пакостного магазинчика «Интим» напротив окон его дома, теперь же тоска угнездилась надолго, не давала спать, гнала прочь из дому, в жарко дышащую летнюю ночь. И впервые у этой муки вырисовалось, обозначилось лицо – широкоскулое личико с острым подбородком, нежными голубыми тенями под глазами, детским искусанным ртом.

Он начал делать глупости. Приехал как-то душным, парным, жужжащим и гудящим в жасминовых кустах вечером к дому Валерии, два часа просидел на скамейке в скверике. Незаметно спустились сумерки, на скамейку напротив уселись парень и девушка и сразу же крепко сплелись, прижались друг к другу. Она пригнула коротко стриженную голову ниже его плеча, припала к груди. Он обнял ее обеими руками и прижал к себе. Так и застыли, не говорили, не шевелились. Юбка девушки сидела низко на бедрах, и поверх блестящего ремешка виднелась белая кружевная полосочка. И было в этом кусочке белья, о котором она не знала, что его видно, что-то необыкновенно трогательное, волнующее. Мрак долго на них смотрел – изумленно и радостно, как смотрит на пролетающих мимо окна голубей домашний кот. А они все не двигались.

– А ведь она, эта Валерия, тоже могла бы так – наклонить голову и прижаться, – говорил он себе, ворочаясь на своей жесткой койке. – И может быть, она не стала бы смеяться, и дышать мне в лицо алкоголем, и торопить меня... Может, она дала бы себе время получше узнать меня, и принять целиком, и понять, и пожалеть.

Отчего Мраку казалось, что она умеет понимать и жалеть? Обычная девушка. Не злая, не добрая. Не дура, не умница. Даже не красивая. Он мог бы счесть ее обычной свистулькой, которой ни за что ни про что обвалился чудесный дар. Сможет ли она им воспользоваться – пусть не во благо, но хотя бы не во вред людям да и себе самой? Кто пожалеет ее саму, кто ее защитит?

ГЛАВА 7

– И все-таки удивляюсь я, госпожа Валерия! Казалось бы, все газеты, все каналы должны только о вас и кричать, звонить на весь свет. Ясновидящая новая объявилась! А в СМИ – тишина, пара заметок и один сюжет... Не постигаю.

– А что тут, Лешечка, постигать? То самолет упадет, то террориста взорвут – некогда СМИ на меня внимание обращать. Сейчас все проплачивать надо. А я пока не могу, не имею возможности. Как у нас с выручкой сегодня?

– Так себе...

– Вот то-то и оно.

Рядом с этим мальчиком Валерия чувствовала себя необыкновенно взрослой и по-житейски мудрой, потому разговаривать с ним было делом приятным. Вошли в обычай вечерние беседы на кухоньке. Лешечка варил кофе на плите с одной действующей конфоркой, подливал в чашки по столовой ложке коньяку и, примостившись на единственном табурете, ждал госпожу. «Госпожа Валерия» – так он по собственному почину начал Леру звать, сначала в телефонных разговорах с клиентами, потом, не встречая сопротивления, и при личных беседах. Это было стеснительно и приятно, как щекотка. Лера приходила, мимоходом запирала дверь – рабочий день кончился. Лешечка вскакивал, чтобы уступить ей табурет, но она царственным жестом усаживала его обратно и грациозно вспархивала на стол. Так они и сидели – он за столом, она на столе, изящно скрестив ножки, пили кофе до одурения и болтали о всякой всячине – в основном о Лерином необычайном даровании и прочих ее достоинствах, обсуждали клиентов и рассказывали друг другу бесконечные байки, всегда касающиеся денег и внезапного обогащения. Эти беседы затягивали – и сами затягивались допоздна. Возвращаясь домой, Лера чувствовала себя как бы под хмельком. Ей льстила явная, но немая влюбленность этого мальчонки, влюбленность,

окрашенная в тона поклонения. Он высоко оценивал ее поступки, внимательно прислушивался к словам и запоминал малейшие движения души.

– Помните, мы с вами вот так же сидели в среду, и вы сказали: «Все любят говорить о подвиге, о долге, но в жизни каждого человека наступает момент, когда он должен позаботиться о себе сам»? Я думал об этом всю ночь.

Кроме того, он считал ее красавицей. Как-то Лера ненароком подслушала его личный разговор по телефону – просто сняла трубку в своем кабинете, а Лешечка говорил из приемной. Он описывал свою «госпожу» какому-то приятелю, не скупясь на высокие эпитеты. А приятель – вот циничный тип – поинтересовался еще, не собирается ли Леша «затащить в постель» свою начальницу, и глумливо желал ему удачи.

– Да что ты! Кто она, а кто я! – был ему ответ.

Лера тоже так считала. О романе с Лешечкой и речи быть не могло, чего стоили только его не по-мужски маленькие лапки, его манера прищипывать зубом и носить в нагрудном кармане, рядом со сверкающей авторучкой, не очень чистый гребешок, которым он в свободную минутку тщательно причесывал свою шевелюру перед мутным зеркалом в необжитой ванной! Впрочем, он был также высокого мнения и о своих внешних данных и даже не раз намекал Лере на свои любовные победы, подчеркивая то обстоятельство, что на прошлом месте работы у него была связь с начальницей – богатой, изысканной, замужней дамой.

– Вот проказник, – надменно фыркала Валерия и делала вид, что не понимает намеков.

Марине она про нового поклонника ничего не говорила, а то бы она завелась на тему, что «сотрудников и подчиненных следует держать на определенной дистанции». У нее-то и подчиненных сроду не было, откуда ей знать? Хотя, может быть, на этот раз она и была бы права. Лера до такой степени изучила свою старшую подругу, что у нее образовалось нечто вроде «внутренней Марины» – так она именovala голос собственного благоразумия. Но игнорировать его советы было зачастую так приятно! Вот еще что импонировало Лере в подчиненном – он относился к жизни как к забавной игре, ничего не воспринимал всерьез, ничего не хотел знать заранее. Когда начальница в плане дружеского одолжения предложила сделать ему предсказание – он вежливо отказался.

– У меня очень дерзкие мечты и большие планы, – галантно пояснил он. – Мне больно будет узнать об их крушении... А если узнаю об осуществлении – это меня расслабит и вынудит отказаться от дальнейшей борьбы.

Выражался Лешечка витиевато, но был оглушительно невежественен. Он уверял, что любит «литературные произведения», что прочитал всего Коэльо и Мураками, но Лера только посмеивалась над его дикими суждениями и выводами, над любовью к гламурно-глянцевым журналам. Он даже «Космополитен» читал, оправдывал себя, правда, изучением женской психологии. Лешечка на подначки не обижался. Однажды Валерия застала его с журналом «Менс хелс» в руках.

– Не знала, что ты умеешь читать, – беззлобно подначила она.

– А я картинки смотрю, – нашелся Лешечка.

Как-то раз Лера все же не удержалась и посмотрела ему в глаза. Увиденное ее не поразило. Лешечка сидел в салоне самолета, на коленях у него был дорогой ноутбук, физиономия деловитая. Пожалуй, обрюзг немного, отяжелел, но выглядел вполне благополучным менеджером среднего звена. Звезды не сорвет с неба, но проживет жизнь без бед и потрясений, в покое и достатке. Лера давно поняла – дар подбрасывает ей видения не как попало. Есть в этом тайный порядок, она видит только то, что важно и нужно для человека в настоящий момент. Его заветное желание, его тайное чаяние, его страх и надежда – вот что таится в видении. Как Лешечка ни вился перед «госпожой Валерией», но ее в его дальних проектах не было. Значит, она – только ступень в карьере. И не самая важная.

В общем, ничего серьезного у Валерии со своим секретарем не было и быть не могло. Быть может, с ее стороны безразличие воспринималось как молчаливая благосклонность, потому что Лешечка однажды вечером решился на серьезную атаку. Традиционный ритуал

был нарушен: проводив Леру до подъезда и уже попрощавшись, он внезапно кинулся, заключил ее в объятия и начал осыпать горячими поцелуями.

На этом же самом месте год назад на Леру набросился соседский лабрадор. Это был совершенно безобидный, очень дружелюбный пес. Стоя на задних лапах, передние он наложил ей на грудь и принялся лизать в лицо, весело повизгивая. Было неприятно, смешно и мокро. Примерно то же самое она ощутила сейчас. Ростом и энтузиазмом Лешечка был вылитый лабрадор, он даже подвизгивал что-то невнятно-эротичное и держал маленькими лапками довольно цепко. Лера пару раз дернулась, но Лешечка прямо-таки повис на ней!

– Госпожа... Ум-м-м... От вас так хорошо пахнет. Я так давно мечтал...

– А я вот не мечтала! Да отпусти ты меня, прилип как банный лист!

Пылкого влюбленного это прозаическое сравнение не охладило, и Лера подумывала уже подвесить ему плюху, но тут вмешалась третья сила. Бог из машины.

– Простите, я не помешал?

Человек в черном подошел неслышно. Теперь он стоял в круге света от подъездного фонаря, стоял и насмешливо улыбался.

– Быть может, это не мое дело... Но, юноша, ваша дама против поцелуев, это вчуже заметно!

Лешечка выпустил Леру из объятий и теперь смотрел на нее вопросительно. В его понимании, очевидно, она должна была гневно опровергнуть предположение незнакомца, взять возлюбленного под руку и увести в надежное убежище своей квартиры, где можно предаться страсти без опасений! Это решение подсказывал ему весь опыт общения с женщинами. Они всегда были сильнее, начиная от властной мамы и врача в детской поликлинике и заканчивая прошлой начальницей. Конечно, порой требовалось проявить мужскую силу... Но обстановка должна соответствовать!

– Здравствуй, Костя. Нет, ты не помешал. Я рада, – на одном дыхании выложила Валерия незнакомцу.

«У-у», – прогудел про себя Лешечка. Девушка-то вляпалась по самые немогушеньки! Что ж, ясно, пора отчаливать. На этом зеленом пастбище будут лакомиться широкоплечие брютеты.

– До свидания, – сказал он, стараясь, чтобы голос прозвучал уверенно, и даже четко, по-военному кивнул, сначала Валерии, потом брютету.

– Леша, завтра к десяти, не опаздывай, – улыбнулась ему на прощание Лера.

Эта улыбка и снисходительно-доброжелательный тон вернули Лешечке уверенность. Он каждый свой рабочий день начинал с десяти часов и никогда не опаздывал. Значит, этими словами Валерия хотела сказать ему, что их служебные отношения остаются прежними, он не уволен с поста секретаря, ее устраивают его профессиональные качества и все в этом роде. Что ж, хорошо. В конце концов, во всех журналах пишут о том, как вредны для карьеры служебные романы.

– Это был твой бойфренд, и я спугнул его? – поинтересовался Мрак, когда они остались одни и звук легких Лешечкиных шагов замер в тишине.

– Это был мой секретарь, и ты помог мне поставить его на место, – в тон ему ответила Валерия. Она придерживала дыхание, пытаясь унять быстро колотившееся сердце. Нет, ну надо же! Пока Лешечка повисал на ней, осыпая мокрыми поцелуями, она была совершенно спокойна и думала только, как бы отлепить его, не причинив телесных повреждений. Стоило же Мраку просто показаться ей на глаза, и вот уже сердце выплясывает отчаянный танец...

Любовь, любовь, кто может похвастать, что знает о ней все? Даже премудрый царь Соломон говорил, что три вещи неведомы ему на свете, и эти три вещи были: путь птицы в небе, путь рыбы в океане и путь мужчины к сердцу женщины. Меняются века, меняются нравы, но пути любви все так же неисповедимы. Конечно, существует определенная мода на отношения. Валерия повзрослела в двадцать первом веке, когда в моду вошли здоровые отношения и социальный оптимизм. Эпоха постперестроечного патологического декаданса отошла, всем стало ясно, что лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. Даже

не золотая, а просто нормальная молодежь приняла общечеловеческие ценности. Экологичная одежда, естественность в макияже и поведении, ненавязчивый спорт, морковный фреш, отказ от курения и алкоголя, велосипедные прогулки, престижное образование, изящная карьера, загородный дом, законный брак, двое детей с модными именами. Улья-ша и Прол. Или Серафим и Акулина. Все ясно, ладно, предсказуемо. Как в модном клубе.

Обо всем этом она и мечтала, когда встречалась с Максом. Не трепетала от любви, не задышалась от желания, но говорила Марине:

– У нас нормальные, здоровые отношения. Без бешеных страстей, но и без патологии. Дружеские и сексуальные. Общие интересы... Стимул к развитию... Понимание... Гармония...

И чем все это кончилось? Вот то-то. Любовь мстит за себя тем, кто отвергает ее, замещая пусть даже самыми здоровыми «отношениями»! Вот и вышло так, что Леру потянуло к Мраку, хотя он-то не подходил под модные каноны. Был старше ее, выглядел мрачновато, стригся не у нужного парикмахера, оранжевых футболок не носил. И какая-то загадка в нем скрывалась, какая-то тайна. Может быть, не особо приятная, не соответствующая здоровому образу жизни, сокращенно ЗОЖ.

Но Лера постаралась об этом не думать. Потрясла головой и вытряхнула дурацкие мысли. Она молода, самостоятельна, может позволить себе любовные приключения. Брат-близнец, олигарх и красавец, не появится, это вам не мексиканский сериал. Значит, обойдемся тем, что есть.

Они начали встречаться. Чаще всего Мрак заходил за Лерой на работу, Лешечка смотрел на него исподлобья, но был приветлив, даже кофе угощал. Валерия быстро поняла, что ее новый бойфренд не любит шумных тусовок, модных клубов и пафосных кофеен. Ну и правильно, что там делать? Такое прекрасное лето! И они гуляли ночи напролет по Петербургу, пили кофе в маленьких подвальных барах. Когда шел дождь, сидели дома. В первый раз, стесняясь и не зная, чем занять Костю, она положила ему на колени пухлый семейный альбом.

– А это ты? Какая смешная.

– Ага, толстая. Видишь, у меня было родимое пятно на лбу. Я прикрывала его челкой, очень стеснялась. Потом мне его удалили. Лазером.

– А это твоя мама? Красивая.

– Очень. Она теперь живет за границей. Вышла замуж.

– А вот отец?

– Да. Он умер, я тебе говорила. Ты мне ничего не рассказывал о своих родителях. Они здесь, в Петербурге?

– Нет. Потом расскажу, хорошо?

– Угу. Хочешь зеленого чая? С какими-то сухими цветочками.

– Хочу.

Он водил ее в странные места, далекие от шумных проспектов. Мрак любил и ценил маленькие улочки с тесно стоящими домами, на которых Время, вооружившись терпением, выстроило собственный Петербург, полный загадок. Как-то он показал ей сову, вырезанную неведомым мастером на гранитной плите старого особняка. Прижмурившаяся от дневного света, скрытая от глаз прохожих выступом, она стала их тайной, их открытием.

Однажды Мрак привел Леру на крышу. К началу августа серые клочки облаков, растрепанных беспокойным северо-западным ветром, проносились над городом все реже и реже. Морщинки луж разглаживались и исчезали под лучами вновь берущегося за работу солнца. Городской воздух, освеженный минувшим ненастьем, был как никогда чист. По вечерам золотилось узкое лезвие Фонтанки, отражая маленьких быстрокрылых чаек. Город как будто бы вздохнул полной грудью, задержал ненадолго дыхание, взял паузу, чтобы вновь вернуться к прежнему своему напряженному ритму.

Мрак тоже почему-то вздохнул, сосредоточенно посмотрев на Валерию.

– Хороший, наверное, вид с крыши твоего дома. Знаешь, для панорамных съемок лучше всего использовать крыши... – Он чувствовал, что говорит не то, не о том, что нужно вот сейчас подойти к этой странно близкой ему, равноудаленному от всего остального мира, девушке и просто обнять ее. Но вместо этого он продолжил: – Мне и с чердаков снимать приходилось, и с открытых площадок недостроенных домов – бойниц, как я их называю. А твой дом, он особенно интересно расположен...

– Подожди секунду, я сейчас. – Валерия закрыла за собой входную дверь, с чердака на крышу. – Мне показалось или за нами кто-то шел?

«Она даже слушать меня не стала, – сокрушался мысленно Мрак, – и ничего удивительного: крыши, чердаки какие-то панорамные, я бы про устройство телекамеры еще рассказал... Вот она стоит рядом, смотрит на город. Каким он видится ей? А каким вижу ее в этом мире я? Типичная мысль эгоиста...»

Солнце давно уже скрылось за горизонтом, но сверхзвуковой самолет все еще отражал его невидимые с земли лучи. В противоположной, более темной стороне неба зеленовато замерцали первые звездочки. Пахло мокрым гудроном и морем. Внизу, где-то, как показалось Лере, очень далеко, возвращались домой люди, весело пробегали огоньки машин...

– Не смотри вниз, голова закружится. – Мрак отвел Леру от края и не отпускал ее руку. Что-то удивительно мягкое, теплое вдруг передалось ей от его ладони.

– Красиво. Из окна небо видится другим. – Она огляделась. – Я никогда раньше не бывала на такой высоте, под открытым небом. Кажется, я начинаю понимать, что ты чувствовал, снимая свои панорамы.

– Что же? – Голос Мрака становился все приглушеннее.

– Что свободен. И еще, что целый мир помещается в кадре кинокамеры по твоей воле.

– Глупенькая! – усмехнулся Мрак. – Я чувствовал себя рабом. Веришь, я даже плакал иногда, представляя, как под крышами таких же вот точно домов живут счастливые семьи. А я всегда был один. Везде и всегда...

Она молчала, словно ожидала чего-то...

Иногда они ходили в кино. Мрак любил старые фильмы с Хамфри Богартом и Лорен Бокал, и Лера тоже их полюбила, проникнувшись их дрожащим, черно-белым обаянием. Но поначалу она не могла вникнуть в сюжет, думала о своем, ждала, что Мрак возьмет ее за руку, поцелует. Ничего не происходило. Он внимательно смотрел на экран. Целый месяц они встречались, почти каждый день, а он ни разу не посягнул. Бойтся чего-то?

Ну да разве мы не девушки двадцать первого века? Разве мы будем ждать чего-то? Для Валерии близость с мужчиной означала крепостную купчую. Зафиксировать свои права на него, упрочить свое положение. Для чего? Неизвестно. Так, чтоб было. Она решила взять бразды в свои руки, устроив романтическое свидание. Готовить побоялась. Можно устроить средиземноморский ужин. Пицца из ближайшей пиццерии, красное вино. Конечно, свечи и хорошее белье. Шелковые простыни. Жутко неудобная штука, съезжают с постели, и того гляди, съедешь вместе с ними. Но романтизм того требует. Степаниду нужно будет отнести к Марине – она привыкла спать с хозяйкой, а сегодня ее присутствие может оказаться излишним.

Лера два часа провела в ванной, напялила красное кружевное боди с колючими кружевами, туфли-лодочки, вечернее платье. Вообще-то они собирались просто встретиться в городе и погулять, Мрак хотел показать ей какую-то особенную крышу... Но Валерия была уверена – как только Мрак узнает, какая появилась альтернатива, он забудет о прогулке и примчится к ней. Позвонила ему и всеми интонациями, тембром голоса дала понять – его ожидает нечто феерическое...

И тут случилось странное.

Константин Мрак отказался. Вежливо, но твердо. Лера сначала не поняла этой интонации, замурлыкала пуще прежнего. И даже, кажется, допустила пару откровенных намеков. Все, как учат гляцевые журналы и фильмы. Но стало только хуже.

– Прости, – сказал он ей, безусловно поняв и мурлыканье, и намеки. – Прости. Мне этого сейчас не нужно. Давай пусть все останется как прежде, хорошо?

– Ты хочешь бросить меня? – спросила Лера, ужасаясь собственной нелогичности.

– Нет. Извини, это вообще не телефонный разговор. Но я скажу, чтобы ты не мучилась. Мне бы хотелось, чтобы это было по-другому. По-настоящему. Серьезно. А просто так, для забавы... Я не хочу.

От растерянности Лера даже пошла и проверила – на месте ли деньги и побрякушки. Все оказалось в порядке. Тогда она села на диван и немного поплакала, жалея и презирая себя. Потом умылась и отправилась к Марине, обсудить ситуацию. Она была дома, но выглядела очень усталой, измотанной.

– У тебя глаза красные, – сообщила Лера, усаживаясь за стол.

– Устала. Целый день провела в книгохранилище. Там что-то типа генеральной уборки.

– Оно и видно. Ой, а руки почему такие распухшие? Аллергия?

– Н-нет... У меня стиральная машинка сломалась, стирала руками, вот и распухли.

– Постирала бы у меня, – заметила Лера и, не дожидаясь ответа, заговорила: – Слушай, у меня с Костей...

Марина слушала и кивала, но глаза у нее явно слипались.

– Лерчик, что тебя так беспокоило? Это же в порядке вещей. Молодой человек настроен на серьезные отношения. Раньше это так называлось, теперь же отказ мужчины от близости воспринимается как свидетельство его неполноценности, заставляет подозревать в каких-то отклонениях. Мой тебе совет, перестань на некоторое время читать гляцевые журналы и смотреть передачу «Дом-2».

– Я не смотрю «Дом-2».

– А такое впечатление, что смотришь. Перечитай лучше что-нибудь настоящее. Марселя Прево, например.

– У меня нет Прево. Принеси мне из библиотеки, ладно?

Марина полезла в шкафчик за чашками.

– Лер, я все же в детской библиотеке работаю. А «Ма-нон Леско» не относится к детской литературе.

– Ты же мне оттуда и приносила. Помнишь, мне четырнадцать исполнилось. Как я рыдала, когда умерла Манон! Даже маму перепугала!

– А когда она узнала, о чем ты плачешь, так даже плюнула.

– И посоветовала читать «Двенадцать стульев».

– Да... Как она, написала тебе? По телефону всегда такие несвязные разговоры выходят...

Они занялись воспоминаниями, им стало тепло и весело. И только вернувшись домой, укладываясь спать, Лера поймала себя на мысли, что Марина в какой-то момент очень ловко сменила тему разговора, увела беседу в сторону. Но о чем тогда говорили? Жаль, не вспомнить уже. Одно ясно: у Марины завелись секреты.

ГЛАВА 8

– «Утро туманное, утро седое», – напевала Лера, причесываясь у зеркала. Ночь была прохладной, и утром туман в самом деле лежал на крышах питерских домов – клочковатый, тяжелый. А потом выглянуло солнце, свежий ветерок дунул с Финского залива и растрепал туманную муть. Лера проснулась поздно, но не торопилась вставать. Тщательней обычного сварила кофе – с медом и гвоздикой, со вкусом позавтракала, долго прихорашивалась, заглядывала в глаза своему отражению. Но провидческий дар, очевидно, взял отгул. Ничего в глазах не виделось, кроме радости от распогодившегося утра. В честь этого Лера решила опоздать. Ясновидящие не обязаны ходить на работу ежедневно!

Кроме того, поток желающих знать будущее явно иссякал. Уже две недели приходило по клиентке в день, и те неохотно расставались с деньгами, долго и въедливо выспрашивали

подробности видения. А какие им еще нужны подробности? Неужели у Христа, превратившего воду в вино, кто-то интересовался химической формулой? Да нет, все просто напились на радостях!

Поймав себя на кощунственной аналогии, Лера нахмурилась. Чудо выдыхалось, как шампанское наутро после вечеринки. Может, стоило держать его закрытым, не давать выветриться волшебному флюиду, не выдавать его на потребу неблагодарному обществу?

Только теперь она поняла, что хотела сказать ей Марина, когда отговаривала открывать салон, и это понимание каким-то образом пришло к ней после вчерашней истории с Мраком. Не тратьте зря, не разбрасывать дорогое тебе, не продавать по дешевке. Бывало, ей не хватало денег, а так хотелось завалиться с подружками в клуб, пробежаться по магазинам. Но она же не пошла закладывать к скупщикам солонку, что когда-то подарила ей Марина, сувениров из отцовского кабинета, фамильного мамино серебра? На панель же она не вышла?

– Я все это улажу, – сказала Лера своему отражению. – Не знаю пока – как. Чувствую, что на правильном пути, пока этого достаточно. Черт возьми, меня же учили думать, ну куда же это потом делось? Как туман какой-то спустился. А выглянуло солнышко, дунул ветерок... И все изменилось.

Все сразу стало легко и ясно, вывелась из сердца царапающая, скулящая тоска. Лера только собралась протянуть руку к телефону, предупредить Лешечку о своем опоздании, как дрянной аппаратик сам издал душераздирающую трель, начало популярной мелодии.

– Легок на помине, – проворчала Лера, услышав голос своего секретаря.

– Я опоздаю сегодня, – начала она, но ее перебили. Лешечка раньше себе такого не позволял, но он явно был взволнован.

– Вам нужно прийти поскорее.

– Форс-мажор? – поинтересовалась Лера.

– Да.

Короткие ответы – самые беспокойные. Если уж болтливый секретарь не стал вдаваться в подробности... Случилось что-то важное, либо он не может говорить при посторонних. Пришлось ловить такси, прогулка по солнечным улицам отменилась сама собой.

У фасада здания, украшенного скромной вывеской «Посох дождя», был непроницаемый вид. Во всяком случае, ни пожара, ни террористического акта не наблюдалось – это утешает. Но как только Лера вошла внутрь, она поняла – лучше бы пожар.

Человек, ожидающий Валерию в приемной, не очень-то походил на клиента, желающего знать, что будет. Мужчины вообще редко посещали ясновидящую. Выглядел он как-то незначительно, таким людям, во всяком случае, не смотрят вслед.

Давным-давно, в другой жизни, Марина повела свою подружку-соседку в Кунсткамеру. Для общего развития. Боком им обоим вышло это общее развитие! После посещения музея Лера долго не могла спать. Больше всего беспокоили ее глаза. Глаза экспонатов, сквозь прозрачность спирта глядящие на тебя из другого мира, из загробной терра инкогнита. Полуприкрыто тяжелыми веками презирующее безразличие, неживая природа бывает теплей. Ласкова поверхность камня, нежен песок, отзывчива вода. Но ничто не бывает мертвее когда-то бывшего живым. Человеческая воля, стремясь к познанию, сотворила кощунство, и жизнь обернулась смертью, холодно-ненавидящей. Абстрактное зло. Абсолютное зло.

У гостя салона «Посох дождя» были глаза персонажа Кунсткамеры. Но Лешечка, который уже пару раз успел принести ему кофе, минералку и даже давал прикурить, ничего этого не заметил. Он, правда, был обеспокоен, но не напуган. Значит, это видела только Валерия. Значит, коренной сутью этого человека было зло.

– Госпожа Валерия! – возвестил Лешечка, как провинциальный конферансье.

– С кем имею честь? – сухо поинтересовалась Лера после краткого обмена приветствиями.

– Видите ли, это не имеет значения. Моя фамилия Ковзюков, я выступаю как представитель организации... Может, мы пройдем в кабинет?

Он был корректен и любезен, сел только после приглашения, попросил у Леры разрешения закурить и продолжил:

– Наша организация курирует частную предпринимательскую деятельность в этом районе. Каким-то образом мы не вычислили вашего салона на стадии основания. Это только наша вина, к вам за это не будут применяться санкции. Вы женщина, вы так молоды, вам позволительно не знать каких-то вещей, хотя другому человеку пришлось бы заплатить за это нешуточный штраф. Но факт остается фактом – вам нужно внести налог за открытие салона и ежемесячно отчислять определенную сумму.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Валерия, потирая лоб. – Я зарегистрировала салон, я плачу налоги... Вы – кто?

Пришелец хранил ироническое молчание. Впрочем, все и так было ясно.

– Ага, мафия! – радостно поделилась своим открытием Лера и почувствовала себя идиоткой. Может, не стоило употреблять этот термин?

Но гость ответил легким поклоном и чуть усмехнулся. «Госпожа Валерия» пялилась на него во все глаза. Очень миленькие, кстати, глазки, и фигурка ничего. Как она смотрит! Ожидала увидеть пирата на деревянной ноге или качка в спортивном костюме, а то так и американского гангстера в плаще и шляпе? Последний образ, пожалуй, нам ближе всего. Мы ведем дела, как джентльмены, пытки утюгом отошли в прошлое. Корректность, вежливость, расчет. Нет, она, похоже, чего-то не понимает.

– Вот, возьмите бумагу. Тут кое-какие цифры. Если они покажутся вам завышенными, не отвечайте сразу, дайте себе время подумать. Мы живем не в самой спокойной стране, тут каждый день что-то случается. Многие люди были бы только рады заплатить за гарантированную безопасность.

Намек был понят. Она развернула бумагу, и краски покинули ее лицо.

Сумма была астрономической. И это только первый взнос, а им придется платить каждый месяц! Так. Не падать в обморок, держать лицо. Выпроводить этого прохвоста, потом решить, что делать.

– Спасибо, господин Ковзюков, я высоко ценю вашу любезность. Сейчас я не могу передать вам необходимую сумму, но...

– О, мы вас не торопим!

– ...через неделю – вполне вероятно. О ежемесячных выплатах, думаю, стоит поговорить дополнительно.

– Конечно, как вам будет угодно.

«С ума сойти, какой этикет, он вот-вот на мазурку меня пригласит. Он весьма любезен, его даже не интересует, в самом ли деле я могу видеть будущее. Принимает на веру. Заранее считает мошенницей, авантюристкой», – запо-лошно подумала Лера. Она не знала, как попрощаться с гостем, но он сам не стал затягивать визита, встал и поклонился.

– Вы разумная девушка, с вами легко работать, – отпустил он на прощание комплимент.

– Спасибо. Итак, до встречи?

– До встречи.

В приемной суетился Лешечка, подслушивать под дверью он стеснялся, а любопытство одолевало.

– Кто это, а? Чего он? Что он сказал?

– Не суетись, Алексей. Прямо как дитя малое. Очень просто, на нас наехала мафия.

Лешечке пришлось сесть. Ослаб, бедняжка.

– Мафия? И что им надо?

– Шоколада! – огрызнулась Лера. – Денег, конечно, чего ж еще? Рублей, долларов, фунтов стерлингов!

– Много?

– У тебя столько отроду не было. И у меня, впрочем, тоже. Будем думать, время есть. А пока свари мне, пожалуйста, кофе покрепче.

Лера ушла к себе, прикрыла дверь. Ясно как день – салон надо закрывать. Нечего сказать, хорошенькую удачу принес ей посох дождя, старинный ирландский инструмент! Таких выплат она не потянет, даже при самом лучшем раскладе. А ведь еще налоги, и аренда помещения, и жить на что-то надо, и зарплату Лешечке платить... Куда он, кстати, запропастился, почему кофе не несет?

В приемной никого не было. Дверь на улицу открыта, хлопает ею сквозняк. В маленькой кухне никого. Чисто вымытая турка стоит на подоконнике. Лера на всякий случай подергала даже дверь в туалет, вернулась в приемную. За стойкой ресепшна аккуратно сложены папочки, но не видно Лешиноного синего пластикового портфельчика, исчез куда-то маленький никелированный мобиль, которым секретарь украсил свое рабочее место. Надо же, даже мо-биль прихватил!

Когда Лера наконец отсмеялась, она сварила себе кофе и позвонила Мраку. Не стала говорить о наезде, зачем пугать? Потом. Все равно она закроет салон, а деньги, все, что скопила непосильным трудом ясновидающей, отдаст мафиози. Плевать. Теперь будет новая жизнь.

– Новая, хорошая, – ласково сказала она Мраку, и в голосе ее прозвучали новые, высокие ноты. Высокое небо Петербурга, и высоко летящие, свободные птицы были в нем, и ветер надежды постучал Мраку в сердце, разогнал туман.

– Да. И, знаешь, у меня есть для тебя сюрприз. Я пока не знаю, получится ли он... Ты не занята вечером?

– Свободна. Мы куда-то пойдем?

– Да.

– Как мне одеться?

– Как для встречи с английской королевой.

– Ого... Но, боюсь, у меня не найдется шляпки.

– Английская королева это переживет. Целую тебя.

Лера не поверила своим ушам. Это он – ее – целует?

Какое счастье, теплое, щекотное, пушистое! И она засобиралась, заспешила из этого места, которое недавно было любимым детищем, а теперь остыло и опостылело! Она забрала статуэтки и подсвечники, обернула все черным бархатом, запихала в пакет. Кресло и стол переедут потом, мафия не так скоро придет сжигать салон неплательщика. Самое главное – посох дождя. Зря Лера возводила на него поклеп, он ни в чем не виноват. Это просто забавная вещица.

Вспомнив снова про Лешечкин мобиль, она фыркнула. Вышла, заперла двери. Больше ей не суждено было туда вернуться.

ГЛАВА 9

– Так кто же она? – допытывалась Лера. Допытываться было трудно. Она сидела на краю кровати, натягивала тонюсенькие чулки. Тут нужна сосредоточенность, а изволь нетерпеливо изгибаться вопросительным знаком, потому что Мрак сидит в гостиной, листает журнал и молчит, как партизан!

– Богатая дама, – терпеливо повторила жертва допроса. – Очень хорошо заплатит за пророчество. Но это не главное. У нее закрытый прием, только для своих. Она пригласила тебя.

– В качестве клоуна? Развлекать гостей?

– Если не хочешь, мы не пойдем. Валька, мне надоело повторять в тысячный раз! Ты скоро?

– Скоро...

Она купила это платье неделю назад. Первое в жизни вечернее платье – длинное, в пол,

с открытыми плечами.

– Куда ты в нем пойдешь? – смеялась Марина. – К этому платью полагается лимузин, а подолом улицу мести не годится!

– Если есть такое платье, то и лимузин скорее появится.

Узкое, черное, мягкая ткань облегает, как перчатка, до колен, а от колен разлетается плиссированным веером. Испанское, цыганское, страстное и печальное платье. Оно не просит украшений, оно отрицает их. Терпит только нитку жемчуга на шее, но жемчуга у Леры нет. Зато есть у Марины. Надо пойти и взять.

В вечернем платье, в домашних тапочках Лера перебегает через лестничную площадку, звонит в дверь. Никого. Марины нет дома, у нее еще рабочий день не кончился. Но запасной ключ хранится у Леры. Она возьмет нитку жемчуга сама, он ей необходим, а Марина не станет сердиться.

Мрак удивлен, но покорно смотрит в сторону, пока Лера шарит в горке, отыскивает ключ. Лера велела ему не смотреть, пока она не при полном параде, и его умиляет это наивное, бессознательное кокетство. Костя старательно смотрит в угол, в тусклый экран телевизора, и только уголком глаза, самым уголком, замечает черную оборку и узенькую ступню под ней. Все, упорхнула.

Марина хранила безделушки и документы в большой коробке из-под английского печенья. Гвардейцы в медвежьих шапках браво маршировали на жестяной крышке, и Лера улыбнулась, вспомнив английскую королеву. Неужели сбудутся тайные желания ее честолубивого сердечка и она, бедная Золушка, окажется во дворце, сделает шаг в сверкающий мир высшего общества?

Бархатный мешочек с ожерельем лежал на самом дне. Лера достала паспорт Марины, какие-то квитанции, письма. Были там и конверты с международным штемпелем – мама писала Марине несколько раз. Поборов соблазн, Лера достала мешочек, развязала тесемки. Какой красивый, крупный жемчуг! Искусственно выращенный, но все равно дорогой. Особенно для Марины. Но она умела обращаться с финансами, деньги у нее водились всегда. Она не тратила деньги на чепуху, бережно носила вещи, аккуратно платила за квартиру, покупала только лучшие продукты, но без шика. Одалживала Лере, когда та повисала над финансовой пропастью, вернуть ей долг было проблемой, она всегда отнекивалась до последнего. Разумно вести хозяйство ее научила нужда, но сейчас тяжелый дух безденежья испарился из маленькой квартиры, здесь пахло кофе, ванилью, нейтрально-свежим дезодорантом, чистотой.

Надо поторопиться. Лера стала складывать все обратно в коробку. Белый гладкий лист скользнул по ладони, несколько бумаг разлетелись по ковру. Лера на корточках начала их собирать, внезапно в глаза ей прыгнули буквы, слова, что из них складывались, были непонятны...

«Голованова Марина Владимировна работала у нас домоправительницей... От сих до сих... Переезжаем на ПМЖ в Израиль, вынуждены расстаться... Зарекомендовала себя с самой лучшей стороны...» Марина? Домоправительницей? То есть домработницей? Прислужгой? А как же библиотека имени Пушкина? Нет, это какая-то чепуха. Такого не может быть.

Лера снова пробежала по тексту рекомендательного письма. Пропущенные в первый раз даты сказали ей – Марина работает прислужгой в богатом доме уже не первый год.

Но такого просто не может быть! Правда, она не давала никому своего рабочего телефона, объясняла, что начальство не любит посторонних разговоров в рабочее время, но с распространением мобильных это перестало быть проблемой. Марина рассказывала Лере о библиотечных мероприятиях, приносила ей книги, жаловалась на склоки в методическом отделе и смешила анекдотами о гардеробщице по фамилии Кончик! Неужели она лгала?

Быстро и аккуратно Валерия похоронила ожерелье под бумагами, закрыла крышку и усталилась на гвардейцев. Визит к английской королеве уже не радовал. Под ложечкой подсасывало, глаза щипало. Собственная кожа показалась Лере тесной и сухой, ее стянуло,

как после ванны.

Волосы, уложенные в парикмахерской, стали жесткими и солеными.

– Это надо проверить, – сказала Лера королевским гвардейцам и спрятала их обратно, в темный ящик.

Удовольствие от сборов в гости было испорчено. Лишившись столь необходимого ей ожерелья, но приобретя совершенно ненужное знание, Лера не смогла сосредоточиться на макияже. В таком душевном состоянии не подведешь стрелок, не накрасишь губ, не уложишь ровно тон. Пришлось ограничиться пудрой, тушью, каплей блеска для губ. Немного духов. Как руки дрожат!

– Куда ты убежала? – спросил Костя из гостиной.

– К Марине. Это была моя соседка и самый лучший друг.

– Была?

– То есть – есть. Хотела одолжить у нее бусы из жемчуга. Они чудесно подошли бы к этому платью. Но не вышло, ее дома нет.

– Можно я куплю тебе бусы?

Лера замерла с косметичкой в руках.

– Это дорогой подарок. Я не уверена, могу ли его принять.

– Мне очень хочется, – как-то по-детски попросил Мрак. – И потом – ты можешь мне его вернуть. Потом. Я его тебе как бы напрокат дам. На этот вечер. – И засмеялся, закатился прямо-таки.

Этот смех сказал Лере о многом, ведь ничего смешного не прозвучало! Смех означал, что Мраку приятно собираться с ней куда-то, приятно, что она одевается в соседней комнате, что он может подарить ей дорогой подарок, а она будет отказываться по всем правилам хорошего тона, но потом, конечно, примет, и наденет, и будет носить с нежностью, согревая перламутровые бусины теплом своего тела...

Лера заторопилась. Нашла палантин, сунула в сумочку косметичку. Как трудно ходить на приемы к королеве! К вечерним платьям полагаются плоские сумочки-конверты или в форме мешочка, крошечные, висящие на запястье. Туда поместится только носовой платок. А страшно выйти из дому без косметики – вдруг по дороге что-то размажется? А расческа, мобильник? Еще хочется взять с собой посох дождя. Потому что талисман.

Мучительное противоречие разрешилось в пользу кокетства. Лера вытащила из шкафа небольшой ридикюльчик и сложила туда все, что хотела. Если уж нет шляпки и перчаток, то еще одно нарушение неписаного светского кодекса пройдет незаметно.

Мрак вызвал такси, и пожилой водитель посмотрел на Леру с удовольствием. Красавица, что и говорить, и, видно, богата. Только глаза беспокойные, испуганные. Э-эх, правду говорят, и через золото слезы льются... Он то и дело поглядывал на нее в зеркальце и догляделся...

– А когда довезете нас до места – поезжайте домой, ладно? – сказала ему красавица пассажирка.

Он сначала не понял. Простоватый был мужик, балагур, жизнелюб.

– У вас сегодня не лучший день. Поезжайте домой и не сажайте никого по дороге.

– Да бросьте, – развеселился водитель. – Это все гороскопы, что ли, ваши, да? Экстрасенсы? Так я в них не верю, и не действуют они на меня. Еще когда Кашпировский по телику руками крутил, вся семья рассядется, а я только смеюсь. А то еще – Чумак такой был. Вот уж правда чумовые! Говорят, шоферы народ суеверный, а мне наплевать...

Остановить это словоизвержение было уже невозможно. Лера только выдохнула, когда они с Мраком вышли у ювелирного магазина. Там, у таинственно освещенной витрины, Костя выбрал для Леры жемчужное ожерелье и долго застегивал его у нее на шее, не справляясь со сложным замочком, а продавщицы значительно говорили вполголоса:

– Чудесная пара... Какая красивая пара... И вам так идет жемчуг, так идет! Вы прямо светитесь вся!

– Мне еще нужно в одно место, – сказала Лера, вернувшись в машину. – Можно?

– Отчего же нельзя. Куда?
– В библиотеку. В Пушкинскую.
– Решила почитать? – засмеялся Костя. – Восполнить пробелы в образовании?
– Я, между прочим, музыкальное училище закончила! – гордо откинула голову Валерия.

– О-о, а это ничего, что я с вами рядом сижу?

– Я вот вообще без образования, – ввернул шофер и пошел, и пошел...

В гардеробной библиотеки сидел не Кончик, а худенькая старушка с седовато-голубыми кудряшками. Она ничего не знала о Марине, и еще какие-то дамы из служащих, подошедшие на ее зов, качали головой, пока одна из них не припомнила:

– Да, работала тут Голованова. Но это было давно... У вас, барышня, устаревшие сведения.

– Что читала? – весело спросил Костя, когда Валерия вернулась.

– Фантастику, – был ответ.

Незаметно стемнело, все ниже и ниже опускались желтые сумерки. Машина затормозила у подъезда старинного особняка. Сияли окна – там ждали гостей, там был праздник.

Высадив пассажиров, посмотрев им вслед – красиво идут по аллее, из света в тьму, из тьмы на свет, – водитель такси достал телефон, набрал номер фирмы.

– Я свободен, но сегодня, похоже, работать не смогу. С глазами что-то, вроде как слезятся. Спасибо. До завтра.

Он не испугался слов девчонки, еще чего не хватало! Просто устал за смену. Поехал домой, со вкусом поужинал: картошечка с мясом, пара стопок водки под соленые грибки, под копченое сальцо. Жена, правда, портила кайф, пилила ржавой пилой. Сама на диетах сидит безвылазно и мужу плешь проела!

– Вредно на ночь! Печень испортишь, заснуть не сможешь! Зачем тебе лишний вес?

– Ведь это ты, Танюха, с голодухи у меня такая злобная, – реагировал любящий супруг.

– А вот навернула бы со мной картошечки, отполировала рюмочкой, стала бы до-обря!

После ужина он прикорнул на диване. Жена сериал смотрела, а он задремал. И вдруг проснулся от совершенно чудовищного кошмара. Ему показалось, что он едет в своей машине, что на заднем сиденье пассажир, и пассажир этот, не говоря дурного слова, накидывает ему на шею удавку и принимается душить. Молча, страшно, и вот уже хрипы рвутся из груди, глаза вылезают из орбит...

– Петя! Петя, что с тобой?

Татьяна притащила воды и каких-то капель. Испугалась, дурында, что его кондрашкахватила!

– Кошмар приснился. Уф-ф, дай еще воды.

– Сам сходи! Говорила тебе, не ешь сала на ночь! – И снова уселась смотреть сериал...

А Лере и Мраку открыла дверь самая настоящая горничная – женщина с незначительным лицом, в темном платье и белом фартуке.

– Здравствуйте. Проходите в кабинет.

– Ты здесь не в первый раз, – шепнула Лера, пока они шли по полутемному холлу.

– Да, – коротко ответил Мрак.

В кабинете свет был тоже неяркий. И никого.

– Нам, очевидно, нужно подождать, – сказал Костя. – Хозяйка дома – личность неординарная.

Лера кивнула. Она чувствовала себя стесненно в незнакомой обстановке. Поставила сумку на кресло, в ней тихо зашуршал, точно бы отсыхаясь, посох дождя. Неужели накликает непогоду? На обратном пути недолго испортить платье. И атласные туфельки... Лера подавила вздох и огляделась. Кабинет как кабинет, строгий и богатый. Книжные стеллажи по стенам, в одной из них – темная арка. Оттуда, вероятно, и появится неординарная личность. И, словно отвечая ее мыслям, раздался неизвестно откуда тонкий,

дребезжащий голосок:

– Проходите, пожалуйста. Сюда, в арку.

Лера пожала плечами, подхватила сумку. Мрак крепко взял ее за локоть, и они двинулись торжественно в темный проем. Посох дождя, незаметно выкатившийся из открытой сумочки, остался лежать под креслом.

ГЛАВА 10

В конце узкого коридора тускло струился свет – то горела свеча. Но Лера не успела удивиться причудам хозяйки. Раздался тихий скрежет, и проем за их спинами исчез, словно его и не было. Они сделали еще несколько шагов и оказались возле маленького столика, на котором и горело-плавилось в подсвечнике продолговатое стеариновое тельце.

– Что за черт... – прошептал Мрак.

– Где мы, Костя?

– Я не знаю. Это какая-то шутка. Или розыгрыш. Или недоразумение.

– Надо позвать кого-нибудь. Постучать.

– Конечно. Елена Николаевна!

– Вот как, оказывается, зовут нашу хозяйку, – вставила Лера, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Познакомились...

– Е-ле-на Ни-ко-ла-евна-а!

Но Лера слышала – звуки глохнут, гибнут в этих стенах, обитых чем-то мягким. Войлок? Ковры? Такое же покрытие на полу. Гаснет голос, гаснет стук. Слабо колеблется пламя свечи, липкий ужас заползает в душу.

Они выдохлись через час и решили осмотреть стены. Может быть, есть дверь? Но двери не было. Глухой каменный карман. А та арка, сквозь которую они прошли, была обозначена пазами на стене шириной менее миллиметра. Тщательно пригнана дверь, и не за что уцепиться, нечем поддеть ее.

– Мы просто участвуем в реалити-шоу, – прошептала Лера и без сил опустилась на пол. – Костя... Не надо больше кричать. У меня звенит в ушах. Скоро нас выпустят, и мы посмеемся над своими страхами. Сядь ко мне.

– Конечно. Конечно, милая. Ты приляг, если хочешь, положи голову мне на колени. Вот так.

– Расскажи мне что-нибудь.

– Что?

– Что угодно, только о себе. Я ничего о тебе не знаю.

– Знаешь. Я рос в детском доме для слабовидящих.

– Про детский дом догадывалась. А...

– Я ничего не видел. Даже света. Но ты не поверишь, так тоже можно жить. Я привык, притерся ко тьме. Я думал, что знаю ее. Но тьму невозможно узнать, она хитрее тебя, потому что она – ничто. Отсутствие света.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Не важно. Мать отказалась от меня, еще в роддоме.

– Ты не пытался отыскать ее?

– Попытался. Когда смог видеть. Но ее уже не было в живых.

– Извини.

– Какое смешное это американское «извини». Ты тут ни при чем. Она была алкоголичкой. Я не знал ее и любить не мог.

– Но был кто-то, кого ты любил.

– Да. Я любил девушку. Она как раз была слабовидящей, видела свет, силуэты... Эля рассказывала мне, как выглядит небо, солнце, дерево. Мы собирались пожениться. Нет, не собирались. Просто все говорили, что мы будем вместе, как будто это уже было кем-то решено. Она была не детдомовской, мы с ней учились в специальной школе. Она была очень

красивая. Конечно, я не мог этого знать. Я трогал руками ее лицо, но всей красоты не постигал.

– Почему вы не поженились?

– В детский дом приехала Елена Николаевна. Я был уже выпускником. Собирался работать на заводе, где делают белье-прищепки и другую ерунду. Слепые делают. Во время медосмотра выяснилось как-то, что меня можно прооперировать, и я буду видеть. Елена Николаевна дала денег, очень много. Меня оперировали в Америке. Она была там со мной.

– Она красивая?

– Валька, она старая. Ей, наверное, сто лет.

– Наверное, лет сорок. И она красивая.

– Пойми, сто лет – это не фраза. Это реальные сто лет. Я понял это, когда ее увидел. Своими глазами, новыми глазами. И тогда у меня произошел, как у птенцов, что из яйца вылупляются, импринтинг. Я привязался к ней, больше было не к кому. Она подарила этот мир, на который я не мог наглядеться. Она подарила мне видеокамеру, и я начал снимать.

– По твоим сюжетам не скажешь, что ты полюбил этот мир.

– Я знал, что ты так думаешь. Но я не могу пройти мимо чужой боли. Пепел Клааса бьется в мое сердце, помнишь? Я чувствовал, что порой это используется на потребу людскому любопытству, но знал – рано или поздно я вырвусь, я смогу... Нет, тебе это не интересно.

– Интересно. Но я хотела спросить... А что случилось с той девушкой, с Элей?

– Она умерла. Когда я вернулся из Америки, Елена Николаевна позволила мне пожить здесь. Потом помогла купить квартиру. Помогла устроиться на работу... Я не забывал про Элю, нет. Я думал – вот, устроюсь и приду к ней. Зрячий. С цветами. С кольцом. Сделаю ей предложение, и мы станем жить вместе. Но Эли уже не было.

– Костя...

– Не говори ничего, не надо. Она умерла по моей вине. И я тогда решил... Нет, не тогда, а позже. Пришел в себя и решил – буду всю жизнь один. Один, во мраке. Я ничего не стою, никого не достоин. И только когда впервые увидел тебя, в больнице, такую маленькую и растерянную, какой-то мне лучик засветил. И мне показалось, что все еще может быть хорошо. Но тут меня нашла Елена Николаевна. И заговорила она о тебе.

– Как так?

– Ты подходила под ее описание. И она попросила, чтобы я тебя привел.

– Зачем?

– Мне нужно кое-что тебе рассказать.

– Да, пожалуй.

– Ты не рассердишься, если я лягу рядом?

– Ложись. Что за китайские церемонии.

– И нужно задуть свечу. Здесь душно.

– Гаси. У меня есть зажигалка, в случае чего зажжем снова.

Невидимый во мраке Мрак свернул свой пиджак, приспособил им под голову и лег рядом.

– Это случилось сразу после того, как мы с Милой пришли к тебе в больницу. Дня через три... Она позвонила мне и сказала, что есть дело. Рассказала невероятную историю: у нее был сын, с которым она поссорилась. Его звали Владимир, фамилия – Новиков. У него, по ее сведениям, есть дочь. Елена Николаевна сказала, что перед смертью хотела бы помириться с сыном и повидать внуку. Сказала, что оставит ей все свое состояние. А она очень богата, я тебе уже говорил.

– И ты нашел меня, так?

– Да. Ты знала мать своего отца?

– Папа говорил, что она умерла. Но ведь мы не Новиковы, а Новицкие! Видишь разницу?

– Сын Елены Николаевны мог изменить фамилию. Совсем... Или слегка. И потом, имелись еще приметы. Елена Николаевна была уверена, что у ее внучки должно быть родимое пятно на лице. У тебя было, но ты от него избавилась. Она убеждена, что внучка должна быть одарена неким мистическими даром, и сама, кажется, не чужда этому. Наконец, она перечислила несколько предметов, которые могут быть у нее в доме. Из перечисленного я запомнил старинную золотую солонку в виде кареты. Она существует в единственном экземпляре. Я ее видел у тебя.

– Солонка? Но она же не золотая...

– Поверь мне, золотая.

– И потом – мне же ее Марина подарила!

Стало очень тихо, а потом Мрак сказал:

– Значит, произошла ошибка. Как странно, я был уверен на сто процентов, и уверил ее. Елена Николаевна попросила, чтобы я тебя привел. Чтобы не говорил ни о чем, пока она не убедится, что ты и есть ее внучка. И вообще держать дело в глубокой тайне!

– Значит, никто не знает, что мы здесь?

– Почему же никто... Шофер, что нас привез. Горничная Люда, открывавшая дверь. Наконец, сама Елена Николаевна.

– Сумасшедшая бабка, которой сто лет? Которая неизвестно зачем закрыла нас тут, а сама может помереть в любой момент?

– Не кричи. Я уверен, что она нас слышит. Быть может, это какой-то тест.

– Тест? Да не нужно мне тогда никакого богатства! Тоже мне! Бабушка! – И Лера заплакала и плакала долго, а потом заснула на плече у Мрака.

– Который час?

– Двенадцать почти.

– Полночь... Мне приснилось, что я дома. Лежу на своей кровати и радуюсь, что этот кошмар кончился.

– Не полночь. Двенадцать дня. Ты очень долго спала. У тебя был шок.

– О боже... Значит, нас закрыли здесь нарочно и будут держать... Я очень хочу пить. А ты?

– Терпимо.

– У меня есть баллончик с термальной водой.

– Какой?

– Термальной. Это такое косметическое средство. Чистая минеральная вода.

– Слава производителям косметики, до чего додумались!

– Смотри, очень удобно. Можно брызгать в рот. Пить не так хочется.

– И хватит надолго.

– Надолго? Что ты имеешь в виду?

– Тшш. Ничего. Побрызгай мне тоже. Спасибо. Чудесная вода. А перекусить ничего нет?

– Представь себе, есть! Драже «Тик-так», свежесть в двух калориях!

– Немного.

– Обычно у меня в сумке можно найти шоколадку... Но я ведь собиралась на светский раут!

– Прости меня.

– Не за что. Ты же не знал. Хотя, если бы ты рассказал мне все раньше... Я бы почувствовала подвох.

– И не поехала бы?

– Поехала... Давай зажжем свечу?

– Не надо. Пока ты спала, я обследовал стены. Тут почти нет притока свежего воздуха. Пламя сожжет нам остатки кислорода.

– Теперь еще и это.

– Прости меня.

Они помолчали, хрустя мятными конфетками. Лера зачем-то полезла в сумку – и звонко вдруг хлопнула себя по лбу.

– Какие же мы идиоты! Телефон! Мы позвоним, и... – Лера осеклась. «Поиск сети» – говорил голубой экранчик.

– Пока ты спала, я уже пробовал звонить. И сообщения посылал. Ноль. Тут стены обиты какой-то дрянью. Волны не доходят.

– Бог ты мой... И еще, знаешь... Мне надо.

– Что? А-а... Отгородим условный санузел. Вот, скажем, столиком. Да не стесняйся ты!

– На войне как на войне.

– Вот именно.

Она возвращается, смущенная, и плачет тихонько ему в плечо, бессильно всхлипывает.

Тишина – ни звука. Темнота – ни лучика света. И по мягкому полу подкрадывается невидимая смерть. Высохшая старуха с лицом, искаженным злобой, покрытым багровыми пятнами проказы. Безумное и злое чудовище. И бежать от нее некуда – только в кольцо сильных мужских рук. У Кости до крови сбиты руки. Он стучал в стены, в пол. Но все бессмысленно. Пусть он лучше теперь обнимает Леру, жадно обнимает в первый раз. В последний раз.

– Милая...

– Милый... Не прижимай меня к себе так сильно, я тоже хочу тебя поцеловать.

– Как ты это хорошо сказала. Милая... Милая...

Светящиеся круги и спирали в темноте, огненное проникновение, всепожирающая нежность... Слияние двух душ и двух тел, единение на пороге смерти...

– Моя?

– Твоя.

– Насовсем?

– До самой смерти. Ты знаешь, я ни о чем не жалею.

– Я люблю тебя.

– И я люблю тебя. Хочешь еще воды?

– Воды. И тебя.

– Ненасытный... Знаешь, а ведь я знала, что ты у меня будешь. Я заглянула в свои глаза.

– Там был я?

– Ты. И я. В этом самом платье. В этом доме. И сейчас я вспоминаю – надвигалась какая-то тень, словно туча грозовая.

– Не надо.

– Не буду. Поцелуй меня.

Нежный женский смех в полной тьме, в духоте, в смертельной западне. О вечное чудо всепрощающей любви, готовой всегда прийти на помощь или принести последнее утешение!

– Очень душно. Который час?

– Шесть.

– Мы не переживем эту ночь, правда?

– Уверен, что переживем.

– А завтра?

– Я не знаю. Но мне не страшно будет умереть рядом с тобой. И я постараюсь, чтобы ты тоже не боялась.

– Какой она будет, наша смерть?

– Мы заснем. И не проснемся.

– Хорошо, если бы так...

Ночью Валерия несколько раз теряла сознание. Мрак брызгал ей в рот воду из баллончика, обмахивал своей рубашкой, баюкал ее на руках. Он старался дышать пореже, чтобы ей досталось больше воздуха. Если бы он мог, он отдал бы ей всю свою кровь. Всю

свою силу.

А когда настало утро, он не смог встать, но по-прежнему крепко держал Леру в объятиях. Она не то спала, не то была в обмороке. Что-то невнятно шептала. Он дал ей воды, сам сделал несколько крошечных глотков. Кажется, пришла пора прощаться. Конец, конец.

Часть третья МАРИНА

ГЛАВА 1

Ей снился дом – но все реже и реже, все менее и менее отчетливо. Она уже не могла бы сказать, сколько шатких, скрипучих ступеней вело на второй этаж, не помнила, какого цвета дерматином обита была тяжелая дверь, и не умела воскресить в памяти запах воскресного утра. Смешанные ароматы кофе, убежавшего и пригоревшего молока, маминых папирос, теплых рогаликов из булочной через дорогу... По воскресеньям всегда особенно ярко светило солнце, и даже старый кенар Лимончик пел веселую песенку, не имевшую ничего общего с будничными скрипами. А все потому, что маме не нужно было идти на работу, Марише – в детский сад, и они целый день проводили вместе! Они вставали рано, тому было три причины. Во-первых, по субботам традиционно рано ложились спать. Во-вторых, сказывалась привычка. А в-третьих, им жаль было потратить на сон даже лишний часок из этого чудесного воскресного дня!

Но, как бы рано Мариша ни проснулась, мама вставала еще раньше. Она варила на кухне кофе и кипятила молоко. Молоко и кофе, как правило, дружно убегали, потому что мама не только кухарничала, но еще курила папиросы из желтой коробочки и читала книжку. Мариша не раз в мамины книги заглядывала, но картинок там почти не было, а слова располагались в столбик. Называлось – стихи. Вовсе неинтересные. Но может, маме интересно их читать, потому что она библиотекарь?

Мариша шлепала по холодному полу, тихонько приоткрывала дверь в кухню, заглядывала одним глазком. С папиросой и книгой мать сидела у окна, на ней был воскресный халатик – самый чудесный халатик на свете, стеганный, розовый, как ванильный зефир. И мама была самой красивой на свете – казацких кровей, худая, высокая. Кожа у нее была смуглая, глаза блестящие, черные, нос с горбинкой. Она коротко стригла сухие черные волосы. От нее всегда било током, так что целовать ее следовало очень осторожно.

А после завтрака они шли гулять. Всегда, в любую погоду, в любое время года!

В маленьком гарнизонном городке было мало места для прогулок – ни сквера, ни парка с аттракционами. Главная улица называлась почему-то 2-я Короткая, хотя растянулась она аж на двенадцать кварталов, а про 1-ю Короткую никто ничего не знал. Может, ее и вовсе не было. На главной улице стояли: универмаг «Спутник», дом культуры «Ударник», кафе-мороженое «Лакомка», ресторан «Лодзь», школа, где мама работала библиотекарем, и Маришин детский сад «Солнышко». Именно в такой последовательности следовали эти учреждения, а за детским садом сразу начиналась березовая роща. Эту рощу местные жители любили так активно, что даже издали в ней были заметны не трава и деревья, а бутылки и бумажки. Но роща плавно переходила в самый настоящий лес, и уж там, в лесу, можно было отвести душеньку! Весной, летом, осенью лес кормил и утешал. Лес расступался и заступался. Он поскрипывал в ненастье сухими суставами белоствольных осокорей. Он знал не одну историю... Грибы, орехи, ягоды, цветы и полезные травы пользовала уважением и любовью Мари-шина мама, и они тоже ее любили. Словно по волшебству вырастало у нее под ногами семейство крепеньких боровичков, мерцала озерной синевой поляна незабудок, манила острым запахом дикая малина. Пирамидки мяты так и тянулись к ее рукам. А зимой что ж – можно бегать на лыжах и оставлять на деревьях кормушки для мелких птичек, кормушки, вырезанные из бело-синих молочных пакетов.

Да, лес всегда был чудом и сказкой. По ночам, укрывшись с головой, Мариша мечтала о том, как у них с мамой будет домик в лесу. Ей не нужно будет ходить в детский сад, маме – на работу. Они все время будут вдвоем, будут гулять, делать припасы, печь хлеб и, обнявшись, засыпать на теплой печке, прислушиваясь к лесу. Подальше от чужих, от глупых детей в саду, от ехидно-жалостливых соседей! Только нужно будет взять с собой все мамины книжки, а еще соль, спички, сахар, муку. Да, еще макароны. И домашнюю утварь – кастрюли, сковородки, тарелки, ножи, ложки, вилки... И топорик, чтобы рубить дрова. А семечки для птиц не надо брать, потому что на огороде у них будут расти подсолнухи. Веселые такие, кругломордые, тяжелые – ешь семечки, сколько хочешь, и птицам останется! И еще будет расти горох, помидоры, а капуста не надо, это гадость...

На мысли об огороде Мариша, как правило, и засыпала. Ей ни разу не удавалось додумать лесной дом до конца, и, может быть, поэтому мечта о нем все не осуществлялась. Но если она и не успевала заснуть, все равно мечты обрывались. Приходил дядя Володя. Он и в будни приходил тоже, но в будни девочка раньше ложилась спать и быстрее засыпала. По воскресеньям же его визиты носили оттенок торжественности. Отправив Маришу в постель, мама наряжалась в зеленое бархатное платье, натягивала поросячьего цвета чулки, увешивала шею тяжелыми малахитовыми бусами и даже душилась из маленького флакончика. Духи назывались «Торжество» и пахли пряно, так что сразу хотелось чихать. Она накрывала стол белой скатертью и ставила на середину вазу с яблоками, тарелку с печеньем. Печенье было магазинное – готовить мама не любила и не умела.

Дядя Володя приходил без звонка. Почему он никогда не звонил? Может, не хотел будить Маришку или тревожить соседей? Он тихонько стучал в дверь, но дверь была утеплена, обита дерматином, и вместо стука получалось какое-то шурыканье. Мама, однако, его прекрасно слышала и, спешно докрасив губы, бежала открывать.

Дядя Володя был очень большой, в дверной проем проходил согнувшись. Шинель, когда он ее снимал, застилала белый свет. Сильный и свежий запах одеколона заглушал «Торжество». От его шагов тряслись и надрывно скрипели облезлые половицы, а шепот раздавался во всех углах. Однажды под ним подвернулись ножки кресла, и с тех пор он сидел только на табурете, который самолично сколотил. Этот табурет обжился в кухне и внушительной статью напоминал своего творца. Дядя Володя всегда приносил бутылку вина или маленькую, ртутно переливающуюся бутылочку водки, а еще иногда всякие вкусные вещи – арахис в шоколадной глазури, пастилу, твердую и соленую колбасу в шкурке с беловатым налетом. Но лучше всего было то, что мама ему пела. Выпив вина из широкой синей рюмки, которых всего-то две и осталось, она брала гитару. Гитара, покрытая темным лаком, украшенная красным бантом, стонала и плакала в ее руках, а мать заводила песни, каких не услышишь по радио:

Матушка, матушка, что во поле пыльно,
Сударыня матушка, что во поле пыльно?

Или Маришину любимую, непонятную совсем:

Мимо стеклышек иллюминатора
Проплывут золотые сады,
Пальмы тропиков, скалы экватора,
Голубые полярные льды...

Все равно, где бы мы ни причалили,
К островам ли сиреневых птиц,
К бухте радости, к скалам печали ли —
Не поднять нам усталых ресниц...

И от этого переливчатого «ли-ли», от того, как мать сама опускала свои тяжелые ресницы, в груди становилось щекотно и хотелось не то плакать, не то смеяться. И дяде Володе, наверное, тоже, потому что он очень хорошо слушал – подпирал отяжелевшую голову рукой, нависал над столом, глаз не отрывал от мамы, а еще вздыхал так, что на стене напротив подлетали странички отрывного календаря. И мать обрывала грустную песню, гасила узкой ладонью жалобу струн и начинала новую:

В стране далекой Юга,
Там, где не свищет вьюга,
Жил-был испанец,
Джон Грэй – красавец.
Был он большой повеса,
С силою Геркулеса,
Храбрый как Дон Кихот.
Рита и крошка Мери
Его пленить сумели...

У песни был приплясывающий мотив, а слова все равно грустные! Этот самый испанец красавец любил сразу двух девушек, и за это, а может, и за что другое в него стрелял из пистолета «ковбой Гарри». Впрочем, может, и не убил, ведь говорилось же в припеве:

У Джонни силы хватит,
Джонни за все оплатит,
Джонни всегда та-аков!

Маришка всегда думала, что мама поет про дядю Володю. Он ведь тоже любил двоих сразу – маму и свою жену. Об этом Маришке рассказала одна девочка из старшей группы, но она не знала, верить этому или нет. Поверила только после того, как они с мамой случайно встретили дядю Володю на улице. Он шел, а рядом с ним, вцепившись в рукав его шинели, вышагивала какая-то тетя, совсем необыкновенной красоты. Она выглядела очень низенькой рядом с дядей Володей и была довольно-таки толстой, но на ней красовалась голубовато-серая пушистая шуба, а на высоко взбитых, кудлатых рыжих волосах лихо сидел такого же меха головной убор вроде большой кепки. Мариша весело ахнула и хотела указать маме на роскошную тетку, а также на то обстоятельство, что ведет она дядю Володю как милиционер, крепко ухватив за локоть и нервно озираясь по сторонам. Но слова застыли у нее на языке, потому что она вдруг поймала на себе теткин взгляд.

Как обычно чужие, не родные взрослые смотрят на детей? Умиленно: ути мы какие маленькие, холосенькие! Строго: девочка, не болтай ногами, ты можешь задеть окружающих! Равнодушно: дети цветы жизни, если хорошо воспитаны. И еще они, как известно, наше будущее – если, конечно, не наши.

Но тетенька в красивой, искрящейся на зимнем солнышке шубе смотрела на Маришу с ненавистью. Глаза ее были широко раскрыты, а ярко накрашенные красным губы, наоборот, плотно сжаты. Мариша не успела испугаться – мама сжала ее руку, очень сильно сжала, и ускорила шаг. Несколько минут протопали молча, завернули за угол, и только тогда Мариша спросила:

– Мам, а что, эта тетя – ведьма?

Нарочито наивный, подчеркнуто детский вопрос. Такие помещаются в рубриках «Говорят дети» или «От двух до пяти». Пятилетняя Мариша знала, что ведьм не бывает, а если и бывают, то они не ходят по улицам среди бела дня. И мама это почувствовала.

– Не говори глупостей, – резко откликнулась она. – Это жена дяди Володи.

– А почему он не сказал нам «здрасте»? И она тоже? Это ведь невежливо, правда, мам? Знакомые люди должны здороваться.

– Мы с ней незнакомы. А он не поздоровался, потому что притворился, будто нас не знает. Это такая игра, поняла, Маришка? И ты не должна никому говорить о том, что дядя Володя к нам ходит.

– Тоже как будто игра?

Мариша задумалась. Эта игра ей не нравилась. Она была похожа на «верю – не верю», ведь все, все прекрасно знали, что дядя Володя ходит к ним в гости! Об этом знала не по годам умненькая девочка Фая из старшей группы – та, которая сказала ей, что дядя Володя любит двоих сразу; об этом шептались нянечки в детском саду; об этом расспрашивала Маришу соседка, преподававшая музыку в той же школе, где работала мама. Эта была хуже всех. Худенькая, востроносая, веснушчатая, как кукуша-чье яйцо, она в свои сорок лет была совершенно одинока, но полна решимости найти свое женское счастье. Только где его искать-то, если холостых мужиков в городке раз-два и обчелся? А раз так, раз своей личной жизни нет, так хоть про чужую все разузнать как следует! Музычка ловила Маришу во дворе и приветствовала ее приторной улыбкой, совала в руку слипшийся комочек леденцов «Театральные» и спрашивала изнемогающим от собственной нежности голосом:

– Мариночка, а у вас вчера гости были? А кто? Твоя мама так хорошо поет, у нее настоящий талант. Поздно, правда, но ты же, наверное, не спала и все слышала?

Мариша засовывала за щеку карамельку и смотрела в сторону, ничего не отвечала. Соседка отпускала ее несолоно хлебавши.

– Удивительно неразвитый ребенок, – слышала Мари-ша вслед.

Жена дяди Володи, оказалось, работала в универмаге «Мир». Мариша стала чаще видеть ее, когда пошла в школу. Уроки кончались рано, мамин рабочий день заканчивался позже. Порой она оставляла школьницу у себя в библиотеке – пусть делает уроки, копается в книгах, читает что-нибудь или помогает матери. Но иногда Марише разрешалось идти домой вместе с подружками-одноклассницами. Девчонки любили по пути завернуть в универмаг, покрутиться у витрин с косметикой и бижутерией, рассмотреть сувениры и игрушки. Порой покупали какую-нибудь мелочь – заколки-невидимки, бусики, ленты.

Жену дяди Володи Мариша увидела в отделе тканей. Сама бы она никогда туда не заглянула – в доме не водилось материй, мама не умела шить и даже штопала из рук вон плохо, а сама Мариша на уроке рукоделия так и не смогла освоить простого шва, а не то чтобы «крестик» или «козлик»!

– ...и мы с мамой сошьем мне платье. Юбка – солнце-клеш, рукавчики фонариком, на груди оборка. Мама хочет из шелка, а я из крепдешина, но можно и из шелка, только непременно голубое, – объясняла ей по пути подружка, рукодельница и модница.

Все-то ее мама шила, вязала, плела кружева, даже ковер однажды выткала и дочку к тому же приучала! Вот так Мариша и попала в отдел тканей, а там сразу увидела знакомое лицо. На ведьме не было пушистой шубы, она стояла за прилавком в нежно-розовом костюме, в белой блузочке, на пухлых пальцах блестел яркий лак и сверкали кольца, среди них – толстое обручальное кольцо, и несколько с красными камнями, и в ушах красные камни! Она ловко отмеряла ситец старушке Трофимовой, генеральской мамаше, жонглировала деревянным метром. Отмерив, взялась за края ткани, сделала незаметное движение, и – тр-р-р – ситец ровно оторвался от рулона, как отрезало. Мариша смотрела на нее как зачарованная, не замечая, что из вафельного стаканчика у нее в руке капает подтаявшее крем-брюле. И дождалась – взгляд женщины обратился на нее.

– Куда? Куда ты зашла с мороженым, дрянь такая! – вдруг вскрикнула женщина за прилавком. Ее крупное, красивое лицо вдруг странно, нехорошо исказилось, щеки задрожали, на лбу появилась глубокая складка, рот поехал в сторону. – Вон пол измазала и ткани все испачкаешь! А ну, на выход! Бессовестная!

Маришина подружка стояла рядом, и у нее в руке тоже было мороженое, но кричала продавщица только на Ма-ришу! Даже начала выбираться из-за прилавка, словно хотела подойти, ударить, выкинуть за двери... Не помня себя девчонки вылетели из отдела тканей. Мариша еще несколько месяцев боялась не только заглядывать в универмаг, но даже мимо

проходить! Сидела вместе с мамой в библиотеке, удивляя ее внезапно проснувшимся рвением.

Тогда она полюбила библиотеку. Таинственную тишину и особый, ни с чем не сравнимый запах книжной пыли. Сонных золотых рыбок в заросшем аквариуме и шаткий неуют тонконогих стульев. Полюбила долгие, томные предзакатные часы, когда так сладко провалиться в книгу, в придуманный мир... И голова плывет в сладком тумане, и распахнутые глаза видят не стены библиотеки, а любимых героев, и в реальности остаются только кончики пальцев – так приятно перелистывать ими мягкие страницы зачитанной книги!

Так, волей-неволей она отдалилась от сверстников. На уроках она была прилежна, не болтала с соседкой по парте, не писала записочек, после уроков шла в библиотеку, а потом, вместе с мамой, – домой. Ей было уже четырнадцать, когда она почувствовала последствия этой обособленности. Неожиданно для себя вынырнув из омута собственной фантазии, Мариша поняла – ее не любят в классе. Это подтвердила и классная руководительница на родительском собрании по итогам первой четверти.

– У Марины Головановой напряженные отношения с коллективом. Она держится обособленно, высокомерно, с ней никто не хочет дружить. С Мариной даже никто не захотел сесть, хотя я посадила ее на очень хорошую парту у окна, – сообщила учительница.

Анна Игнатьевна была не на шутку расстроена. Она сама была замкнутой и, в силу обстоятельств, очень одинокой. Ни друзей, ни подруг не было у нее в этом городе. Ее образ жизни, ее непохожесть на других отделили ее от скудного гарнизонного общества офицерских жен, ее связь с женатым мужчиной не внушала им симпатии и доверия. И она не хотела, ни за что не хотела такой же судьбы для Мариши! Пусть на дочери уже лежит печать отверженности, в этом неизбежная вина матери. Но Марина должна преодолеть это, должна заставить своих одноклассников полюбить себя! В мечтах Анна Игнатьевна видела дочь популярной и успешной. Она начитанна, умна, может поддержать любую беседу. Почему бы ей не стать душой компании?

Вечером состоялся серьезный разговор. Анна Игнатьевна изложила дочке свое мнение. Она ждала отпора. Пусть подсознательно, но надеялась, что Мариша проявит гордость и независимость характера. «Мне никто не нужен, я далеко ушла по развитию от своих одноклассников, мне интересно только с тобой, мамуля», – вот что могла бы сказать Марина.

Возможно, Анна Игнатьевна расстроилась бы снова, но, несомненно, эти слова заставили бы ее больше уважать дочь, более чутко прислушиваться к ее душевной жизни.

Но Марина, привыкшая во всем соглашаться с матерью и во всем подчиняться ей, только послушно кивала.

– Пригласи домой девочек и мальчиков. У тебя же скоро день рождения! Мы накроем стол, напечем пирожков. Поиграете в какую-нибудь игру, например в фанты. Попоете, потанцуете... И вообще не стесняйся быть ближе к ровесникам, интересуйся их жизнью. Ваша классная руководительница жалуется на твоё высокомерие... Надеюсь, ты не думаешь, что они все плохие, а ты хорошая? Ты одна из них!

Это был удар. Раньше Марина была одна-единственная, по крайней мере, для своей матери. Теперь она стала одной из многих.

– Мам, – решила попросить она. – У меня все платья такие... Такие скучные.

– А праздничное? – насторожилась мама. – У тебя же чудесное праздничное платье, недавно сшили!

– Нарядное – в клеточку и с кружевным воротником, как абажур. И туфли, они новые, но каблук какой-то школьный. Сейчас все носят на высоком каблуке, называется – копыто. У всех девочек есть, а у меня нет. И часы...

– Часы возьми мои. Копыта – это ужасно! Хотя бы шпилька... Хорошо. Будет тебе и платье, и копыта.

День рождения, естественно, не удался. Марина пригласила весь класс, восемнадцать человек. Они с мамой полночи расчищали большую комнату – чтобы все могли поместиться,

чтобы было где потанцевать! Соорудили скамейку – положили гладильную доску на два табурета. За час до появления гостей Анна Игнатьевна пошла к соседке снизу, учительнице музыки. Проигрыватель дома имелся, но толку ли в этом зеленом чемоданчике, если из музыки только записи Лещенко и Вертинского «на ребрах»? Молодежь должна слушать современную музыку!

Драгоценные виниловые диски с записями Карла Гота и Аллы Пугачевой.

– Не разбейте только, Анечка, только не поцарапайте, кладите только уж в конверты. Хорошо? А что у вас – никак, торжество намечается? Свадьба?

– У дочки день рождения, – сдержанно ответила Анна Игнатьевна.

– Мои поздравления Мариночке! Пусть растет умненькой и красивой! Пусть будет... – она несколько мгновений помолчала, будто не подбирая сравнение, а вспоминая какую-то грустную мелодию, – как мама!

Поднимаясь к себе, Анна Игнатьевна рассматривала черно-белые конверты и нервно улыбалась. Все хорошо, все хорошо. У девочки будет праздник. Она так волновалась, сбегала с утра в парикмахерскую, где ей по-модному взбили волосы, купила роскошный торт, лимонад... Сегодня она будет принцессой, будет танцевать с мальчиками – наверняка есть одноклассник, который нравится Маришке!

Из восемнадцати приглашенных пришли семеро – четыре девочки, три мальчика. Правда, они были оживлены и наряжены, принесли подарки и даже цветы. Но Марина сразу почувствовала – они явились сюда не ради нее. Им наплевать на ее день рождения, им хотелось повеселиться своей компанией, подальше от всевидящих взрослых глаз. Анна Игнатьевна, как было условлено заранее, встретив гостей, ушла в кино. На столе сразу появились две бутылки вина. Верхний свет потушили, оставив гореть фиолетовый ночничок на тумбочке, завели музыку. Из явившихся выделялась своим поведением неразлучная парочка – Миша Смирнов и Оля Стрельченко. Они сидели обнявшись, шептались, ни на кого не обращая внимания. Над столом порхали смешки, вспыхивали искорки шуток. Но на Марину никто не обращал внимания. Кто-то поставил пластинку, и Миша с Олей пошли танцевать. Танцевали они странно – просто топтались на одном месте, крепко прижавшись друг к другу.

– Окончат восьмой класс и поженятся, – сказал кто-то Марине на ухо.

Она оглянулась – за ее плечом стояла Галя Хрипуно-ва, классная заводила и признанная красавица.

– Откуда ты знаешь?

– Я все знаю, – подмигнула ей Галя. – Их родители решили поженить. А что делать, если они уже... – И снова подмигнула.

У Марины похолодело в груди и задрожали колени. Ей еще не приходилось слышать, чтобы кто-то так беззастенчиво говорил о тайной жизни мужчины и женщины. Бывало, мальчишки в классе выкрикивали гадости – но это звучало так по-детски глупо, так бессмысленно! Но она постаралась не выдать своего волнения и сказала только:

– Во дают.

– Вот именно.

К Мише и Оле присоединилась еще одна пара.

– Пошли в твою комнату, а? – предложила Галя. – Чего мы будем смотреть, как они топчутся. Посидим, поболтаем...

Марина обрадовалась. Мама была права – стоило сделать один шаг навстречу, как первая девчонка класса предлагает ей дружбу! Галю она пока знала плохо – та появилась в их классе всего год назад, ее отца перевели аж из самой Москвы! Девочка щеголяла столичными замашками и туалетами и совершенно покорила новых одноклассников, даже успела стать председателем совета дружины.

– Вот как ты живешь, – протянула Галя, осматривая комнату. – Миленько, миленько. А мама твоя где спит?

– Там, в большой комнате.

– А когда Григорьев приходит, они тоже там?

Вопрос был такой бесцеремонный, что на него даже Маринино возмущения не хватило.

– Да.

– А если тебе ночью приспичит?

Марина хмыкнула. Ей вдруг стало легко и весело разговаривать с этой нахальной, кукольно-красивой девчонкой. Наверное, в этом и в самом деле ничего дурного нет, если она может так спокойно улыбаться, крутить в руках фарфоровую белочку...

– А я стараюсь не пить на ночь, – в тон ей ответила Марина.

– Ну, ты боевая девка! – восхитилась Галя. – Да ты не тушуйся, у моей мамуськи тоже любовник есть. Тут-то нет, а в Москве был. Она, как отец в командировку уезжает, меня к тетке отправляет, а сама с ним сюси-муси... Я раз прихожу домой – а в помойном ведре бутылка из-под шампанского, коробка конфетная. Мать, говорю, ты хоть бы мне конфетку оставила. А она – ой-ой-ой, это тетя Мила Захарова в гости приходила, мы с ней посидели! Ага, а чего это там букет на столике? Это тетя Мила принесла? – И Галя так заразительно рассмеялась, что Марина не могла не засмеяться тоже.

Немного радости принес Марине этот праздник, зато теперь у нее появилась подруга. Чрезмерно бойкая, раскованная Галечка, правда, не нравилась маме. Но она не выказывала своей антипатии, оставляя дочери право выбирать себе друзей. Окончательно она примирилась, когда в семье у Галины случилась беда – ее родители разошлись. Галя осталась с матерью, которая сразу же вышла замуж, отец забрал к себе сына и переехал в другой город. Правда, он помогал дочери, но как переживала девочка, какой заплаканной приходила к Марине! Как не пожалеть, если и Маришка тоже выросла в неполной семье и тоже, должно быть, мучится от этого?

ГЛАВА 2

Экзамены. Выпускные экзамены. У кого сердце не дрогнет при этих словах, кто не вспомнит – весна, яркие майские дни, вино юности бродит в крови, а ветер – в голове. Но перед тобой лежит учебник, издевательски шуршит страницами. Нужно повторить два десятка параграфов...

Марина вздыхает, склоняется головой на сложенные руки. Ей неохота повторять пройденное. Она и так слишком много училась за прошедшие десять лет. Ее табели, сложенные стопочкой в мамином комоде, пестрят пятерками. Табель – просто лист бумаги, сложенный в виде книжечки. Туда учителя лепят четвертные и годовые оценки. Если табель не в порядке, начало каникул будет омрачено горькими попреками родителей, да и посреди лета нет-нет да и припомнят:

– Хоть бы раз за книжку взялся! Неужели так три месяца и будешь мячик пинать?

Но это о мальчишках. Мальчик может позволить себе учиться плохо, он все равно пробьет дорогу в жизни. Пойдет в армию, получит там профессию, будет при деле. А вот девочке нужно быть отличницей и активисткой. Все десять школьных лет Марина училась на пятерки. Старалась, зубрила неподатливую алгебру, хотя зачем она ей? Она давно выбрала для себя филологический факультет, а потом, если все сложится благополучно, будет работать библиотекарем. Как мама. Это самая лучшая профессия для женщины – тихая, аккуратная, интеллигентная. Но чтобы достигнуть этого, нужно еще сдать выпускные экзамены. А потом вступительный! Это не страшно, но как-то утомительно, особенно когда так странно шумит в ушах от весны.

В прошлом году в это же время Марина была уже в Ленинграде, у бабушки, и впервые белая ночь, словно подруга, шла рядом и шептала ей на ухо о своих невеликих секретах и делах. А у белой северной ночи, да еще в Питере, дел много – с одними разводными мостами сколько хлопот! Львам тоже забота нужна – как не выкроить из полупрозрачного серого полотна для сторожей Невы несколько смягчающих их каменную судьбу минут?

Кариатидам, нечеловечески уставшим за день, аркам, давно оглохшим от эха, столетним здешним липам, которым кажется, что и они когда-то были вылеплены великим мастером, – всем, кто устал и кому одиноко, хотелось бы однажды раствориться в молочном белесом паре. Ночь же, бережно ступая по земле, уговаривает и утешает всех неслышимыми, невесомыми словами. Рожденная безветрием и беззвучием невесомость – вот что больше всего потрясло Марину из всех даров, припасенных для нее самой белой ночью.

А бабушка ей понравилась гораздо меньше. Крупная, полная женщина, она научилась говорить громко и действовать решительно в затяжных, в бесконечных коммунальных войнах, которых сама же была зачинщицей. Она могла бы отдохнуть, выйдя на пенсию и получив отдельную квартиру, но привычка критически относиться к миру уже успела пустить глубокие корни. Катерина Семеновна осуждала и воспитывала все и вся, попадавшее в поле ее зрения, – соседей по дому, соседей по магазинным очередям, незнакомых детей в транспорте, свою кошку Муську и даже телевизор. Приезду внучки она обрадовалась, – наконец-то под рукой оказался благодарный и, главное, безответный материал. Муська умела больно царапаться, хорошо же воспитанная Марина не решалась ответить отповедью.

Когда внучка уехала, Катерина Семеновна начала скучать. Не желавшая прежде знать дочь, из-за того, что она нагуляла дитя, не устроила своей семейной жизни, не сберегла копейки, забрасывала ее теперь жалобными письмами.

«Болею я сильно, зрение упало. Сама себе кое-как готовлю, убираю, а писать уже не могу, попросила соседку Марью Тимофеевну, спасибо ей. Только и жду, что приедет внученька, поступит на учебу, а мы бы с ней так хорошо зажили. Годы мои старые, скоро помирать. Квартира бы ей и осталась. Дочка, ты на меня не обижайся, если что не так было. Я всю жизнь работала, наработала себе жилье в Ленинграде, теперь больше всего хочу, чтоб мы жили одной семьей. Марина здесь себе жениха хорошего найдет, а то у вас там пьянь да солдатня, а в общежитии испортят...»

Мама торопливо дочитывала письмо, прятала его в грязноватый конверт и вздыхала, спрашивала в сотый раз:

- Хочешь жить с бабушкой? Поедешь к ней?
- Хочу. Поеду, – в сотый раз терпеливо повторяла Марина.
- Смотри, дочь. Она тяжелый человек, с характером, привыкла жить одна. Может, с возрастом только помягче стала... – И снова глубоко задумывалась.

Но Марине задумываться было некогда. Она зубрила алгебру, она знала, что ей необходимо получить золотую медаль, иначе она не попадет в институт.

- А чего дверь открыта? Заходи кто хочешь, бери чего хочешь!

Знакомый голос в прихожей. Это Галка, подруга, прибежала, каждый день ходит, чтобы вместе готовиться к экзаменам. Правду сказать, эти два часа, что Галя может высидеть за книжками, девчонки просто болтают. Потом подруга уходит, а Марина снова стачивает зубы о гранит науки. И ведь что интересно – учится Галка тоже на одни пятерки! У нее талант, она все на лету схватывает. В этом году в школе будут две медалистки, но на этом их дорожки разойдутся. Галка поедет в Москву поступать. Она еще даже не знает куда, ей все равно.

- На зубного врача разве выучиться, – мечтает она порой.
- Всю жизнь копать в гнилых зубах? – ужасается Марина.
- Дура ты, Маришка! Во-первых, протезисты не копаются в гнилых зубах. А во-вторых, именно протезисты и гребут самые большие деньги!

Марина только усмехалась. Несерьезный человек Галка! Разве в деньгах счастье?

Но сегодня подруга была странно взвинчена. Она не села в привычное кресло, не заглянула в учебник, а стала разгуливать по комнате, то рассматривая обложки книг на полках, то выглядывая в окно.

- Галь, ты что шебутишься? Сядь, а то у меня голова кружится.
- Слушай, мне тебе кое-что рассказать надо, – прервала ее подруга. – Никому не расскажешь?

– Никому, – пожала плечами Марина. – Ты меня знаешь.

– Так вот. Вчера мать уехала навестить Димку. Он восьмой класс окончил, теперь решает, идти ему в училище или в школе оставаться.

– А в какое училище? – перебила Марина подругу.

Димка был братом Галки, после развода их родителей он остался с отцом и жил теперь в другом городе. Марина помнила его смутно, но считала нужным интересоваться родственниками подруги, если уж она так взволнованно о них рассказывает.

– Да какая разница, – отмахнулась Галка, и Марина удивилась. – В какое-то. Не знаю. Мать уехала, я дома одна. Отчим должен поздно прийти со смены. Ну, я чаю попила и думаю: пойду-ка спать. И тут является. Явно под хмельком. Приносит бутылку шампанского, шоколадный набор в во-от такой коробке. Давай, говорит, посидим. Ну, думаю, заколотил деньжат, теперь празднует. Сидим. А он то за руку меня возьмет, то по плечу эдак погладит.

– А ты что? – жарким шепотом выдохнула Марина.

– Да что – я! Ты мои с ним отношения знаешь. Здрас-те, до свидания, вот и вся любовь. Я посидела чуть-чуть, встала, спокойной ночи, говорю. А он: ну давай, еще чуть-чуть посидим. Берет меня за руку и тянет на колени к себе. Я говорю: спать хочу, вырываюсь. А он вскакивает и хватается меня.

– Как?

– Как... Не буду я на тебе показывать. Обнимает просто руками и начинает в ухо всякую чепуху шептать. Люблю тебя, жить не могу, что хочешь подарю, все для тебя сделаю. Как королеву, говорит, наряжу.

– А ты что?

– Да чего ты заладила – что да что! Оттолкнула его, обозвала козлом и ушла. Хорошо, у меня на двери спальни щеколда. С утра его и не видела, убежал куда-то. Бутылку и конфеты где-то спрятал, следы замел. Вот теперь не знаю, что мне делать.

– Расскажи все маме. Зачем ей такой муж, а тебе отчим?

– Ага, «расскажи». Как будто ты мою муттер не знаешь!

Марина задумалась. Она не любила самодовольную, высокомерную Антонину Дмитриевну. Но ведь Галке-то она мать?

– Затормошила меня совсем, – продолжала подруга. – Зачем губы намазала, зачем короткую юбку надела, сними эту кофточку, она просвечивает! Да просто завидует, что я молодая, а она старая, вот и все! Если я ей расскажу, она объявит, что это я во всем виновата. Завлекала, привлекала, как-нибудь... не так... себя вела!

И, упав наконец в кресло, Галка заревела. Марина кинулась ее утешать, обнимать, тормошить, но и сама она чувствовала, что внутри закипают слезы.

– Я вот... что... решила, – проговорила Галя сквозь всхлипы. – Ничего матери говорить не буду. Сдам экзамены, махну в Москву, а там только они меня и видели.

– Правильно, правильно, – соглашалась Марина, утирая Галке потеки туши со щек. – Ой, кажется, мама пришла...

Когда мама заглянула в комнату дочери, девочки сидели, уткнувшись в учебники.

– Занимаетесь? Галя, ты что, плакала? Что-то дома случилось?

– Нет, что вы, – натянуто улыбнулась Галка.

– Мам, она просто задачу не смогла решить, вот и расстроилась, – лихо соврала Марина.

– Да? Ну, тут я вам не помощница. С математикой у меня всегда были нелады. Учитесь, девчонки, а я вам сейчас какао сварю...

Но вот и экзамены позади, и сшито платье для выпускного вечера. Марина и Галя ходили к портнихе вместе, вместе примеряли наряды. У блондинки Гали – бледно-голубое, у черненькой Марины – нежно-розовое. Воздушные, изящные платья, с тем легким налетом старомодности, что получается только у провинциальных портних и придает вещи особую торжественность. Толстенная, веселая портниха была признанной мастерицей по

«выпускным» платьям, шила быстро и с душой, всех юных клиенток называла «лапушками». Ее и саму так прозвали – Лапушка. Глянцевые издания в те времена были редкостью, не дошла еще до дальних уголков России прославленная «Бурда-моден». У портнихи водились советские журналы мод пяти- и десятилетней давности, так что клиенты предпочитали, чтобы Лапушка фасонила из своей головы. И она шила платья для принцесс, что девочки любят рисовать в своих тетрадках – руки-крюки, ноги-грабли, глаза вполовину лица да губки сердечком, а платья розовые, голубые, с воланами, рюшами, рукавами фонариком или плиссе, с цветками на груди и подоле...

Девчонки переодевались в примерочной, хихикали, подтрунивали друг над другом.

– Ой, Маринка, ты тощая какая! У тебя и груди-то нет, зачем лифчик носишь?

– Зато ты отрастила, – обижалась Марина, рассматривая в зеркало свою идеально-тонкую, египетскую фигурку. Как не пришли времена глянца, не пришла и мода на худых девушек, в фаворе были фигуристые, с ножками-бутылочками, плечами-булками.

– Да, есть чем гордиться! Слушай, Марин. – Лицо Галки, отраженное в зеркале, вдруг стало очень серьезным. – А к тебе этот... дядя Володя... Он к тебе не лез?

– Да нет, что ты! Дядя Володя в мою сторону даже не смотрит. Я не уверена, что он меня узнает, когда встречается на улицах. А что это ты спросила?

– Ничего, – поежилась Галка. – Я тут подумала: может, я и правда вела себя как-то не так? Я в таком халатике при отчине фигуряла, лифчики свои в ванной развешивала...

– Глупости какие. Брось об этом думать.

Но Марина поняла, почему подруга задала ей такой странный вопрос. Ей не хотелось оставаться в одиночестве, не хотелось думать, что она одна какая-то не такая. Галя винила себя там, где ее вины не было и быть не могло. И все же последующие события накрепко связались в сознании Марины с этим разговором, с образом полуодетой Галки, и она больше не смогла относиться к ней как прежде.

Выпускной бал – сумбурный, радостный вихрь. Слезы преподавателей и родителей, бессмысленная гордость выпускников, тайный глоток вина в кабинете географии, тайный поцелуй в коридоре! Звуки вальса, который никто не умеет танцевать, нежной щекоткой отзываются в сердце, но сразу сменяются пошловатыми завываниями школьного ансамбля. А там начинает светать, и все идут на улицу, оставляя почти нетронутыми накрытые родителями столы. «Ах-ах, и куда мы столько наготовили!» Да ведь не есть же они сюда пришли, эти наряженные мальчики и девочки, их ждут удовольствия слаще пирожных: феерические планы, самоуверенные мечты, легкое чувство превосходства над всем миром... Короли и королевы одного вечера, калифы на час, завтра же они снова усядутся за учебники... «У меня получится, я въеду на коне в сверкающий город, а вы все останетесь здесь, в глубинке, в непролазной российской грязище...»

Марина пришла домой на рассвете и сразу упала в постель, не успев даже счастливо вздохнуть, на миг погрузившись в пьяняще-душное сиреневое облако на столе. Про счастливые пять лепестков она так и забыла, так и не успела их найти, вернее – обошлась без их помощи... Розовое платье, как дремлющий фламинго, свернулось на ковре, спрятав голову под плиссированное крыло, остроносые туфельки прижались друг к другу лакированными бочками. Мама, тихонько подойдя, накрыла ее пледом.

– Спит? – шепнул Владимир, когда она вышла в кухню.

– Спит. И видит сны. Глаза под веками так и бегают...

– Нагулялась.

– Да. Пусть поспит. Завтра посидим, отпразднуем тихонько, в кругу семьи.

– О? Ну тогда ставь пироги, хозяйка.

– Пироги? Нет, дружочек, перебьетесь покупным тортом.

– Я пошутил. Ты подарок-то Маришке купила?

– Подарок давно готов. Вот, смотри.

– Дорогая вещица.

– Недешевая.

- У меня тоже есть для нее кое-что.
- Володя!
- Ничего, мы подумаем, как это подать.

Когда Марина проснулась, солнце уже торчало высоко в небе, а из большой комнаты доносился какой-то знакомый шум. Прислушавшись, она поняла: это раздвигают стол.

– Вот и наша спящая красавица явилась! – приветствовала ее мама. – Быстренько умывайся, приводи себя в порядок, посидим тихонько. Володя в кухне хозяйничает, а мне еще надо сбегать за тортом на комбинат. Я же торт заказала, Маришка! Сейчас как раз должен быть готов!

- Может, я схожу?
- Нет-нет, я сама. Иди умой свою заспанную физиономию.

На кухне дядя Володя разделывал красную рыбу, острейшим ножом поддевал пятнистую кожицу, обнажая нежное, жирное мясо. В духовке что-то шкварчало, плыли аппетитные ароматы. Новоявленный кулинар устроился с комфортом – подвязался маминым клетчатым фартучком, включил радио, перед ним стояла откупоренная бутылка пива, из которой он с удовольствием прихлебывал.

- Здравствуй, Марина. С окончанием школы тебя! Разделалась с каторгой.

Марина вымученно улыбнулась. Она так редко разговаривала с дядей Володи, что даже нетвердо помнила его голос.

- Налить тебе пивка?
- А налейте. – Ей удалось перенять его легкий тон.

Дядя Володя вытащил из холодильника сразу же запотевшую коричневую бутылку, откупорил, налил в стакан.

Они чокнулись. Как странно щекотит губы эта легкая пена, какой непривычный горьковатый привкус. Почему так смотрит этот человек?

– Ну вот ты и выросла, – сказал он с какой-то напряженной торжественностью. – А я помню... Ладно. Вот тебе, Марина, подарок от меня.

Он достал из кармана пиджака, висевшего тут же, на стуле, темно-красную бархатную коробочку и бережно передал ей в руки.

– Что вы, зачем, – забормотала Марина. В муаровом нутре коробочки лежало золотое колечко, крошечный прозрачный камешек подмигнул Марине насмешливо. – Спасибо.

- Носи на здоровье.

Он сделал шаг к Марине, взял ее за локти, неловко поцеловал в щеку. Он был очень большой, очень грузный, он навис над девушкой, как скала, в узкой кухоньке некуда было отступить. И его странное, торопливое дыхание, его горячие ладони, жгущие кожу сквозь тонкие рукава свитера, его расширенные, пульсирующие зрачки напугали девушку. Ей стало жарко и противно, засосало где-то под ложечкой.

- Спасибо... Я пойду. Пустите.
- Марина, подожди. Я...

Она вывернулась, он пытался удержать. Горячая шершавая ладонь скользнула под мышку, ощутила тонкие прутки ребер. Так долго сдерживаемая нежность, горечь, тоска...

- Пустите меня!

Она убежала в свою спальню, сердце больно колотилось, глаза щипало от злых слез. Да что же это? Неужели и с ней то же, то же, что и с Галкой? Подарил золотое колечко, поцеловал, пытался обнять! Как она сказала? Старый козел! На двери нет замка, нельзя запереться. Но шагов не слышно, он остался в кухне, не пошел за Мариной. Почему не уходит? Надеется, что она будет молчать, ничего не скажет маме? Внизу, под окнами, брякнула щеколда калитки. Мама пришла.

- Маринка, смотри, какой тортище, жалко будет резать! Марин... Да что с тобой?

Вышла раскрасневшаяся – на смуглой коже алели неровные пятна, глаза злые, губы крепко сжаты.

- Он ко мне приставал, – стальным голосом сказала она, краешком сознания отметив,

что сама за собой такого голоса и тона раньше не замечала. – Подарил цацку, соблазнить думал?

Бархатная коробочка, отброшенная дрожащей рукой, мягко стукнула об пол где-то за креслом.

– Целоваться полез, за бока хватал!

На «старого козла» запала уже не хватило, Марина заплакала, сквозь радугу слез примечая: мама прижалась к дверному косяку, мучительно держится за голову. Дядя Володя застыл в дверном проеме, огромные руки комкают клетчатый фартучек. Тишина. Только на подоконнике горланят, дерутся воробьи да в кухне закипает чайник.

– Девочка моя... Ты ошиблась. Успокойся. Это я виновата, я, Марина... Он твой отец.

Воробьи поделили крошки и улетели. Плач унимается, остается только короткая судорога на излете выдоха. Торт, сделанный на заказ, украшенный кремовыми ромашками и незабудками, ненужный, незаслуженно забытый, одиноко стоит на столе. Все происходит так, словно годы равны секундам, а секунды растянуты до бесконечности. Дядя Володя (отец!?) находит за креслом коробочку, протягивает Марине. Та берет. Колечко с искристым камешком приходится как раз на средний палец правой руки.

ГЛАВА 3

Марина поступила в институт без труда, даже сама удивилась, как легко и просто это получилось. Но студенческая жизнь, разгульно-бесшабашная, с быстротечными романами и дешевым алкоголем, не далась ей. Бабушка чувствовала себя все хуже, а держала себя все требовательней. Она почти ослепла, уже не занималась хозяйством, не могла смотреть телевизор, распоряжаться деньгами. Однако продолжала затяжные пререкания – теперь уже только с Мариной. Скрепя сердце отдала финансовый вопрос на откуп Марине, но уж и спрашивала с нее втрое. Почему все каша да макароны, а мяса нет? Когда она жила одна, два раза в неделю мясо ела! Куда Марина тратит свою стипендию отличницы? Не выходит ли так, что живут они обе на бабкину пенсию? Из пенсии она, однако, удерживала большую часть, откладывая себе «на похороны». А ведь нужно платить за квартиру, покупать продукты и лекарства, ездить каждый день в институт и обратно... А одежда? Ленинград – большой город, тут надо выглядеть прилично. Зимние сапоги у Марины совсем плохи, на подошве дыра, голенища потрескались. Девчонки уже смеялись. А бабушка свое твердит: покупай фрукты, мне нужны витамины. Или раньше времени хочешь в гроб старуху вогнать?

Не до гулянок было Марине. С лекций сразу домой, дома по хозяйству шустрить, ночью заниматься. Однокурсники устраивают вечеринки, слушают каких-то полуподпольных музыкантов, пьют вино и танцуют. У Марины нет времени для вечеринок, нет денег на вино и наряды. Но даже это бедное житье, лишенное обычных радостей, показалось ей раем. Потому что случилось страшное.

Перед ее отъездом в Ленинград произошел важный разговор. Разговор с большой буквы. Марина ничего не спрашивала, мама и дядя Володя сами его начали. Да, Марина его дочь. Об этом нельзя было говорить. Почему? Нельзя, и все. Они очень мучились из-за этого. Теперь Марина взрослая, имеет право знать. Все будет как раньше. Может быть, когда-нибудь они смогут об этом говорить прямо. Может быть, когда-нибудь они станут жить все вместе и назовут себя семьей. Дело в жене дяди Володи? Марина не стала спрашивать, но она чувствовала: дело не в ней. Его жена – просто слабая, вздорная женщина, попавшая между жерновами какой-то неведомой драмы. А драмой этой дирижирует, эти жернова крутит, чья-то чуждая, злая, равнодушная воля. Чья? Говорят, об этом не надо задумываться, рассуждать и вообще вспоминать. Хорошо. Незачем тогда и заводить этот разговор.

Мать писала регулярно. Ее сдержанные, стилистически безупречные письма не грели душу дочери. Мама прекрасно понимала, что Марине живется нелегко. Но она жила далеко, у нее были свои привычные трудности и маленькие радости. Так, писала она, дядя Володя

купил машину «жигули». «Иногда мы ездим вместе за город. Любуемся природой. Осенью в лесу очень красиво. Представь, эти красные и желтые тона, и опять, которым тесновато на трухлявом пенышке, и все залито блеском от только что проморосив-шего дождя...»

Марина завидовала матери, вспоминала осенний лес и выглядывала в окно. Она удивлялась: почему когда-то казалось ей, что можно любить этот закованный в гранит город, всех лошадей и сфинксов которого она обменяла бы сейчас на один багровеющий дуб? Печаль бывает несправедлива. Тем более что поездки эти добром не кончились.

Когда пришла телеграмма, Марина была в библиотеке. Бабушка сама кое-как расписалась в толстой книге у почтальонши и, когда внучка явилась домой, набросилась на нее с жалобами. К чему торчать в библиотеке, разве мало она уже прочитала книг? Старуха была вынуждена вставать с постели, плестись к дверям, отпирать, рискуя собственной жизнью, незнакомому человеку (эта самая почтальонша раз в месяц приносила ей пенсию), да еще расписываться в книге и мучиться потом, думая, что написано в этой телеграмме? Ну, что же там, что?

Марина не слышала упреков. Телеграмма была от незнакомой ей человека, от главного врача больницы. Случилась автокатастрофа. Ее мать в тяжелом состоянии, в больнице.

Наскоро собравшись, заняв у соседей денег, кинулась она домой, молясь об одном: застать маму в живых, увидеть ее еще раз. Наверное, каждому человеку рано или поздно приходится возвращаться домой, не чуя дороги, какой бы длинной она ни была. Это потом, через много лет, мы начинаем вдруг слышать перестук колес, видим, как шагают в туман дорожные столбы, слышим, чувствуем всем телом дрожь взлетающего самолета. Это потом нам приходится преодолевать тот путь снова и снова, и с каждым годом он кажется нам все длинней...

Надежды Марины оправдались, ее мольбы не оказались напрасны. Мать была жива, врачи дали благоприятный для жизни прогноз. Но вот ее тело, гибкое тело, влюбленное в жизнь, теперь обездвижено. Поврежден позвоночник. Ничего нельзя сделать, этим ногам не топтать больше осенних листьев. С руками тоже плохо. Правая кое-как действует, левая лежит как плеть.

Дядя Володя с мамой решили выбраться за город не в лучший день. Накануне шел мелкий неторопливый дождь, а с утра неожиданно подморозило, и дорога покрылась тончайшей ледяной скорлупкой, блестевшей под утренним солнцем. Как неловкий конькобежец, заскользил по льду голубой автомобильчик, не удержался и кувырком полетел в придорожный кювет. Дядя Володя был за рулем, он погиб сразу. Мама выжила.

Марина потеряла отца, едва обретя его, должна была оплакивать его, не успев полюбить. Впрочем, она не пришла на его похороны. Не хотелось оставлять маму, да и слишком жива была в памяти та сцена в магазине тканей, орущий, распяленный рот его жены.

Марина не могла остаться в родном городке, не могла оставить там маму. Им просто негде было бы жить – квартирka, в которой выросла Марина, принадлежала школе и предоставлялась только служащим школы. Маме дали инвалидность и небольшую пенсию. Они вместе уехали в Ленинград, и в бабушкиной квартире стало еще теснее и еще труднее жить.

Две тяжелобольные женщины лежали в одной комнате. Кровать бабушки, диван мамы стояли на расстоянии вытянутой руки. Нашлось место для телевизора и платяного шкафа, для маленького столика с лекарствами. Марина купила раскладушку, спала она теперь в кухне. Это был единственный плюс нового положения дел – по крайней мере, она могла остаться наедине с собой, избавлена была от печальных разговоров и назойливых вздохов бабушки перед сном, по утрам и даже ночью. К тому же она вновь могла посоветоваться с мамой, ей было с кем поговорить...

Но забот прибавилось. На Марине лежал теперь уход за двумя больными, уход сложный, требующий профессиональных навыков сиделки, отнимающий много сил. Были ли ее подопечные благодарны ей? О да, конечно. Но как тяжело хворать, как тяжело осознавать

свою неполноценность! Лишенная движения мать и слепая бабушка, обе в прошлом весьма живые, деятельные, властные женщины, страдали от своего положения. Взаимное раздражение они выплескивали друг на друга. Занимаясь вечерами в кухне, Марина затыкала уши, но из комнаты до нее все равно докатывались мутные волны обреченности и недовольства – сверху болтался в них мусор мелочных дразг, а под ними, в глубине, таились противоречия посерьезней. И вот уже вспоминались прошлые обиды, предьявлялись застарелые, как мозоли, счеты.

– А ты в подоле принесла, на, мама, воспитывай! Разве для того я тебя растила, кормила, кусок от себя отрывала, чтоб ты хвостом мела? Даже замуж выйти не смогла, грош тебе цена после этого, – выговаривала бабушка, словно забыв, что сама растила дочь без отца.

– Мама, ты права. Мне сейчас даже не грош цена, а и копейки не дадут. Но я устала от твоих разговоров. Давай просто посмотрим телевизор. Эта девочка, что я, по твоему выражению, принесла в подоле, заботится о нас, не жалея себя. Подумай хотя бы о ней, если уж на мои чувства тебе плевать!

На минуту воцарялась тишина. Но вскоре что-то, увиденное на экране, вернее, услышанное, снова взбудораживало беспокойную бабушкину натуру.

– Нет, от детей благодарности не дождешься! Вот и ты тоже – жила сама по себе, ни копейкой матери не помогла, только и было, что открытки на Новый год! А теперича, как прижало, небось к матери приехала!

– Я еще на день рождения посылала открытки, – со сдержанным напряжением отвечала мать.

– Вот спасибо, порадовала! А где ж хоромы твои, богачка? Писала все: в отдельной квартире с дочкой живем! Вот и отобрали у тебя твою отдельную, никому ты не нужна стала! Мою-то вон небось никто не отберет, потому что я всю жизнь работала, а не книжечками шуршала!

– Я к тебе не по своей воле ехала, так и знай! Если бы не болезнь... – срывалась наконец мать.

И так каждый день, день за днем, без тайм-аутов. Иногда Марина вспыхивала, входила в комнату и со слезой в голосе просила маму и бабушку замолчать, помириться, завести разговор о чем-нибудь более приятном. Тогда больные и, в сущности, беспомощные женщины срывали раздражение на ней. Она снова уходила в кухню и слышала, как они попрекают друг друга:

– Это все твое, твое воспитание. Распустила девку, как со старшими-то говорить начала. Взяла себе волю!

– Да ты своей воркотней кого угодно с ума сведешь!

Но главной проблемой для Марины стали даже не домашние дразги, а голые прилавки. На Ленинград накатывала волна голода. На государственных прилавках стояли трехлитровые банки с тыквенным напитком цвета детской неожиданности. Больше ничего не было, ни чая, ни сахара, ни колбасы. Марина донашивала мамины сапоги – купить новую обувь не стоило и мечтать. Девчонки в институте рассказывали о первом в Ленинграде совместном предприятии. Советско-германский «Ленвест» выпускал замечательную обувь, но талоны на нее распределялись по предприятиям и разыгрывались в лотерею среди сотрудников. Возле фирменных магазинов «Ленвеста» выстраивались многочасовые очереди. Стоять в них Марине было некогда. Не могла она и отовариваться в кооперативах. Копченая колбаса, торт «Птичье молоко» из манной каши и прочие деликатесы переходного периода стоили там очень дорого. Мама и бабушка, казалось, не осознавали всей тяжести ситуации и активно выражали свое недовольство, если их кормили невкусно, несытно, невитамин-но. Из всех источников познания жизни у женщин оставался телевизор, который Марина не смотрела – некогда было. Как-то, принеся в комнату поднос с ужином, она обратила внимание на экран. Шла программа «600 секунд». Вьедливый тележурналист, находящийся на пике популярности, допрашивал кооператора, угрожающе-разоблачительно

поблескивая черной курткой. В частности, интересовал его вопрос, не стыдно ли тому продавать чай по цене выше государственной. Несчастный предприниматель ерзал на месте, утирал пот платочком и, наконец, сознался, что да, стыдно.

– Марина, слышишь? Не смей ничего покупать в кооперативах! – одарила ее наставлением мама.

Марина только вздохнула. Да откуда у нее такие деньги? Двух более чем скромных пенсий и повышенной стипендии хватало только на самую скромную жизнь.

Стало немного легче, когда ввели карточки. Их называли талонами, и нормы были далеки от военных. На одного ленинградца полагалось по десять штук яиц, триста граммов растительного масла, два килограмма сахара, полтора килограмма мяса да килограмм макарон. Еще были талоны на водку, вино и сигареты, их тоже можно было отоварить продуктами, потому что и вино, и сигареты были трем женщинам без надобности.

Год, когда Марина закончила университет, оказался переломным не только для нее, но и для всего города. Ленинград снова стал Санкт-Петербургом, и горожане выбрали мэра. Непонятно, как у ленинградцев хватило сил добрести к выборным пунктам – жизнь становилась все дороже, а жить становилось, как говорится, все веселее. Говядина с двух рублей взметнулась до семи, эталон застойного раздолья, докторская колбаса, с тех же стартовых двух рублей рванула до восьми с половиной. Черный хлеб вместо двенадцати копеек начал обходиться в сорок восемь. Вот именно – только еще начал! Колобок цен и от бабушки ушел и от дедушки смотался – вот и скреби по сусекам. Когда на тебе дом и два недееспособных человека, все воспринимаешь ближе, больше, глубже. Марине надолго запомнилась брошенная кем-то на рынке фраза: «Мяско-то нынче зубастое!» Да что мясо! Дорого стало рожать детей – детские товары подорожали аж в пять раз.

Ценовой скачок никак не сказался на дефиците, жизненно важные товары отпускались все так же по карточкам. Начались перебои с хлебом, а к осени продовольственные магазины стали попросту закрываться. Ленинградцы, гордясь историческим названием города и новым, прогрессивным мэром, затягивали потуже пояса, заседали картошкой дачные наделы, ради получения праздничного продуктового набора заключали фиктивные браки. И быть бы блокадной зиме, если бы не гуманитарная помощь! Город-побратим Гамбург прислал петербуржцам восемьсот тысяч продовольственных посылок, и для Марины тот год приобрел приторный, искусственный привкус котлет из этих посылок. Котлеты, упакованные в синюю фольгу с золотыми звездочками, были сделаны из сои. Мясо жители веселого Гамбурга кушали сами.

Выданные новенькие дипломы вчерашние студенты решили обмыть в кооперативном кафе «Виктория». Марина не хотела идти, не в чем было, не из чего внести свою долю, но тут мама настояла. Как когда-то она предложила Марине собрать одноклассников на день рождения, так и теперь она горячо советовала на вечеринку сходить и сунула дочери накопленные тайком деньги.

– Тебе нужно... нужно общаться с ровесниками. Мы превратили тебя в домработницу, так и молодость пройдет! Сходи повеселись. Не думай о нарядах. Студенческая вечеринка допускает самую свободную форму одежды, – вещала она как по писаному, воспользовавшись тем, что бабуля заснула. – Джинсы у тебя есть, купи только кофточку, обуй мои выходные туфли. Обязательно иди!

И Марина пошла, удивив однокурсников. Она купила в кооперативном магазине беленькую блузку с выбитыми кружевцами, вытащила из коробки мамины туфельки. Они слегка жали, но это ничего, зато красиво.

В кафе был полумрак, горели затейливые светильники на столах, и звучала сладкая, тягучая музыка. Певица в лоснящемся платье покачивала бедрами на эстраде, голосок у нее был хриловатый, но приятный. Чувствовался недостаток в кавалерах, филологический факультет никогда не мог похвастать студентами мужского пола. Но когда девочки немного подвыпили, освоились и стали смеяться, начали подтягиваться кавалеры от других столиков.

Марина, вопреки своим страхам, не осталась без мужского внимания. Ее пригласил долговязый, модно одетый парень, танцевал с ней три раза подряд, заказал для нее коктейль.

Коктейль оказался крепковат. У Марины сразу закружилась голова, но она не показала виду, элегантно вытянула сигарету из предложенной пачки, закурила. Ее новый знакомый назвался Сергеем, он казался очень взрослым, очень бывалым, смешил Марину пошловатыми анекдотами и поминутно целовал руку. Однокурсницы смотрели на Марину с завистью. Надо же, как развернулась эта тихоня!

Они выпили еще по коктейлю, а потом Марине попались на глаза часы, и она присвистнула. Как поздно!

– Мне пора. – Она решительно поднялась, нашла свою сумочку, поулыбалась подругам и помахала рукой отошедшему к стойке Сергею.

Но когда она спустилась к дверям, он уже ждал ее на улице, курил.

– Думала сбежать, Золушка? Не выйдет. Я тебя провожу.

– Не стоит.

– Поздно, – возразил он. – Я возьму такси.

На заднем сиденье автомобиля он начал целовать ее в шею быстрыми, мелкими поцелуями, от которых таяло и растекалось в груди сердце. Сухие, твердые мужские губы, пахнущие табаком, нашли губы Марины, прижались в долгом поцелуе. Очнувшись, Марина поняла, что машина стоит не под светофором, как она полагала, а возле ее двора, шофер терпеливо смотрит в окно.

– Мы уже приехали? А что же вы... молчите?

– Мне-то что! Счетчик щелкает!

– Не пригласишь на чашечку чаю? – спросил Сергей, едва они из автомобиля выбрались.

Марина стушевалась:

– Понимаете, у меня мама и бабушка...

– Понятно, густо населенная квартира, – кивнул он и с досадой усмехнулся. – У меня та же ситуация... Ладно. Давай только еще посидим там, на скамеечке? Время-то детское, ты уже почти дома.

– Хорошо, – машинально ответила Марина, успев заметить в окнах своей квартиры голубое мерцание. Мама и бабушка смотрят телевизор, привычно и устало бранясь. Сегодня перепалка жарче, сегодня особое событие. Марина придет домой в десять часов вечера! Так что большой беды не будет, если она придет не в десять, а в половине одиннадцатого.

Скамейка была тщательно закрыта от любопытных взглядов раскидистым кустом сирени. Объятия становились все жарче, поцелуи настойчивее, горячее дыхание Сергея обжигало кожу груди, руки чувствовались на всем теле сразу, и больно впивался в спину какой-то вылезший из спинки сиденья гвоздь...

Она пришла домой в одиннадцать и усмехнулась, бросив взгляд на часы в прихожей. Старая шутка припомнилась ей. «Во сколько ложатся в постель хорошие девочки? Хорошие девочки ложатся в постель в девять, чтобы к одиннадцати быть уже дома». А тут даже не постель, садовая скамейка. Ну и пусть.

Она удивилась тому, как быстро и небрежно простился с ней Сергей. Мазнул губами по щеке, потрепал по волосам:

– Пока, малыш. Хорошо было, да? Дай мне свой телефон, я позвоню.

Но телефона у Марины не было. Тогда он записал ей свой на спичечном коробке, усмехнулся:

– Не потеряй. Звони, как будет настроение.

Для чего настроение? Какое настроение? Разве они теперь не вместе? Станный народ мужчины. Быть может, он женат? Но тогда зачем дал телефон, жена может снять трубку первой?

– Доченька! Ну как, повеселилась?

– Да, мама. Было чудесно.

Она вошла в комнату, и на секунду ей все показалось чужим. Телевизор «Рекорд», который она сама купила взамен сгоревшего в прошлом году, успев до подорожания, показывал концерт. Вульгарно накрашенная певица в мини-платье беззвучно открывала рот, словно была рыбой, плавающей в ярко освещенном аквариуме. Эта грузная старуха, храпящая на кровати, – бабушка Марины? Эта женщина с издерганным лицом – ее мама?

– Мариш, ты что? Вы выпили немного, да? Ты иди ложись. А табаком-то как несет, фу! Маринка, курить некрасиво и неженственно!

– Мам, я не курю. Просто там все курили, вот одежда и пропахла. Я тебе потом все расскажу, ладно? Устала, и туфли жали, – шепотом ответила Марина.

– Иди, иди ложись...

Но странный приступ неузнавания не прошел. В душе Марина с удивлением рассматривала свое тело, казавшееся ей чужим. Чистя зубы, с удивлением разглядывала в зеркале свое лицо. Высокие скулы, темные египетские глаза, тонкий нос с чуть вздернутым кончиком, пухлые губы, вымазанные зубным порошком... И это – она? Она только что наспех отдалась мужчине на садовой скамейке, после двух часов знакомства? И что же теперь будет?

ГЛАВА 4

Перемену в ней первой заметила почтальонша, что приносила маме и бабушке пенсии. Ехидным шепотком объявила:

– Видела сейчас в лифте вашу девочку. Она, никак, замуж вышла?

– Не-ет, какое там, – охотно отозвалась бабушка. – Разве сейчас мужика найдешь? Только и норовят пузо сделать и сбежать...

Ее ехидство было направлено на дочь, но досужая почтальонша истолковала его иначе.

– Так и есть, так и есть, – поддакнула она. – Только пусть на алименты подаст, если рожать решила. А чего ж, за удовольствие платить надо.

Она хихикнула, довольная формулировкой, но ее смех никто не поддержал.

– Кто – рожать? Это как так – рожать? – вскинулась бабушка. – Ты чего говоришь-та, балаболка?

– Я балаболка? Вот те раз! Ну, ты-то слепая, так тут мамаша зрячая лежит! Мариночка ваша с животом ходит, а я балаболка! – возмутилась почтальонша и поспешно ретировалась, поняв, быть может, что принесла не самую желанную весть.

Насчет живота – это было сильно сказано. Живот пока был еще животиком, но беременность была заметна не по фигуре, а по лицу Марины, по осунувшемуся, с кругами под глазами, потемневшему лицу. Свое состояние она осознала поздно, разум отвергал свершившийся факт. Время для аборта было упущено, в женской консультации над ней только посмеялись и поставили на учет. Открыться маме и бабушке Марина боялась, все ждала чего-то и вот дождалась.

Она вернулась из булочной, а дома ее ждал грандиозный, феерический скандал.

– Нагулялась? – визжала бабуля во всю мощь. – На-праздновалась? Думаешь, сдашь нас в инвалидный дом, а сама тут станешь жить с ублюдком? С кем нагуляла-то, скромница? Или от книжной пыли такое заводится?

Речи матери были скромнее, но и они радости не прибавили, стало только хуже от сквозившего в них здравого смысла.

– Мариночка, что ты наделала? Куда же нам ребенка, в такую тесноту? У тебя кто-то есть? Он не хочет на тебе жениться? Но хоть помогать будет?

– Твое, твоё воспитание, сама шалава, и дочь туда же, – голосила на слезе бабуля.

– Мама, замолчи! Мариш, ну что же ты? Расскажи нам!

Марине было нечего рассказывать. Телефон, который ей записал на спичечном коробке Сергей, оказался пустышкой, фальшивкой. Не было такого номера во всем огромном городе. Она ждала, что он появится сам, – ведь знал, где она живет...

Она повернулась и ушла к себе, в кухню. Слышала привычно-обостренным слухом, как мать излагает всхлипывающей бабушке свои предположения. По ее версии, Мариш-ка полюбила какого-нибудь профессора, преподавателя университета. Кого же еще? Она больше нигде не бывает. Он солидный, положительный человек, женат, но не смог устоять перед умной и красивой студенткой. Их чувства вспыхнули давно, но волю они себе дали только сейчас, когда Мариночка университет окончила. Может быть, он оставит жену и женится на Марине. Сейчас за разводы никого не преследуют. А нет, так и не надо, все равно он будет помогать ребенку и любимой женщине... Быть может, он даже доктор наук, им сейчас полагается серьезная надбавка!

Мама повествовала о несуществующем профессоре с такой убежденностью в голосе и интонациях, что Марина увидела его как наяву. Невысокий, в драповом пальто и клетчатой кепке. На носу – сильные очки-линзы, в руках обшарпанная папка с докторской диссертацией. А под локоть профессора держит жена, такая же, как он, драповая и пыльная, с папкой в руках. Может быть, даже кандидат наук, им тоже полагается надбавка.

Ребенок мягко шевельнулся в животе, напомнил о себе. Пять месяцев до родов. До этого момента нужно решить, где они будут жить и на что.

Окружающие не оставляли своим вниманием попавшую в беду Марину. Так же как с почтальоншей, в лифте она встретилась с соседкой. Они каждый день встречались, когда та шла гулять с маленькой дочкой. Украдкой Марина наблюдала за жизнью этой семьи, она казалась ей такой комфортной, такой безмятежно-счастливой! Они втроем – муж, жена и дочка – занимали трехкомнатную квартиру. Там Марина никогда не была, но по доносящимся оттуда звукам и запахам можно было судить, как счастливы обитатели этого дома. Там никогда не повышали голос, только порой заливисто хохотала девочка, играя с отцом, да излишне громко комментировались футбольные матчи – хозяин квартиры был страстным болельщиком. А запахи! Запах хорошо приготовленной из свежих продуктов еды, цветочный аромат финского дезодоранта из цветного баллончика, запах уюта и тепла!

На этот раз пахло резко, сладко. Как странно – запах исходил от девочки. В аккуратном красном пальтишке она стояла, насупившись, у дверей лифта и ковыряла пальчиком стенку. У Марины закружилась голова и подогнулись колени.

– Вам плохо? Простите нас, пожалуйста. – Заботливый голос женщины заставил ее открыть глаза. – Это Валерия натворила дел. Вылила на себя целый флакон моих духов, «Пуасон», представляете? Сегодня искупаю, она не будет так благоухать...

Двери лифта распахнулись на их этаже, Валерия в красном пальтишке деловито вышла первой, обернулась и отчеканила в качестве последнего аргумента:

– Просто у тети будет маленький, вот она и не может нюхать духи. У твоей тети Али тоже самое было, помнишь, мам?

Мать девочки схватилась за голову.

– Лера, звони в квартиру, папа откроет. Сколько раз я тебе говорила... Что с вами?

Нежный голосок ребенка, констатирующий ее положение, стал для Марины последней каплей в чаше этого дня. Она заплакала, сама удивившись, как легко и просто делает это при постороннем человеке. С тех пор как забеременела, она вообще плакала часто, часами смачивала слезами свою подушку. Но тогда некому было ее утешать, а теперь почти незнакомая женщина, соседка, смотрит на нее с беспокойным сочувствием. И какая милая у нее девочка, такая серьезная и независимая, такая нарядная в красном пальтишке с деревянными пуговками-желудями, в красном берете с помпоном!

Кухня у соседей была гораздо больше. Если бы Марина на своей могла поставить диван, ей не пришлось бы терзать боками скрипящую, неудобную раскладушку! Да тут, пожалуй, и детская кроватка могла бы поместиться... Но ребенку плохо в кухне – газ, запахи... Торопливо утирая бумажной салфеткой катящиеся по щекам слезы, Марина рассказывала Ольге Андреевне («Просто Оля, прошу! И на «ты», ладно?») историю своих злоключений. Девочку Леру, благоухающую «Пуасоном», хозяин Владимир Александрович увел из кухни почти силой.

– Да, ситуация, – вздохнула Ольга. – Не спрашиваю, что ты собираешься предпринять, потому что вариантов у тебя нет?

– Нет.

– Ребенка оставлять государству не собираешься?

– Не могу.

– Родных сдавать в инвалидный дом?

– Исключено.

– Жить всем вместе возможности нет. Просто негде. Так я тебя поняла?

– Так.

– Значит, тебе нужно жилье. Пусть даже комната в коммунальной квартире.

– Не знаю, что это решит. Мама и бабушка без меня не обойдутся. Господи, хоть с моста вниз головой!

– Если ты прыгнешь с моста, о твоих родных некому будет позаботиться. А что они, так прямо и лежат плашмя?

– У мамы не действуют ноги. Она может передвигаться в инвалидной коляске, может приготовить еду, например. Но ей постоянно нужна помощь, чтобы в это кресло сесть, из него встать. А бабуля еще о-го-го, но совсем слепая.

– Знаешь, Марина, я, может быть, не права, но мне кажется, некоторое время они обошлись бы без тебя. Ты слишком много взвалила на свои плечи. Мать – глаза и руки, бабушка – ноги и сила. Ты будешь приходить к ним, помогать. Потом можно обменять две жилплощади на одну большую.

– Да какие же жилплощади? У меня нет комнаты в коммуналке!

– Нет, так будет. Володя! – крикнула Ольга в полуоткрытую дверь кухни. – Есть разговор!

Хозяин появился в кухне, девочка приехала у него на шее, как Маша на медведе. Владимир Александрович и был похож на медведя – грузный, головастый, большела-пый увалень. Он казался много старше своей хорошенькой жены и выглядел бы угрюмцем, если бы не запрятанная в грубоватых чертах лица детская улыбка.

– Вот этой женщине, – заявила Ольга, бесцеремонно ткнув в Маринин живот пальцем, – нужна жилплощадь. Желательно в нашем районе. Может быть, комната в коммуналке. Можешь ей помочь?

Владимир Александрович молча, с интересом глядел на Марину.

– Папка! – командным тоном окликнула его Лера. – Помогите этой беременной тете! Она прямо в подъезде пла-кает, это может повредить ребеночку!

– Помогу, – коротко ответил хозяин и ушел, не стал выслушивать Маринины сбивчивые благодарности.

– У него большие связи. Я в это не вникаю, но, если он сказал, обязательно поможет. Учти, быстро не получится. Тебе когда рожать-то?

– В конце февраля, – прошептала окончательно деморализованная Марина.

Она вернулась домой с хорошими новостями, и сразу все переменилось, как по волшебству. У матери засияло новой надеждой лицо, бабка, попричитав по привычке, тоже заулыбалась. Для маленькой семьи, похоже, начались хорошие времена. Вечером они устроили даже что-то вроде праздника, принарядились, откупорили хранившуюся на всякий случай бутылочку крымской мадеры, в ближайшей булочной был куплен кекс с изюмом.

– Маришечка, а гитара моя где? – вдруг спросила мать.

– На шкафу. Сейчас принесу.

Гитара оказалась расстроена, но это не беда. Так и жизнь, на какой-то момент расстраивается, слабнут струны, дребезжат жалкие, неверные звуки. Но умелые, заботливые руки подкручивают колки... И вновь звучит мелодия человеческой души, несложная, простенькая, но такая радостная. Хоть и сквозь слезы – а радостная!

Матушка, матушка, что во поле пыльно, Сударыня матушка, что такое пыльно...

И плакали светлыми слезами три женщины в своем крошечном женском царстве,

оплакивали кто прошедшую жизнь, кто погибшую любовь, кто загубленную юность и всеми силами надеялись на лучшее, на маленькую толику счастья...

Между Мариной и Ольгой Новицкой завязалась дружба. По крайней мере два раза в неделю Марина сидела в уютной кухне, привыкала к уютым запахам домашнего благополучия, соседки пили чай и вдохновенно болтали. Мало-помалу они узнали друг о друге все, но, надо признать, жизнь Оли была куда бедней событиями! Традиционно счастливое советское детство в семье инженеров, со всеми необходимыми атрибутами вроде музыкальной школы и кружка фигурного катания. Училась девочка на тройки, в институт ей поступить не удалось. Родители очень переживали, но не препятствовали девочке получить желанную профессию. Ольга выучилась на парикмахера, стала работать в хорошем салоне. Там она и познакомилась с Владимиром. Тот приходил к ней стричься не реже двух раз в месяц, но как-то пришел в третий раз, и хорошенькая парикмахерша поняла, что одержала победу. Правда, и без него хватает ухажеров, Олечка буквально утопает в цветах, шоколадках, комплиментах! Но ведь это просто глупости, ничего серьезного. А Владимир так сказал девушке:

– У меня не какие-нибудь глупости на уме.

Заявление было принято к сведению. Чем не жених? Он любит Олю не как мальчишка, страстно и нетерпеливо, но зрелой, выверенной и верной любовью. Он мечтает о детях. Он никогда не был женат, на алименты не тратится. У него, в конце концов, есть хорошая квартира, машина, служба, связи. Правда, он много старше невесты, это минус. Но никто, даже будущие родственники, не придали этому значения.

– Молодой по гулянкам ходить будет, а ты за него упреки от свекрови выслушивай, – поясняла Оле бывшая двоюродная сестричка Аля, уже пару раз сходявшая замуж. – У Владимира мама есть? Нет! Сама себе хозяйкой будешь!

Было сказано много слов, что говорятся испокон веков в таких ситуациях, и все эти слова были не нужны. Потому что Оленька и так бы за него вышла. Она его полюбила. Владимир такой... Как медведь из сказки. Большой, добрый, надежный. Как он радовался, когда родилась Лерка, даже плакал! От счастья, конечно. А отец будущего ребенка Марины, он-то как и что?

Рассказ о зловключениях соседки Ольга слушала затаив дыхание. Девочка из «приличной семьи», рано вышедшая замуж и ставшая домохозяйкой, она была наивна, мало знала жизнь, постигала ее по только что появившимся мексиканским и бразильским сериалам... А это плохой учебник жизни, как известно. Порой Ольга поражала Марину своей инфантильностью, но она все прощала новой подруге. Та была так мила, дружелюбна, щедра и великодушна!

Тем не менее решение квартирного вопроса затягивалось. Даже человеку, имевшему такие обширные связи, как Новицкий, трудно было выбить жилплощадь в городе трех революций. Уже откружилась на улицах предновогодняя суматоха, уже были куплены подарки, и мандарины, и елочные игрушки, да и сами елки перекочевали сначала, как водится, на балконы, а потом и в комнаты, где ждали их охи, ахи и наряды. Вот и смола застыла на их стволах, и иголки потихонечку начали осыпаться, и ветки уже не выдерживали бремени мишуры. Новогодние праздники заканчивались, но Владимир Новицкий, встречая Марину на лестничной площадке, покрытой зелеными иголочками, только разводил руками.

Утром накануне старого Нового года Марина топталась у плиты, помешивая булькающую в кастрюльке овсянку. Поясницу ломило невыносимо. Это нормально, об этом Марину предупредил врач. Вообще-то она не любила ходить в женскую консультацию. Донимали ее плакаты, которые кто-то трудолюбивый развесил в холле. Дождаясь своей очереди в компании таких же будущих мамочек, Марина вволю на них насмотрелась. Жизнерадостный художник изображал толстых младенцев в кроватках, на пеленальных столиках, в ванночках и на весах. Румяные женщины и самодовольные мужчины рядом с младенцами явно ничего не знали о жилищных проблемах, о больных родственниках, о нехватке денег, никто из них не спал в кухне, на раскладушке. А ведь к картинкам еще

прилагался текст! «Детская комната должна быть хорошо освещенной и проветриваемой», например. Как вам такое? Или вот: «Кормящая мать должна сохранять умиротворенное состояние души, нежелательны отрицательные эмоции». Где ж его взять, это умиротворенное состояние, это сложнее даже, чем получить комнату!

Не любила Марина ходить к врачам, ни на что им не жаловалась и последний приемный день проигнорировала. А зря. Иначе узнала бы, что ей грозят преждевременные роды.

Боль становилась невыносимой, слезы текли по лицу Марины и падали в овсянку. Бабушка звала ее из комнаты, но она не слышала. Громче ее голоса оказался тихий щелчок, словно лопнуло что-то в самой глубине ее существа, и тут же по ногам потекла теплая жидкость.

– Кажется, у меня отошли воды, – сказала Марина, войдя в комнату.

– Как? Ведь рано еще! Маришка!

– Ой-ой, Господи, да что ж делать-то! Рожаеть ты, да? Рожаеть?

«Спасибо вам за помощь и поддержку», – мысленно обратилась Марина к родственницам, ковыляя через лестничную площадку, схватившись за поясницу.

– Маринка, началось? Так, все ясно. Володя, одевайся, выходи, заводи мотор. Марин, пошли, я тебе помогу собраться.

Недалекая, невеликого ума Оля дала бы Марине сто очков вперед в том, что касается мелкожитейских дел. Она быстро собрала для подруги пакет с необходимыми в роддоме вещами, вывела ее из дома и посадила в машину. Валерия тоже каким-то образом оказалась там – в суматохе про малышку забыли.

– Лерчик, ты что тут делаешь? Ну-ка, марш домой, не твоего ума дело!

– Ну, ма-ам!

– Девочки, нам нужно ехать, – заметил Владимир, с тревогой рассматривая в зеркальце бледное, опустошенное лицо Марины.

– Ладно...

Как только машина тронулась, Марина ощутила прикосновение маленькой липкой лапки. Это была Лера, она взяла ее за руку и держала так всю дорогу. С очень серьезным лицом, в низко надвинутой на брови черной шапочке, она казалась взрослой и печальной.

– Это тебе, – сказала Лера, когда «Волга» плавно затормозила у роддома. Из кармана курточки она извлекла игрушку – плюшевую собачку с блестящими глазами-пуговками. – Его зовут Плюх. Мы с мамой сшили.

– Это малышу играть? Когда он родится? – превозмогая боль, улыбнулась Марина.

– Нет. Это только тебе. Насовсем.

– Там все равно отберут, – покачала головой Ольга.

– Нет. Я спрячу.

Марине удалось спрятать крошечную собачонку, потому что никто особенно не рассматривал ее вещей. Собственно, ее даже не успели толком подготовить – маленькое существо рвалось в этот мир так отчаянно, словно здесь его ожидало что-то хорошее. Девочка появилась на свет через полчаса после спешного прибытия Марины в палату. Она была очень маленькой, очень слабой – даже не кричала, а попискивала, как мышонок. Врачи смотрели на нее с беспокойством и тут же унесли, не дали как следует рассмотреть. До вечера Марина пролежала в блаженном забытии, а утром ей принесли записку.

«Мариночка, поздравляем! – аккуратным ученическим почерком писала Ольга. – Мы очень рады, что у тебя дочка, потому что все вещички с Лерки на нее пойдут. Мы уже все собрали. Володя говорит, что комнату удастся получить через два месяца, но это уже наверняка. Так что ты не переживай, а то молоко пропадет. Приносили ли тебе уже дочку? Мне Лерку принесли наутро, но с твоей может быть иначе, все же она чуть пораньше срока родилась. Я заходила к твоим, принесла им покушать кое-что. Они справляются. Тоже очень рады. Лерка спрашивает, с тобой ли Плюх и как он себя ведет. Если что-то нужно из вещей и покушать, обязательно напиши, не бойся».

Участие посторонних людей так растрогало Марину, что она чуть было не заплакала, но сдержалась. Ей ни к чему расстраиваться. Умиротворенное состояние души, вот!

Ольга Новицкая очень помогла ей. Она каждый день приносила еду – в родильном доме кормили из рук вон плохо, все пациентки пробавлялись своим, домашним. Она приносила и всякие необходимые мелочи, о которых не помнишь, когда они есть, но отсутствие которых сразу ощущается. Ольга успевала и помогать родным Марины, и писать ей ободряющие письма. Она спрашивала, как та решила назвать дочку, и с восторгом, с грамматическими ошибками рассказывала про миленький розовый конверт, в котором малютку понесут из роддома.

Но конверт не понадобился. Безымянную пока дочку Марины выписывать отказались.

– Девочка очень слабенькая, должна побыть у нас, – сочувственно сказала Марине врач. Она была худая, коротко стриженная, совершенно седая. Ее облик запомнился Марине на всю жизнь, и двадцать лет спустя она легко воссоздавала в памяти ее маленькие умные глаза, крупный пористый нос и очки на цепочке, висящие у нее на шее. – Процедуры... обследования...

Марина не слушала, только кивала. Все складывается хорошо. Пока суд да дело, пока девочку подтянут до необходимого уровня доношенности, ее мама успеет получить комнату. Должна успеть. Очевидно, на ее лице засветилось уж слишком откровенное счастье, потому что врач сняла очки и маленькие синие глазки блеснули на Марину неприязненно.

– Вы как будто рады.

– Да, конечно, – ответила Марина и, махнув рукой на приличия, на застенчивость свою, рассказала врачам все.

– Вот оно что. А я, грешным делом, подумала, вы хотите отказаться от девочки. Что ж, решайте свои проблемы, а мы тут будем решать свои.

Каждый день Марина приходила в больницу – кормила девочку, приносила сцеженное молоко для следующих кормлений. Каждый день она, просыпаясь поутру, чувствовала себя счастливой. У нее теперь было не только прошлое, но и будущее. Владимир Александрович, встречаясь с соседкой, улыбался ей и кивал. С намеком кивал. Дела шли на лад, комната скоро будет получена.

– Въедете с дочкой, заживете как у Христа за пазухой.

– Спасибо вам...

– Пока не за что. Как называли малышку?

– Анной. Как маму мою.

– Хорошее имя. Счастливое.

Утро было таким солнечным, так яростно орали, приветствуя новую весну, воробьи, так лило с крыш и пахло талым снегом! Но уже после полудня, когда Марина вернулась из больницы, свет солнца померк для нее, вместо птичьего гвалта звучал в ушах голос седой врачихи:

– Мы многое сделали, но мы не всемогущи. Ребенок был очень слабым. У вас еще будут дети, вы так молоды... Тем более в вашей ситуации – без жилья, без работы...

За эти слова Марина возненавидела врачиху, возненавидела ее за то, что та не отдала ей дочь сразу же. Марина тоскующим сердцем матери верила – она бы спасла Анечку, защитила ее от надвигающейся тьмы, отспорила бы у смерти, отогрела своим дыханием! Но она осталась в больнице и умерла среди людей в белоснежных халатах. Их взгляды были равнодушны, их руки – холодны, и никто, никто не взял ее на руки, не подарил капельки живого тепла, так нужного для жизни! Только иглы, ледяные иглы шприцев, вбивались в крошечное тельце. Не помогли и они. Анна умерла среди людей, которые считали ее маленькую жизнь досадной помехой. Как они смели? Как они могли?..

ГЛАВА 5

Она наложила бы на себя руки, если бы могла. Но она не могла. Две пары глаз

задерживали ее в этой жизни. Испуганные, требовательные, умоляющие глаза мамы и бабушки. И Марина осталась жить в плотно окружившем ее черном тумане. Она устроилась на работу в детскую библиотеку, в знаменитую Пушкинку. Это была большая удача – на страну накатывалась мутная волна безработицы. Но вчерашнюю студентку приняли охотно, еще во время практики она зарекомендовала себя ответственной, аккуратной до скрупулезности работницей. Она не могла выступать перед людьми, с трудом общалась даже с сотрудниками, но составляла планы мероприятий и организовывала выставки. Ей нравились только дети. Все дети вообще. Непосредственных, живых и сообразительных детей любят все, а кто любит замкнутых, угрюмых тугодумов? Никто, кроме мамы и папы. А Марина любила всех, со всеми могла поговорить и гордилась своими маленькими победами.

У нее появились друзья. Девятилетний отпетый головорез, притащенный за руку учительницей, вообще никогда ничего не читал, а только рисовал где попадется «пиратские карты» с неизменным скелетом, с розой ветров и жирными стрелками. А через полгода он уже читал запоем – и не только Стивенсона. По странной ассоциации идей он увлекся историей, историей седой древности, доказательства существования которой сохранились только на десять метров в глубь земли. Прочитав книгу о великом мечтателе Шлимане, он пришел к Марине, как хмельной, и поклялся ей, что станет не рэкетиrom, как собирался, а археологом. Он сдержал свое обещание и через много лет раскопал что-то такое, о чем кричали потом в газетах. Но Марина об этом так никогда и не узнала. Да и зачем? Она была счастлива, что у нее есть друзья, а самым главным, задушевым другом стала Валерия Новицкая.

Началось все с большого детского праздника, на который Марина пригласила маленькую соседку. Ольга бесстрашно отпустила дочку с соседкой, ей было не до девочки, она стряпала парадный обед в честь дня рождения мужа. Готовила она виртуозно, содержала дом в образцовом порядке, умела шить и за ночь способна была связать Лере свитерок, но в остальном... К своим неполным семи годам Валерия не знала букв, не умела читать, не знала на память ни одного стихотворения, ни одного литературного героя, кроме тех, что увековечены в мультипликационных фильмах! Да и книг в доме почти не водилось, как заметила Марина. В антикварном книжном шкафу теснились справочники и словари Владимира Александровича, кулинарные и рукодельные фолианты Ольги, а вся остальная литература была представлена макулатурными Дрюоном, Дюма и сиамскими близнецами Анн и Серж Голом. Из детской литературы были только годовая подшивка журнала «Мурзилка» за какой-то далекий год да роскошно изданная книга сказок «Волшебный сундучок». Чудесные сказки подобрались в этом тяжелом томе, но сопровождалась они такими яркими, подробными картинками, что именно на них концентрировалось детское внимание. Еще бы: целая деревня уместилась на спине Чудо-юдо-рыбы, и даже лесок рядом с домами, и девки идут по грибы посреди «море-окияна». Глядеть и не оторваться! До текста ли?

На празднике в библиотеке всегда такая бойкая Валерия приуныла, притихла. Внимательно рассматривала детей, которые участвовали в викторинах, получали в подарок книги. Они читали наизусть стихи – и тоже получали подарки! Да какие длинные, серьезные стихи они знали! Одна девочка прочитала: «Люблю тебя, Петра творенье». Ее слушали не вполне внимательно, потому что стихи были очень трудными для понимания, но хлопали громко и старательно.

– Ты же научи меня читать, – попросила Лера Марину. – А то мне осенью в первый класс, неловко будет перед учительницей.

Марина без улыбки пообещала приготовить девочку к будущей школьной жизни. Валерия стала частым гостем в маленькой соседской квартире. Ей нравилось заниматься именно там, словно ходить в настоящую школу, нравилось то, что Марина устроила для нее «настоящий класс» – купила в «Детском мире» маленькую классную доску, набор разноцветных мелков. Они быстро освоили букварь, начали читать сказки Пушкина, детские рассказы Толстого. Марина читала девочке вслух «Трех толстяков», вспоминая, как ей самой

эту книжку читала в детстве мама. С тех пор прошло много лет, но история про куклу наследника Тутти так и осталась для Марины окрашенной в интонации маминого голоса.

Только упражняться в игре на фортепьяно приходилось у Валерии дома. Марину умиляло и смешило, когда маленькая девочка залезла на высокий крутящийся табурет и с видимым усилием приподнимала тяжелую крышку. Лерочка была музыкальна, родители надеялись вырастить знаменитую пианистку. Кто бы знал...

Они решали задачки из учебника первого класса, старательно выводили прописи, лепили из пластилина и вместе учились рисовать человечков. Находилось время и для игр. Немецкие куклы в красивых платьях скучали в комнате Валерии. Их хозяйка играла с Мариной в спички, презрев правило «спички детям не игрушка». Тонкая палочка с серной коричневой головкой превращалась в куклу, стоило обмотать ее фольгой, а на «голову» нацепить паричок из клочка ваты. Воображение довершало остальное. Спички жили в обувной коробке, где все было как настоящее, склеенное из спичечных коробков – и кровати, и шкафы, и комоды. Меняя туалеты, куклы вертелись перед карманным зеркальцем, а потом ехали на бал в настоящей карете – точнее, в старинной солонке, сделанной в виде кареты. Солонка была красивая, должно быть, бронзовая. В тяжелые времена Марина собиралась отнести ее в антикварный магазин, но пожалела, и теперь была рада этому. В солонке графиня Эсмеральда и баронесса Агриппина приезжали на бал, а там их встречали кавалеры во фраках из копирки. Копирка пачкала руки, но как весело было парам кружиться в вальсе! Танцевались и современные танцы, после полагался ужин. Правда, куклы-спички ужинали вприглядку, а Валерия и Марина съедали по пирожному.

В первый класс Валерию повела Марина. Владимир Александрович был занят на работе, а Ольга с удовольствием уступила эту честь соседке. Она сама решила испечь в честь радостного события торт «Наполеон» и теперь не могла отойти от плиты, где пеклись коржи.

– Вы мама Валерии? – сразу же спросила у Марины пожилая учительница. И сама себе ответила: – Нет, маму ее я видела. Но и вас видела тоже. Вспомнила – вы работаете в Пушкинской библиотеке. Очень хорошо.

Она заболтала саму себя и не спросила, кем Марина приходится девочке, словно ее служба в библиотеке все объясняла и оправдывала.

Уроки Валерия тоже предпочитала делать у соседки. Мама пыталась помочь первокласснице, но она сама не помнила заветного правила «жи», «ши» пиши с буквой «и», ошибалась, раздражалась и опускала руки, уверяя дочь, что наука – это для мужчин, а девочка должна быть красивой и хорошей хозяйкой! У Марины терпения было больше. Она знала забавные способы выучить исключения.

– Цыган на цыпочках сказал цыпленку «цыц», – сообщала она Лере, и обе прыскали по-девчачьи. – Хороша ушица из жирной шуки! – восклицала Марина. Как не запомнить!

Занятия могли быть отменены только по чрезвычайным причинам, и такое случилось дважды. Первый раз – когда у Марины умерла мама. Как-то поздно вечером, в воскресенье, Лера услышала крики из соседней квартиры, мама пошла узнать, в чем дело, а вернувшись, сказала, что Анна Игнатьевна умерла. Лере ужасно хотелось к Марине, но мама не пустила, сказала, что не надо докучать человеку в такую минуту. Марина сама позвала Леру к себе, это было вечером понедельника, когда на лестничной клетке уже стояла, прислоненная к стене, страшная крышка гроба. Марина выглянула из дверей – бледная, с опухшими глазами, в незнакомой мешковатой кофте – и сказала:

– Лерчик, что ж ты не зайдешь? Не бойся, малыш...

Но Лера все равно боялась, не захотела даже взглянуть в ту сторону, где стоял гроб и виднелись багровые медузы георгинов. Она немножко поплакала вместе с Мариной и ушла домой, готовить уроки на завтра. Проверить задачки ей на этот раз было некому, Марина горевала, а мама, подвязавшись передником, вдохновенно стряпала поминальный обед. На следующий день Лера получила двойку за домашнее задание по математике.

Через полгода после мамы умерла Катерина Семеновна. Пережив дочь, она вдруг присмирела, перестала ворчать, но стала необычайно религиозна. Попросила Марину

развесить на стенах иконки и каждое утро, каждый вечер старательно крестилась на них, хотя не знала, что это за иконы и исполнила ли внучка ее просьбу.

Но были, были образа. Образ Спаса Нерукотворного, Богородица Всех Скорбящих Радость, Казанская Богородица, Споручница грешных, Николай-угодник и любимейшая Маринина Ксения Петербургская. Страна переживала возврат к религии, по всем телеканалам транслировалось пасхальное богослужение. Видные чиновники, сопровождаемые мрачноватыми, широкоплечими и неразговорчивыми людьми в штатском, топали вокруг храма, неловко держа свечи, потом лобзались со священниками. Священников передергивало, но и они тоже понимали, что главным принципом русского человека остается «плюнь, да поцелуй у злодея ручку». Но настоящий возврат к религии, да и не к религии даже, а скорее к самой вере, происходил здесь, в маленькой квартирке, где била поклоны перед невидимыми иконами грузная, плачущая старуха. Бывшая звонкоголосая комсомолка, потом член коммунистической партии, правая рука секретаря заводской парторганизации, она шептала чудом упомянутые молитвы, роптала, и каялась, и плакала сладкими и светлыми слезами. Она так и умерла – коленопреклоненной, на полу под иконами, уткнувшись в пол головой, точно соглашаясь, смиряясь со своей смертью. Чтобы уважить память бабушки, Марина позвала священника – отпеть ее. Молоденький батюшка, даже без бороды еще, а с золотистым пушком на скулах и подбородке, сделал, что полагалось, а потом с удовольствием отпил чая с Мариной и не стал отказываться, когда она завернула ему с собой сладкий пирог, испеченный Ольгой.

– Матушке вашей, детям, – сказала ему Марина. – У вас есть детки?

– Ожидаем, – ответил отец Аркадий и зарозовелся. – А вы... Одна остаетесь?

– Нет. У меня есть друг. Маленькая девочка, дочка соседей. Мы с ней учимся, играем, читаем...

– Это хорошо, – покивал батюшка, а про себя подумал, что родители девочки, верно, алкоголики, вот она и нашла себе приют в доме этой славной женщины. – Приходите в наш храм. И девочку свою приводите. А про бабушку помните – она удостоилась самой блаженной кончины, на молитве преставилась. Это милость Божья для любого христианина...

– Я приду.

Марина не обманула, она стала ходить в церковь и неизменно находила для себя утешение. Впрочем, так ли уж она нуждалась в утешении? У нее не было семьи, мужа, детей. Зато есть любимая работа, любимый дом и дружба Валерии – чем не утешение?

Но беды и потери надолго избрали мишенью эту хрупкую женщину с египетскими глазами. Марина лишилась работы, попав под сокращение штата. У города не хватило средств платить скромное жалованье скромной библиотечкарше. Смольный строил Ледовый дворец, готовился принять чемпионат мира по хоккею. Стены и заборы оклеены были постерами с изображением карикатурно нелепого, но все же смахивающего на губернатора лоса Хоккоши¹⁰. Даже возле биржи труда висел такой плакат, и Марина всласть на него насмотрелась. На коньках и с клюшкой, Хоккоша издевательски ухмылялся. На бирже предлагали работу технички, дворничихи, кондуктора в троллейбусе, дежурной метро. Зарплаты были ничтожно малы. Пособие по безработице выплачивали нерегулярно, за ним приходилось отстаивать очередь... А тут зима, и снова нет зимних сапог, и батареи в квартире холодные, а малолетние хулиганы подожгли дверной звонок.

Звонок не работал, поэтому Владимир Александрович постучал. Будучи мужчиной крупным, грузным, он не мог соразмерить силы удара, и Марина выронила из рук блюдо. Оно, конечно, сразу же разбилось. Что за напасть!

Он вошел в прихожую, задев головой вешалку. Марина заметила про себя, когда отзвучали неловкие приветствия, что вот они так давно знакомы, но разговаривают очень

¹⁰ Л о с ь Х о к к о ш а – символ чемпионата мира по хоккею в Петербурге в 2000 году.

редко. «Здрасте – здрасте», вот и весь разговор. Дружелюбно молчат, так что она даже не помнит его голоса.

– Я слышал, у вас с работой проблемы. Мой приятель расширяет фирму, у него туристический бизнес. Ему нужен толковый человек. Вы с компьютером как, дружите?

– Более или менее.

– Вот и хорошо. Вот вам его телефон, позвоните сейчас же.

Пока она звонила и договаривалась с неведомым приятелем о собеседовании, Владимир Александрович удалился, тяжело сопя.

Ее приняли на работу и положили неплохой оклад. Но она не успела должным образом поблагодарить благодетеля. Он скончался скоропостижно, от инсульта. Марина горевала так, словно сама потеряла мужа. Не любила ли она его, хотя бы чуть-чуть, хотя бы бессознательно? Может быть. Она любила Владимира Александровича за Леру, за то, что он был неуловимо похож на ее, Маринино, отца, которого она не успела узнать и полюбить... Но почему? Чья злая воля помешала этому?

ГЛАВА 6

И тронулся состав времени, и пошли, постукивая на стыках, годы. Незаметно набирая скорость и оставляя на перроне провожающих. Незавиден удел последних, нет ничего хуже, чем провожать и догонять! Вот проплывают знакомые лица, ты идешь за ними, стремишься задержать мгновения прощаний. Вот чьи-то ладони прижались к стеклам, вот чья-то любовь вспыхнула и угасла, вот чьи-то дети смеются, выглядывая из окошка, вот чья-то судьба берет в руки золоченый подстаканник. На мгновение кажется, что это ты сейчас в пути, что это твоя жизнь стремится навстречу ветру. Но поезд все быстрее, быстрее, мелькают смутные силуэты чужих людей, выются по ветру занавески, вскрикивает гудок... И ты остаешься на перроне один. Какой там по счету путь? Какой там по счету год? Какая еще потеря уготована тебе, провожающему? Ты остаешься. И видишь только два сигнальных огня да чувствуешь угарный, нищенский запах вокзала. Косо смотрит на тебя угрюмый обходчик, к губе его прилипла сигарка, и он ничего не хочет знать о твоей тоске. И незаметно подходит дождь – не зря синеватый дымок настойчиво прибывался к самой земле. Дождь – хорошая примета для тех, кто собирается в дорогу...

Полтора года проработала Марина в туристическом агентстве, привыкла и к столу своему, и к капризному кофейному аппарату на тумбочке, и к смешливым девчонкам-сотрудницам. Привыкла к клиентам – хотя и завидовала им, завидовала всем. Вот парочка студентов, они стремятся в близкую Финляндию, на выходные. Вот блестящая дева и ее деловитый муж, полетят отдыхать на Майорку. А Марина не едет никуда, она – вечная провожающая, и поезд ее ржавеет где-то на ремонтных путях.

Даже к хозяину Марина привязалась и к его шумной, красочной супруге, которая числилась директором и как минимум раз в неделю являлась на место работы, принося с собой переполох и запах драгоценных духов. Директриса Марине очень симпатизировала, болтала с ней, как с подружкой, и постоянно жаловалась на жизнь. Такая это была несчастная женщина, просто смех! Дубленку в химчистке испортили, любимая маникюрша ушла в декрет, дерево бонсай не приживается в нашем дрянном климате. Вот уж воистину, у кого суп жидок, у кого жемчуг мелок! Но Марина сочувствовала, как могла, и заслужила такую благосклонность, что первая узнала о закрытии агентства.

– Пусик продал лавочку. Говорит, доходу никакого, одни расходы, – пожаловалась директриса Марине. – Будет новый хозяин.

– А как же мы? – ляпнула Марина. Глупость спросила, кто это «мы»? Хозяйка точно не пойдет на биржу труда, да и вертлявые девчонки-сотрудницы найдут себе место под солнцем. А куда идти ей, если во всех объявлениях о вакансиях один и тот же пункт повторяется? «До тридцати лет»! А куда деваются те, кому уже далеко «за тридцать»? На помойку их? В богадельню?

Хозяйка, очевидно, это понимала, потому что смотрела на Марину виновато. Выражение вины не шло к ее кругленькой, холеной мордашке.

– А как же я? – поправилась Марина и заткнулась. Все ясно, ее опять кинули. Но директриса вдруг весело хлопнула в ладошки, эта сорокалетняя дама любила ребячиться, корчить из себя капризулю-попрыгунью, и вот даже своего стокилограммового мужа называла на людях Пузиком. Пу-сик – это производное от папустика, надо же!

– Марина, у меня для вас есть кое-что. Не бог весть, но... У меня проблема, такая проблема!

У нее всегда были проблемы. Что на этот раз? Укладка подвела или педикюр облупился? Марина смотрела на бывшую работодательницу угрюмо и недоверчиво.

– Вы умеете вести хозяйство?

Неожиданный вопрос. Марина сморгнула.

– Ну, уборка, готовка... Нет, готовит кухарка. Убирает горничная. А мне нужна домоправительница. То есть человек, который будет за всем этим наблюдать. Глаз да глаз нужен ведь! А у меня то шейпинг, то шопинг, времени нет абсолютно! Хотите, ну? Я вас хорошо знаю, вы к Пузику в постель не ползете, с бриллиантами не удерете. Платим мы хорошо. Идет?

– Идет, – неожиданно для себя согласилась Марина.

Она ничего не сказала Лере. Зачем? Та, пожалуй, расстроилась бы. Она барышня, ей трудно представить, что любимая подруга пойдет в прислуги. Марина наврала, причем так красочно и вдохновенно, что сама себе удивилась. Ее восстановили в библиотеке, позвонили и позвали обратно, даже зарплату повысили! Лера поверила, наивная девочка, но потом она обязательно догадается. Домоправительницам платят значительно больше, чем библиотекарям, девочка удивится внезапному Марининому благосостоянию. Нет, ничего не заметила. Счастливая молодость, время, когда не думаешь о деньгах!

Место работы Марины было окружено враньем, как липким паутинным коконом, это казалось неприятно, потом прошло. Ей даже стала нравиться новая работа. Хозяева уезжали часто и надолго, у них были дома в разных странах, и они не очень-то жаловали туманную Гиперборею. И это лето, богатое грозами, наполненное тревожным запахом озона, они проводили в Швейцарии, в отеле на озере.

Работы было мало, прислуга отпущена, даже злущую сторожевую по кличке Коба отдали на передержку. Только терпеливый садовник копошился в своих угодьях да зевал в сторожке охранник. Раз в неделю Марина приезжала в особняк, посмотреть, что да как. И в тот злосчастный день, когда черная душная туча разразилась вполне ожидаемой грозой, она тоже поехала было в особняк, но пришлось вернуться с полдороги.

Назойливая мысль не пустила Марину к ее обязанностям. Утром она забежала к Лере, та куда-то собиралась и была, кажется, немного возбуждена. Гладила блузку, остроносый тефалевский утюг ездил по ткани, разглаживал складочки на модных рукавах-фонариках. Лера вдруг передумала, решила нарядиться в открытый топик. Марина догладила все же блузку, аккуратно повесила ее на плечики в шкаф, а вот утюг не выключила. Точно, не выключила!

Уже лет десять, как оставленный включенным утюг перестал быть трагедией. Все они снабжены теперь регуляторами температур, все отключаются вовремя. В конце концов, он покоится на специальной подставочке, пожара не будет. А если? А вдруг? Лучше вернуться и проверить, чем так дергаться!

Лера ушла недавно, еще висело в воздухе облачко духов, как от выстрела, и валялся на полу в прихожей насмерть убитый зонт. Решила не брать, а зря. Вот-вот хлынет ливень.

Утюг выключен, на гладильной доске спит Степанида. На работу все равно поздно идти, лучше помочь Лере, пропылесосить у нее тут, вытереть пыль. Девочка не успевает следить за порядком. Она осталась одна в трех комнатах, и ухитряется устроить беспорядок в каждой. Просто не замечает его, как не замечает и сделанной Мариной уборки. Чистый унитаз, сияющая ванна, блестящая раковина – для нее это в порядке вещей. Ее мать

отчаянная чистюля, сумасшедшая хозяйка, но дочку не приучила, словно ревновала ее к домашним делам. Ничего, всему свое время.

— Я думаю как старуха, — сказала Марина самой себе. — А мне ведь не так много лет.

Голос ее дрожал. Электричество, скопившееся в воздухе, да и пониженное атмосферное давление (перед дождем скачет!) воздействовали на полушария головного мозга, на ритм кровообращения. Сердце жалось к горлу, от этого хотелось вскрикнуть и зарыдать, и вспоминались старые обиды.

— А за что мне это, за что, — бормотала Марина, оттирая пятна зубной пасты с раковины в ванной. — Я же не хуже других, не лучше, но и не хуже. Жизнь проходит, почти совсем прошла, а я ничего не видала хорошего, никуда не ездила, никого не любила, и меня никто не любил. За какие грехи мне все это? Словно возмездие настигло, а за что? Грех роптать, а ведь словно казнят меня за кого-то другого!

Она роптала и роняла слезы на сверкающий пластик, а за окном грохотал гром, и молнии разваливали небо пополам. А последний удар грома совпал с телефонным звонком, и, пока Марина бежала к телефону, торопливо стряхивая мыльную воду с рук, она уже знала — что-то случилось. Быть может, это «что-то» разрушит ее и без того неловкую, неладную жизнь.

...Вернувшись из больницы, Марина места себе найти не могла. Там, рядом с Лерочкой, ей было гораздо легче. Там она чувствовала, что в силах помочь, в силах защитить. Главное — она была рядом, слышала дыхание Леры, говорила с ней, берегла ее сон. А здесь, в одинокой своей комнате, которая показалась вдруг такой бесполезно огромной, Марина с тревогой ощутила собственное бессилие. Она машинально посмотрела в окно, вытерла зачем-то пыль со стола, пробежала взглядом по корешкам книг — и не остановилась ни на одной. Так же машинально открыла и закрыла она дверцы старенького платяного шкафа. Дверцы давно подлопались, и требовалось немалое усилие, чтобы закрыть их. «Пойду хлопну дверцей», — шутила обычно Лера, в очередной раз безуспешно пытаясь уговорить Марину избавиться от старой мебели. Но в этот раз к привычному короткому скрипу добавилась странный гулкий отголосок, и Марина тотчас вспомнила, что на верху шкафа лежит гитара. Мамина гитара, покрытая темным лаком, с запыленным красным бантом на грифе. «Матушка, матушка...» А дальше-то как? Марина, привстав на цыпочки (те самые, что у цыкающего цыгана в веселом правописании), достала пропыленный и давным-давно расстроенный инструмент, положила его струнами вниз на пол, тут же подняла и перевернула, словно боясь, что сделала струнам больно. И в это же мгновение ее лицо, еще молодое и по-своему очень красивое, искривилось от судорог внезапного плача. Она никогда в жизни так не плакала, а плакала она в жизни немало.

Еще рыдая, еще сдерживая последние, отчаянно рвущиеся из груди всхлипы, Марина легла прямо на пол, сжала рукой отзывчивый гриф гитары и закрыла глаза. «Вот, Лера поднимется, поедем куда-нибудь в лес, в избушечку лесничью. Нужно будет с собой взять муки, пшена, соли, конечно. Грибы будем собирать. Мама бы обязательно белых нашла. В сторожке нашей будет тепло — раздобудем дров, растопим печурочку... Я научу Леру слушать лес». Мысли сплетались, будто корни травы, струились лесным ручьем, тихонечко шелестели, подобно сонной листве. Марина опять вспоминала потерянную с детства тропинку к сладостному сну, когда ничто, кажется, не в силах тебя испугать, когда ничто не угрожает тебе, и все, кого ты любишь, живы... «У меня никого не осталось, кроме Леры. — Марина разжала руку, и отпущенные струны отозвались глубоким вздохом. — Мама умерла, отца я потеряла, так и не обрета, бабушка предпочла быть ближе к небу, а не к нам с мамой. Я всегда всех любила, но так и не познала любви. У меня был... Господи! За что? Если и с Лерой что-то... то к чему мне жить? Жизнь-то уже прожита...» Могучие древесные стволы исчезли. В тумане вновь нахлынувших слез исчез лесной дом. Мороком обернулись детские мечты. Забылись мамины песни. «Только бы Лера вернулась из больницы живой и здоровой. Только бы Лера...»

Лера вернулась живой и здоровой, но совсем иной. И надо было как-то покориться

чуду, навязчиво и откровенно вторгшемуся в их судьбы. Мириться с чудом и в то же время жить обычной жизнью, ходить на работу, покупать и готовить еду, убирать квартиры и вести беседы за вечерним чаем...

Как на беду, Маринины хозяева наконец сделали окончательный выбор между прекрасным «там» и сомнительным «тут».

– Мариночка, мы тебе дадим самое лучшее рекомендательное письмо, – заверила хозяйка. – Так жаль, так подружились мы за это время!

А сама смотрела робко. «За это время» она стала Марину уважать и побаиваться. Та была строга, сдержанна, и вообще, не поймешь, с какого боку к ней подойти. Носит белые блузки, черные юбки, туфли-лодочки без каблуков.

Не душится, не красится, не курит. Ни о чем не попросит, не польстит, даже не улыбнется лишний раз. Но исполнительна, пунктуальна, аккуратна. Сокровище, а не домоправительница!

Рекомендательное письмо было написано блестяще, Марина сама сочиняла. Хозяйка только кивала и подсказывала, серьезный Пусик поставил подпись и печать. Эта парочка распоряжалась судьбой Марины уже несколько лет, пора им сойти со сцены, но напоследок еще одна подачка, финальная реплика под занавес.

– Мне говорили, Новикова ищет кого-то, – обронила хозяйка. Уже не хозяйка. – Но мне бы не хотелось вас туда рекомендовать. Дама очень капризная, хотя платит много.

– Хотелось бы все же... – заикнулась Марина. Ей было все равно.

Капризная – не капризная, какая разница. Она вынесла столько, что могла уже сдавать экзамены на аттестат терпения. Она могла бы сблизиться даже с нильским крокодилом. С рекомендательным письмом Марина поехала к будущей хозяйке, но не ее встретила, а бывшую домоправительницу, весьма суровую особу. Испытания закалили характер этой женщины и сделали ее лицо похожим на обломок скалы.

– У вас будет сложная работа. Елена Николаевна требует многого, но это хорошо оплачивается. Постельное белье менять каждый день. Составлять гармоничное меню согласно диете – все легкое, полезное. Следить за горничными, за уборкой. Недочет спросят с вас.

Она не ограничилась устным перечислением обязанностей домоправительницы, выдала Марине листочек с перечнем всех хлопот, что на нее свалятся. После долгого и откровенного разговора немного отмякла, пристроила щеку на руку (вот-вот затянет «Лучинушку», подумала Марина) и взяла совсем другой тон:

– А какая она женщина-то душевная, Еленочка наша Николаевна! Строга, это да. Но уж если угодить, ничего не пожалеет. Я у ней двадцать лет служила. Всех своих оболтусов на ее деньги подняла, дочке квартиру купила, себе старость обеспечила. Все она мне сначала в пример какую-то Ваву ставила. А что за Вава, не знаю. Имя-то словно собачья кличка! Видно, до меня работала. Теперь уж она старенькая совсем, забываться стала, из ума выходит. Бывает, нарядится, накрутится, парик нацепит да перед зеркалом выплясывать начнет. Меня зовет: как я тебе, Любаша, Любовь Игоревна меня звать, хороша ли? Хороша, отвечаю, больше сорока лет и дать нельзя. Она и рада. А сама из себя страшная, как макияж наведет, сил нет! Но денег себе заработать смогла, у людей авторитетом пользуется. Придешься ей по душе, проживешь как у Христа за пазухой. Да уж недолго, видно, ей осталось...

– А сама она где? – осмелилась спросить Марина.

– На курорт улетела, СПА какую-то себе делает. Опять, должно быть, лицо подрезает и подтягивает. Я ей твое резюме по факсу отправила и письмо рекомендательное. Дала добро. На вот, возьми письмецо, если не ко двору придешься, так в другое место отнесешь. Велела тебе приходиться четырнадцатого, с утра. Она прилетает вечером пятнадцатого, так чтобы к ее приезду все готово было. Пошли, покажу тебе кухню, с другой прислугой познакомлю.

ГЛАВА 7

Врать легко только писателям, совесть у них чиста, и все знают, что они врут. Чем краше писатель соврет, тем больше ему чести. А простым смертным врать тяжело, все детали вранья приходится держать в памяти, совершать массу ненужных действий, чтобы свое вранье скрыть. Так, Марина в ожидании четырнадцатого числа продолжала делать вид, будто каждое утро ходит на работу. Обманывала Леру. Могла бы солгать, что, мол, отпуск у нее, но «отпуск» уже был месяц назад. Это в какой же библиотеке так часто отпуска дают?

Каждое утро, вместо того чтобы поваляться в постели, Марина вставала спозаранку, готовила завтрак, ждала Леру, пила с ней кофе и старательно делала вид, что вот сейчас допьет и метнется на работу. Даже пару раз вышла из дому вместе с ней, шла к станции метро.

Вот и сегодня – проводила Леру, а сама осталась дома, среди тщательно созданной декорации. Осталась в белой блузке и колготках, так и побежала к дверям, когда раздался звонок.

– Лерчик, забыла что-нибудь? Ой!

И вовсе не Лера стояла на пороге, а какой-то неизвестный мужчина. Физиономия его была закрыта пышнейшим букетом, и не будь Марина в неглиже, она бы не слишком испугалась. Еще никто не слышал о маньяках, что вламываются к жертвам с цветами.

– Извините, я сейчас!

Закрyla дверь и побежала в комнату одеваться. Нацепила халат и задумалась. Кто бы это мог быть? Может, квартирой ошиблись? С тех пор как умер отец Леры, ни один мужчина не переступал порога этого дома. О букетах и говорить нечего. Все же подошла к дверям на цыпочках, окликнула:

– Э-эй... Вы там?

– Да. Я тут.

– А кто вы?

– Марина Владимировна, извините меня за неожиданный визит. Я Олег Петрович, помните такого? Я врач, вы вызывали меня к своей подруге Валерии.

– Ах да... Простите, я сейчас открою.

Сначала в прихожей показался букет, потом Олег Петрович собственной персоной.

– Здравствуйте. Еще раз извините... Это вам.

– Здравствуйте. Спасибо. А в честь чего? Вы проходите в кухню, в комнате неубрано... А я пока вазу найду, цветы поставлю.

Он зашел и огляделся. Трудно себе представить, чтобы у нее было «неубрано». В кухне явно только что завтракали, еще витают запахи гренок и кофе, но не видно грязной посуды, ни крошки на клеенке, расписанной румяными яблоками.

– Садитесь. Кофе?

– Не откажусь.

– Так в честь чего же цветы? – спросила она лукаво, темные глаза повеселели. – Праздник какой?

– Вообще-то это благодарность. И вам, и вашей подруге.

– Вот как?

– Вижу, мне нужно объясниться. В тот, мой первый и памятный, визит Валерия сделала мне некое пророчество. Вернее, дала совет. Я последовал ему, и результат превзошел мои ожидания. Я принес ей цветы.

– Так этот букет для нее?

– Ее я ей уже отдал. Мы встретились у подъезда. А этот предназначался вам.

– Спасибо. Но за что?

– Как в старом мультфильме. Просто так.

– Просто так? Пейте кофе. Остынет.

– Я люблю холодный.

Все же отхлебнул из чашки, наклонившись к ней, как ребенок. Но исправился,

хмыкнул, поддернул идеально выглаженные брюки. Скрывает смущение.

– Просто я все время о вас думал, – преподнес он.

Марина чуть кофием не подавилась! Если бы она стала соображать по поводу сказанного, так бы ничего и не нашлась ответить. Победил инстинкт. Она совершенно не похожа на себя усмехнулась, и кто-то неведомый ее голосом спросил:

– И что же вы обо мне думали?

– Что вы красивая. И не похожая на других. И что я хочу вас увидеть еще раз.

Этот «кто-то», в Марине объявившийся, явно знал законы флирта лучше, чем она, потому что сказал:

– Вот увидели. И что теперь?

– Теперь я буду за вами ухаживать, – объявил Олег Петрович.

Марина смотрела на него во все глаза, но тот вовсе не имел намерения растворяться в воздухе. Очень плотно сидел на стуле и был весь такой чистый, отглаженный, как новенький. Невозмутимо сообщил, что намерен ухаживать, надо же! Или так и полагается? Что она там напевала Лере про отношения ранга «мужчина – женщина»?

– А как вы за мной будете ухаживать? – поинтересовалась Марина.

– Ну... Дарить цветы, водить в рестораны. В театры, в кино, – добросовестно начал перечислять Олег Петрович.

– А потом?

– Потом поженимся. Если подойдем друг другу. А если нет – расстанемся. Но мне бы не хотелось.

Дешевенький кофе «Лефортовская слобода», не самый лучший на свете, сразу показался Марине очень вкусным. Пусть это неожиданно и стеснительно, но никто раньше не объявлял, что собирается за ней ухаживать, а потом, быть может, жениться.

– Я не люблю ресторанов, – сообщила Марина.

– По остальным пунктам, я так понимаю, возражений нет?

Она смутилась, как школьница. Он замолчал.

– Вы куда-то собирались? На работу?

Ему врать не имело смысла.

– Нет. Я в отпуске. До пятницы я совершенно свободен.

– Хорошо. Тогда приступим прямо сейчас. Вы любите природу?

– «Вы любите ли сыр – спросили раз ханжу»¹¹... Конечно люблю.

– Поедете со мной?

– Куда?

– В лес. На пленэр.

– А что мы там будем делать?

– Ничего, что бы дало право нашим детям плюнуть на наши могилы. Гулять. Отдыхать. Беседовать. Хотите?

– Очень.

– Тогда одевайтесь. Никаких длинных юбок и каблучков! Спортивный костюм, кеды, яркая шапочка!

Ее как ветром вынесло из-за стола.

«Неприлично даме моих лет так скакать и бегать. Нехорошо соглашаться ехать вот так, невесть куда, с полужнакомым мужчиной. Но что же я могу сделать, если он такой... Свежий? Чистый? Настоящий? Он так уверенно зашел, так плотно уселся, и теперь уже кажется невозможным вытурить его – из жизни и из квартиры. Будь что будет. А еще этот «кто-то», эта новая Марина, что во мне объявилась! Надо же, она умеет кокетничать, умеет нравиться мужчинам. Хотя нет, Олегу Петровичу все же понравилась старая. Тьфу ты, так и до раздвоения личности недалеко. По крайней мере, психиатр теперь под рукой».

¹¹ Строка из пародийного стихотворения К. Пруtkова.

Эта мысль ее рассмешила.

– Вы что там смеетесь? – поинтересовался Олег Петрович. – Не надо мной ли?

– Над собой.

– Это свойство высокоразвитой личности. Как идут сборы?

– Только что обнаружила, что яркой шапочки у меня нет!

– Ничего, обойдемся. Это я для красного словца. Готовы? Едем.

– Что за совет дала вам Лера? – поинтересовалась Марина, когда автомобиль выехал из города и ему навстречу весело побежали деревья.

– Порекомендовала обратиться к адвокату. Дорогому, но отличному. Он выиграл процесс.

– Не будет ли бесцеремонностью с моей стороны...

– Очень даже не будет. Я разводился с женой.

Оп-па! Хорошее настроение как рукой сняло. Развод – это со всяким может случиться. Но чтобы через суд, с адвокатом...

– Детей не поделили? – спросила она, ужасаясь собственному нахальству.

– Детей у нас не было. Делили квартиру.

– Ни пяди родной земли не хотели отдать?

– Не хотел, вы угадали. Это моя квартира. Она принадлежала моему прадеду. Он тоже был психиатром, но с мировым именем. Квартиру отобрали революционные массы. Бабушка в детстве всегда водила меня гулять мимо этого дома, показывала пальцем на окна и говорила: «Там жил твой прадед, великий человек. Ты должен вырасти похожим на него». Я всю жизнь мечтал купить квартиру прадеда. Но денег не было, и надежды, что они появятся, не было тоже. Потом я написал учебник, его издали. Перевели и переиздали в Америке, в Англии, во Франции. Квартиру я купил. А жена смеялась надо мной. Ей непонятно было, зачем я ее покупаю. Говорила – лучше бы дом за городом. Но это не помешало ей настаивать на разделе совместно нажитого имущества... И очень горячо настаивать. А скажите, вы больше не будете допрашивать меня так, словно я беглый каторжник.

– Извините. Не буду.

– Ничего страшного. Вот беда, никак не могу придумать...

– Чего?

– Что бы тебе сказать, чтобы назвать на «ты». Вот и получилось. Смотри, мы приехали.

Изумрудная лужайка, светящаяся и ликующая от летнего счастья, ждала, казалось, именно их. Машина Олега Петровича мягко свернула на обочинную колею, стих, чуть поворчав, мотор, нетерпеливо распахнулись дверцы. Олег расторопно протянул руку Марине, но она опередила его галантный жест, вынырнула сама. Марина первым делом жадно и глубоко вдохнула – она, кажется, целую вечность не была в лесу, и терпкий, чистый до звона в ушах воздух подействовал на нее пьяняще. Может быть, не так уж и чист был воздух хилого северного леска? Но после города казался именно таким. У Марины даже голова закружилась. А еще она на мгновение зажмурилась – тонкие березовые стволы источали нестерпимо белый, ослепительный свет.

– Какое красивое место вы... то есть... мы с вами выбрали! – Марина все еще немного дичилась.

– Ты выбрала, – поправил ее доктор. – Мы с тобой. А называется это место Подкова. Здесь роща делает загиб, ну, вроде подковы... Говорят, на счастье!

– Значит, мы не случайно остановились именно тут. Ну и хорошо! – воскликнула она неожиданно для себя. И тут же, почти шепотом, спросила: – Знаешь, как называется вон тот ярко-желтый цветок?

– Одуванчик. Только большой какой-то... Разве нет?

– Нет. – Марина словно бы обрадовалась, что может поделиться с Олегом Петровичем чем-то сокровенным лишь ей в данный момент ведомым. – Нет, это кульбаба. Обычно она появляется ближе к осени, во второй половине лета...

– Какое смешное название. Ты хорошо знаешь цветы?

– Так, чуть-чуть... Просто, видишь ли, моя мама очень любила лес и в травах разбиралась лучше всех. А мы часто с ней бывали в лесу. – Марина, увлекшись рассказом о детстве, взяла Олега Петровича за руку и тотчас почувствовала, как тепла, как надежна его рука, сколько в ней силы и доброты.

– А мне всегда хотелось березового сока собрать. Понимаешь, Марин, целую неделю готовиться, следить за погодой, сок, его ведь не пропустить важно. Давай в следующем апреле махнем сюда за березовым соком...

Марина слушала Олега Петровича, он слушал Марину. Они перебивали друг друга, они говорили взахлеб, как будто на разговоры им отведены минуты, а рассказать надо обо всей жизни. Двое влюбленных, произносящих такие несурзные и такие великие клятвы. Они и молча – говорили друг с другом. А березовая роща слушала их обоих, и благосклонно покачивались верхушки самых высоких и мудрых деревьев. Она-то знала, что давний ее знакомый отлично разбирается в лесных цветах...

ГЛАВА 8

Как легко жить счастливому человеку, какие огромные крылья несут его по жизни! Хозяйство у неведомой, но страшной Елены Николаевны оказалось весьма запущенным. Несмотря на заверения прошлой домоправительницы Любови Игоревны, что, дескать, в доме все шло по часам, все было выверено и аккуратно, Марина нашла множество огрехов. Зимняя одежда не сдана в химчистку, мошь обжирается норковым палантином! Сломалась посудомоечная машина, на полках в кухнеросло с палец грязи! Почему не работает гриль в духовке? Что значит – нет кухонных полотенец? Этот полироль не подходит для светлой мебели! А перчатки? Неужели во всем доме нет пары резиновых перчаток? Ах, не на этот ли ковер пролили вино год назад? И тогда же забыли оттереть? Так сейчас – вперед и с песней!

Горничная сбилась с ног, но ей грех было обижаться. Марина работала наравне с ней, подбадривала и попрекала. Кухарка взбодрилась так, что вызвала своего племянника для починки посудомоечной машины и гриля. К вечеру дом сиял и благоухал, в каждой комнате напоминали о чем-то главном цветы, аккуратно застеленная постель гордилась своим безупречным видом. Дом ждал хозяйку. Завтра к вечеру она приедет, немного передохнет, а послезавтра Марина пойдет представляться императрице. Страшно? Вовсе нет. Теперь у нее есть он. Олег. И Подкова – на счастье.

Любовь Игоревна проверила работу новой домоправительницы и осталась довольна. Последний год в этой должности дался ей с трудом. Здоровье уже не то, подводит зрение, давление зашкаливает. С возрастом характер человека становится менее гибким... А при такой хозяйке гибкость ой как нужна! Всегда нужно быть наготове, уметь поддакнуть, отпустить делано-простодушный комплимент... Справится ли эта красавица? Гордая, поди, хотя и выглядывает скромницей. Ну да ее дело.

Хозяйка позвонила на мобильный Любови Игоревне, наказала, чтобы новая работница явилась пред ее очи утром шестнадцатого числа, когда она отдохнет и придет в себя после перелета. Та передала приказ и с легким сердцем покинула особняк. Ее служба кончилась. Марина ушла вслед за ней, и у нее в душе царил странная смесь покоя и тревоги. Она получила работу, но не укрепились на ней. Она может потерять работу, но так ли уж это страшно? Вчера в порыве откровенности Марина рассказала Олегу, где и кем она работала последние годы.

– Ты будешь отличной женой, – солидно покивал он. – Но я ревнив. Только наше хозяйство, и никаких больше!

Быть может, впервые в жизни Марина чувствовала себя легко. Она вспомнила, как в юности рассуждала с мамой.

«Мы говорили: большинство людей живут как придется. Они – жертвы обстоятельств. Своего мнения у них нет, своей воли нет. Они живут волей окружающих, волей близких им людей или государства. С детских лет попавшие в клетку из правил, мелких правил,

житейских, бытовых, они живут с шорами на глазах и бывают счастливы тупым, унылым, желудочным счастьем.

Мы считали: некоторые люди живут как хотят. Они взбунтовались в детстве, или в юности, или родились такими. Они не приемлют правил – вернее, они выработали правила для себя. Порой эти правила идут вразрез с общепринятыми, и следование им приводит человека в тюрьму, тянет его на дно жизни. Бывает, напротив, что симфонии пылающих жизней звучат выше и прекрасней, чем правильные нотные упражнения всех остальных людей. Из таких исключений рождаются писатели, музыканты, поэты, художники... Подобные одиночки несчастны весь свой век, и порывы вдохновения делают их еще несчастней.

Мы думали: есть люди, которые живут как должно, исполняя не зыбкие уставы человеческие, не свои эгоцентричные законы, но вечные каноны, данные человеку высшим разумом. И люди эти, живущие как должно, счастливы даже в несчастье своем, потому что видят в нем волю Бо-жию, и славу, и свет Его...»

Значит, Марина всю жизнь жила как придется, время от времени пытаясь зажить как хочется. Но только сейчас услышался ей нежный, далекий голос флейты, призывающий ее, только теперь она не сама шла на этот звук, не летела в беличьем колесе повседневных хлопот, а словно нес ее кто-то в колыбели теплых ладоней...

В тот вечер она долго рассматривала старые фотографии. Умилительная старательность угадывалась в них, ведь много еще лет пройдет, прежде чем фотоаппарат появится в каждом доме, а отснятую пленку можно будет проявить и напечатать в течение какого-нибудь часа. А то и вообще не печатать, хранить в компьютере. Нет, в пору Маринино детства ходили сниматься в ателье, где волшебник-фотограф долго мудрил, устанавливал свет, выбирал убогие декорации, усаживал «пациента» в максимально неловкую позу, причем у детей под мышкой непременно оказывалась чужая, нелюбимая и некрасивая игрушка. Натянутые улыбки, принужденные выражения глаз, резкие тени... Но какой талант порой проглядывал в этих снимках, но каким живым делал удачливый мастер – съемщик, как тогда все еще по старинке иногда называли его, – запечатленный облик, и как щедро одарял он бессмертием покорного клиента! Одна такая фотография хранилась у Марины: мать в кримпленовом платье, расписанном фантастическими цветами, с крупными янтарными бусами на тонкой шее, смотрела в объектив и весело, и испытующе, будто решала, захохотать вот прямо сейчас во все горло или не стоит?

Бусы эти Марина помнила. Их мама дала ей надеть в четвертом классе на новогодний карнавал. В сарафанчике, обшитом мишурой, в бумажном кокошнике, собственноручно вырезанном из картона, Мариша изображала боярышню и читала длинные, сложные стихи. Она так волновалась, так теребила бусы, что нитка не выдержала и порвалась. Крупные бусины цвета густого меда разлетелись по залу, поднялась суматоха, дети принялись их собирать. Бусины совали Марине в руки и в карманы, но кое-кто из ребятишек поддался соблазну, потому что снизанные заново, бусы оказались слишком коротки. Их нельзя было носить, и они распались, сгинули, раскатились по прожитым годам... И только одну бусину, не идеально круглую, с чуть приплюснутым бочком, но зато с застывшей в глубине прозрачной чешуйкой, словно с древним, остановившимся сердечком – только одну! – Марине удалось сохранить.

Ей захотелось взглянуть на бусину сейчас же. Она жила в коробке из-под английского печенья, в компании с документами, бумагами, нехитрыми драгоценностями. Но еще до того, как коробку достать, Марина почувствовала неладное. Она была очень внимательна, очень скрупулезна. Сегодня утром, например, заметила, что магнетик, придерживающий откидную дверцу старого, обшарпанного трельяжа, ослаб. Чтобы дверца крепче держалась, Марина уплотнила ее кончиком носового платка. Сам он выпасть никак не мог, но все же валялся отчего-то в глубине шкафчика, смятый и скомканный. В шкатулке же явно кто-то рылся. Эту квитанцию по оплате телефона Марина положила туда только вчера. Она должна лежать сверху, но ее нет. В коробке кто-то рылся. И это мог быть вор – только вряд ли вор

стал бы, не найдя денег, аккуратно укладывать бумаги обратно. В шкатулке рылась Лера. Ей что-то понадобилось – потеряла адрес матери, или захотела нацепить жемчуг, или...

И в этом не было ничего дурного. Кроме того, что на этот раз в шкатулке хранился один документ, которого Лерке видеть не стоило. Судя по всему, именно им она и заинтересовалась. Рекомендательное письмо было вывернуто наизнанку, текстом наружу, и сложено не по сгибам. Итак, она знает. Узнала только сегодня и была так потрясена, что даже не смогла или не сочла нужным скрыть «следы преступления». Нестрашная, забавная ложь о библиотеке, о гардеробщице Кончике и генеральной уборке в книгохранилище, после которой распухают руки, вдруг обернулась тошнотворным, тоскливым враньем. Неужели она стыдилась того, что работает прислугой? Или боялась, что Лера начнет ее стыдиться? Все равно – глупо, глупо, глупо! Лучше пойти сейчас и объясниться самой, не дожидаясь углубления конфликта!

Но Леры дома не оказалось. Она долго собиралась, примеряла разную одежду, выбирала сумку. Ушла на свидание, это ясно. Мобильник не отвечает – свидание важное, судьбоносное. Степанида трется у ног, воет жалостно, хотя в блюде под мойкой насыпаны катышки сухого корма, стоит мисочка с водой.

– Скучаешь, животинка? Ах ты, бедная Степаша... Пойдем ко мне на постой.

Валерия не пришла ночевать. Она не появилась и утром. Марина начала нервничать.

– Сумасбродная девчонка, давно ли клялась мне: никаких любовей, новая жизнь! Влюбилась, ускакала, развлекается вовсю, а мне не позвонит, не успокоит! Была б я тебе мать, так взяла бы хворостину хорошую, и...

Марина съездила в «Посох дождя», поздоровалась с закрытой дверью и вернулась восвояси. Вечером приехал Олег и привез отчего-то не цветов и шампанского, а пива и три огромные воблы.

– Это очень сближает, – пояснил он Марине, деловито откупоривая бутылки.

– В каком смысле?

– Понимаешь, когда люди пьют при свечах шампанское и закусывают шоколадными конфетами... Это значит, они все так же далеки друг от друга. Тонкие бокалы, деликатное освещение, шоколад в красивых фантиках... А пиво – это вещь! На усах пена, руки рыбой пахнут, можно пузыри на спичках поджаривать! Ты умеешь?

– Умею, – кивнула Марина. – А утром, прежде чем пойти на службу, мне придется свои глаза с собаками искать?

– Моя бывшая жена в таких случаях заклеивала веки кусочками свежего огурца.

– Еще слово о твоей бывшей жене – и я одна съем всю икру.

– Молчу. Эй, жадюга! Делись давай!

«Раз она так, то и я так, – мстительно думала Марина. – Буду развлекаться, имею право раз в жизни подумать о себе, а не о ком-то другом!»

Она чистила рыбу, снимала с золотистой воблы тончайшую серую вуаль и, смеясь, рассказывала Олегу:

– В детстве, когда мама говорила, что у меня пальтишко «на рыбьем меху», я так хорошо представляла себе этот мех! Вот такой же серенький, пушистый, как эта шкурка с изнанки...

– А я думал в детстве, что «чай пить» – это одно такое слово. Так и говорил маме с папой: «Давайте почайпить»!

– Давай попивпить!

– Твое здоровье.

Бокалы торжественного, тяжелого хрусталя, купленные еще бабушкой, жившие незаметно в буфете, наполнялись янтарным напитком. Он пах солодом, медом, летним лугом, жужжанием шмелей, и летняя радость входила в душу... Даже серьезная кошка Степанида развеселилась, гоняла по кухне рыбью голову, играла с ней, как с мышью.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– О-о, кому-то пиво в голову ударило!

- Я серьезно.
- Мы еще мало знаем друг друга.
- Ты можешь согласиться, а потом уж будем узнавать.

На этом месте нужно было сказать что-то типа: «А мы не слишком торопимся? Потом можем пожалеть...» Вот не хотелось Марине говорить этих слов! Не хотелось, и все тут!

- Да. Я согласна.
- И очень хорошо. Можно обойтись без романтического поцелуя? У меня все руки в рыбе и губы тоже. И пивом пахнет.
- И у меня тоже. А можно спросить, что тебя во мне привлекает?
- Твои ноги. Знаешь, когда ты открыла мне в одних колготках...
- Фи, как пошло. Нет, а серьезно?
- Ты просто мой человек. Моя женщина. Завтра я повезу тебя к себе в гости. Посмотришь квартиру. Может, захочешь в ней что-то переделать, до свадьбы успеем. А послезавтра поедем на дачу, знакомиться с моими стариками. Проведем у них выходные...
- Стоп-стоп! Ты запланировал напряженный график. Но... У меня же работа.
- Работу можешь бросить.
- Не хочу.

У Олега лоб собрался в складочку.

– Марин, я не тиран и не деспот, не восточный владыка, и не намерен посадить тебя под замок. Но когда ты говоришь о работе, у тебя делается такое лицо...

- Какое?
- Напряженное. И мне кажется, тебе не доставляет радости вести чужое хозяйство и зависеть от чужих прихотей. Я знаю, что ты сейчас думаешь. «Он хочет, чтобы я зависела только от его прихотей, хочет превратить меня в домохозяйку». И ты знаешь... – Он сделал эффектную паузу. – Ты права!

- Оп-па!
- Достойная реакция для женщины с высшим образованием. Конечно, мы можем сыскать для тебя легкую, ненапряжную работу. Что ты скажешь о библиотеке медицинского университета?

- Скажу, скажу... Плохая библиотека.
- Почему?
- Потому что я там не работаю.
- Не огорчайся, крошка, – объявил Олег и скорчил свирепую мину. – Твой папочка, твой господин и покровитель позаботится об этом. Употребит весь свой авторитет и пристроит тебя туда на должность «подай-принеси». Согласна?
- Не слишком ли много согласий на этот вечер? Я соглашусь, если ты пообещаешь никогда больше не называть меня крошкой, а себя – папочкой и господином. Согласен?

- Да, мой фюрер!
- Ты такой смешной.
- На том стоим, – согласился Олег и наконец запечатлел на губах своей избранницы смачный поцелуй, отдающий рыбой и пивом. Впрочем, Марина этого привкуса не почувствовала. От нее пахло точно так же.

«Я принесла отличные рекомендации, убрала весь дом, а теперь иду представляться хозяйке. Но только для того, чтобы сделать реверанс и сказать: «Извините, мадам, я передумала у вас работать. Я нашла мужа, а он найдет мне другую работу». Очень глупо, очень весело, немного жаль затраченных усилий. Жаль, что мой обман раскрылся до того, как правда стала неактуальной. Да, но где же Лера? Она опять не ночевала дома, ее мобильный молчит. Игнорирует меня, обиделась? Если не объявится к вечеру, придется идти в милицию. А там мне скажут, что девушка просто ушла в загул, и вообще, кто я ей? Нет, я уверена, Лерка объявится. Я вернусь, а она уже будет дома, и мы поговорим. Очень хорошо поговорим, все уладим. Вот и дом. Дом, куда я не буду ходить каждое утро на работу...»

Ее встретила уже знакомая горничная, улыбнулась чуть-чуть льстиво. Она полагала, что ей придется работать под началом у Марины Владимировны, она хотела ей понравиться, установить контакт.

– Елена Николаевна примет вас в кабинете, – шепнула она.

Где кабинет, Марина уже знала – несколько дней назад самолично выводила неизвестного происхождения пятно со светлого, лохматого ковра. Интересно, исчезло ли оно? Тогда было темно, под влажным кружком грязь не различалась. Сейчас оно снова может проступить. Что ж, выведут без ее, Марининого, участия.

Но, войдя в кабинет, она все же мельком взглянула на то место, где было пятно. Его прикрыли креслом, а под креслом и в самом деле что-то виднелось. Какой-то овальный предмет, словно небольшая дынька...

Хозяйка еще не пожаловала, можно было позволить себе кое-какие вольности. Марина нагнулась и подняла предмет. Это был посох дождя.

Темно-коричневый, в терракотовых узорах, похожих на пещерную живопись. И кельтский орнамент. И тихий, знакомый шорох неторопкой дождевой поступи. Эта вещь принадлежала Лере. Нет – точно такая же вещь принадлежала Лере. Просто точно такая же вещь. Но почему через округлый бочок посоха тянется длинная белая царапина, повредившая лак? Лера тогда демонстрировала Марине звуковые возможности своего ненаглядного талисмана, лихо им размахивала и домахалась – задела за острый выступ буфета...

– Здравствуйте, милая.

Она не заметила, как за спиной раскрылась дверь, как вошла хозяйка. Впрочем, мудрено было услышать ее легчайшие шаги. Но голос ее звучал сильно и молодо!

Марина обернулась. Перед ней стояла худенькая, высокая женщина в розовом кимоно, с длинными, распущенными волосами. Ей могло быть сорок лет, ей могло быть пятьдесят, семьдесят, сто! На гладких щеках сиял косметический румянец, подкрашенные губы улыбались, показывая ряд бело-голубых искусственных зубов. В ушах сияли замечательные серьги – какие-то красные, округлые камни в обрамлении ярко горящих бриллиантов. Но это родимое пятно, багрово-розовое, оно похоже на след страшной болезни, проказы, что ли! Но шея ее, страшная, черная шея с обвисшими складками, которых не мог скрыть розовый газовый шарфик! Но руки – высохшие лапки мумии с распухшими артритными суставами, как она может носить все эти перстни, они ведь причиняют ей дикую боль!

И – глаза. Их форма была искажена подтяжками, их цвет затенен не то густо накрашенными, не то наклеенными ресницами, но косметические ухищрения не могли утаить их выражения. Старость, старость была в них. Но не смиренная старость, готовая кротко встретить кончину, – старость хищная, жадная, отрицающая смерть, готовая на все, лишь бы продлить свое жалкое существование.

– Здравствуйте, – наконец откликнулась Марина.

– Меня зовут Елена Николаевна. А вы – Марина. Так ведь?

– Да.

– Произошла чудовищная ошибка.

Марина не успела осознать смысла сказанного.

– Ошибка?

Елена Николаевна не шагнула, а покачнулась в сторону кресла, Марина подхватила ее под острый локоть, усадила.

– Вам плохо? Воды?

– Не надо. Вся вода мира не поможет мне. Нет, с рук моих весь океан Нептуна не смоет кровь. Скорей они, коснувшись зеленой бездны моря, в красный цвет ее окрасят...

– Это Шекспир.

– Да. Я задам вам вопрос. Постарайтесь ответить правду.

– Слушаю.

– Как звали вашего отца?

– Новиков Владимир Александрович.

– Спасибо.

Голос Елены Николаевны изменился, стал тихим шелестом осенних листьев, и на глазах Марины сквозь густые наслоения тонального крема начали проявляться морщины. Безжалостно глубокие.

«О Боже, ее лицо, оно как пересохшее русло реки. Русло реки Времени. Она умирает у меня на глазах. Она распадается, как вампиры и оборотни в глупых фильмах. Но как попал к ней этот предмет? Где Лера?»

– Где Лера?

– Лера... Девушка... Тебе нужен ключ, Дандан. Вот, возьми его.

Еле заметным, почти уже безжизненным жестом она указала на грудь себе, но Марина заметила цепочку, змеящуюся по дряхлой шее. Потянув за цепочку, вытянула – крест? Нет – ключ.

– Скважина... Там...

Уже не указанием хозяйки, но собственным чутьем Марина нашла крошечную скважину в стене. Она не задавала вопросов, потому что на них не было времени. Она не смогла удивиться, когда с тихим скрежетом отошла часть книжных стеллажей, открыв провал в безвоздушную тьму, в воющее космическое пространство. Сделать туда шаг Марина не могла.

– Где она? Где она, говорите, безумная вы...

Как бы ни хотела назвать Марина безумную старуху, в этом уже не было никакого смысла. Она была мертва. Смерть не одарила ее последней красотой, лицо чудовищно исказилось, словно потянули его в разные стороны шрамы от многочисленных операций. И так мучительно была запрокинута голова, так бессмысленно, пусто смотрели в потолок глаза, и только пальцы правой руки, скорченные в намеке на крестное знамение, внушали какую-то надежду. Милость? Спасение? Пристальный взгляд в спину, молящий голос, трудный вздох?

– По... Помо... Помогите нам. Пожалуйста.

Из черной арки донеслось тяжелое, прерывистое дыхание, и через мгновение, для Марины длившееся отчаянно долго, появился мужчина – обнаженный до пояса, шатающийся. Он зажмурился, отводил от света глаза, но и как будто бы держался болезненно прищуренными глазами за световой луч. На руках он держал тело девушки, бессильно откинутая рука почти касалась пола.

– Лера!

– Она жива. Без сознания. Где Елена Никола... Где эта ведьма?

– По-моему, она умерла.

– Тем лучше для нее. Нам нужно убираться отсюда.

– Ты Мрак?

– Да. Эта сумасшедшая закрыла нас тут.

– Но зачем?

– Потом расскажу. Это длинная история. Видите там, на столе, ноутбук?

– Да.

– Возьмите его!

– Зачем?

– Я бы взял сам, но у меня заняты руки. Прошу вас, возьмите, и уходим.

Их никто не остановил – словно вместе с душой хозяйки покинули этот дом и души ее слуг. Мрак, откашливаясь и жадно глотая воздух, нес Леру, которая начинала приходить в себя. Марина несла ноутбук да еще крепко сжимала в руке посох дождя. Посох спасения.

Эпилог СПУСТЯ ГОД

– Лерка! Костя! Неужели без зонта? В такой дождь, вы с ума сошли!

– Уфф! Только от машины до подъезда добежали и уже успели промокнуть.

– Костя, снимай пиджак, я на плечики повешу. Лера, иди переоденься в мой халат.

– Вот еще! Зря я, что ли, наряжалась?

– Все свои, не перед кем выпендриваться.

– Не буду переодеваться!

– Простудишься – не пущу тебя в Америку. Останешься без материнского благословения перед свадьбой. Костя, скажи ей!

– Не могу, она меня не слушает.

Лера уже убежала в кухню, уже схватила что-то со стола и появилась в дверях, жуя.

– Буду слушать. Буду. Но только после свадьбы.

– Не будешь, – вздохнул Мрак. – Ты своевольная.

– Да, я такая!

– А вот мной Олег командует и помыкает, – пожаловалась Марина, разыскивая в шкафу тапочки. – Я вот не хотела сегодня готовить, собиралась поить вас чаем с покупными сухарями. А он приказал зажарить мясо и испечь торт.

– Торт – это хорошо, – покивал важно Мрак.

– Он очень много ест, Марин! Я в жизни не видела, чтобы кто-то столько ел! Кроме завтрака и обеда, требует еще и ужин!

– Он мужчина, Лерочка. Он работает.

– Можно подумать, я отдыхаю, – пробурчала Лера и снова удалилась в кухню.

– Она устроилась на работу? – шепотом спросила Марина у Мрака.

– Вернулась на прежнюю. Там теперь начальницей ее приятельница, Алена Касаткина. Между ними вроде был какой-то конфликт, но все уладилось. А еще... Вот, посмотрите.

Марина развернула поданный ей мокрый газетный лист.

– Я тут отчеркнул.

– Где... Да, вижу. «Состоится выставка ювелирных скульптур из коллекции Новиковой Е.Н. После смерти хозяйки собрание было передано в фонд музея...» Спасибо, Костя. Но я вряд ли посетю эту выставку. После всего, что мы узнали, что вам пришлось пережить...

– Марин, когда ты нам его покажешь? – снова закричала Лера из кухни.

– Кого? – испугалась Марина, скомкала газету и спрятала за спину.

– Инфанта! И где его папочка, то бишь Олег Петрович?

– Папочка на работе, недавно звонил. Уже в дороге. Петька пока спит.

– Мы купили ему в подарок железную дорогу. Костя, доставай!

– С ума сошли, – ахала Марина, рассматривая красно-золотой поезд, весело мчащийся по рельсам. – Это же очень дорого! Потом, такая игрушка нам года через два пригодится, не раньше.

– Это Костя выбирал. Мне кажется, он сам бы не прочь в него поиграть...

– Ничего подобного!

Из дальней комнаты слышались звуки, словно и там кто-то завел игрушечный паровозик. Пыхтение перешло в густое «у-у-у», и Марина поспешила на зов.

Инфанта был толстым, розовым, почти лысым, если не считать кокетливой темной челочки на лбу. Обычный младенец, но Марина смотрела на него с восторгом, Лера – с завистью, а Костя – с опасением. В прошлый раз Петр отметил его монаршей милостью так, что выходную рубашку пришлось замачивать в «Ванише». Сам же инфанта взирал на окружающих благосклонно и бессмысленно.

– Дай поддержать, Марин. Да не бойся, не уроню. Какой он... тяжеленький! Я тоже хочу такого. Знаешь, Марин, мы с Костей решили, что у нас будет двое детей. Одного мы сами родим, другого возьмем в детском доме готовенького.

– Хорошая мысль. Только вряд ли вам отдадут. Ты кошку-то свою чуть голодом не уморила. Как там, кстати, наша Степаша?

- Опять недоглядели. Вырвалась на улицу. Теперь у нее трое котят. Один твой.
- Мой? Ладно, все равно собиралась завести кошку.
- Бери-ка Петьку, он вертеться начал.

Марина протянула руки, но тут Лера замерла, глядя на младенца, в щелочки его водянисто-голубых глаз, отороченных пушистыми темными ресницами (это мамыны!).

- Лер... Лерка, ты что? Увидела что-то, да? Только не говори мне, если плохое...
- Ну какое там плохое!
- А все же было что-то?
- Да. Сказать?
- Говори.

Валерия выпрямилась торжественно и пионерски-звонким голосом объявила:

- Петька вырастет и станет президентом России!
- Ой, – пролепетала Марина и покачнулась. – Ой, Костя, поддержи ребенка... Мне что-то нехорошо... Нет, правда?

– Марин, я пошутила. Петька не будет президентом. Он будет просто человек, как все. Будет расти здоровым и шумным, будет любить родителей, рыбалку и футбол. А потом еще – работу, жену и детей. Он просто будет счастлив. Этого достаточно, правда ведь?

И все с ней согласились.